

ТРОЙНАЯ ПЕРЕПИСКА: ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ И ОЛЬГА ШОР
В ПЕРЕПИСКЕ С ОЛЬГОЙ РЕСНЕВИЧ-СИНЬОРЕЛЛИ (1925-1948)

*Предисловие и подготовка текста К. Кумпан.
Комментарии А. д'Амелия, К. Кумпан, Д. Рицци*

Знакомство Вяч. Иванова (1866-1949) с Ольгой Ресневич-Синьорелли произошло осенью 1924 года. Поэта привел к ней их общий хороший знакомый Павел Муратов, живший тогда в Риме. Хозяйка известного римского салона вспоминала, что была “покорена” Ивановым с первого мгновения, “околдована” беседой с ним и той особой “элегантностью и учтивостью, которые теперь уже не встречаются”: “Магическое его очарование исходило от умения слушать, какого я не встречала у других, от его простоты и деликатности, от строгой убедительности рассуждений”.¹

С этого времени Иванов становится частым посетителем ее салона. “В 20-е годы, когда мы приехали в Рим, – вспоминал Д. В. Иванов, – в обширных комнатах квартиры Синьорелли можно было постоянно встретить Пиранделло и Маринетти, де Кирико и Де Пизиса, Респиги и Казеллу, маститых академиков и едких знаменитых критиков”.² И в дальнейшем Ольга Синьорелли продолжала играть роль медиатора между Ивановым и представителями итальянской интеллигенции.

Настоящая переписка свидетельствует, что именно Ольга Синьорелли познакомила Вяч. Иванова с Джузеппе Де Лука, а потом они оба рекомендовали поэта Джованни Папини и способствовали публикации новых стихотворений Иванова в католическом журнале “Il Frontespizio”. Один из эпизодов, обсуждавшихся в настоящей переписке, связан с поездкой Иванова с докладом в Сан-Ремо на “Литературные понедельники”, где, благодаря Синьорелли, Вяч. Иванов сблизился с ее друзьями – антропософом Марко Спаини, и писателями Джованни Кави-кьоли и Франческо Пастонки.

¹ Из воспоминаний О. И. Синьорелли о Вяч. Иванове // ARI, III. P. 491-492.

² Из неопубликованных воспоминаний Д. В. Иванова // ARI, I. P. 546.

Ольга Синьорелли, в силу особой “сердечной активной отзывчивости”,³ сразу стала искать способы помочь Иванову устроиться в Италии. Судя по ее мемуарам, она организовала в Риме его лекцию, на которую откликнулась пресса. Вызвавшее резонанс выступление способствовало постепенно возрастающей известности Иванова в среде итальянской профессуры.

Судьбоносным оказалось знакомство Иванова с Синьорелли и в других отношениях. Ее гражданский муж Анджело Синьорелли (которого на домашнем языке Ивановы именовали “Ангелом”), известный врач, имевший влияние и связи не только в медицинских, но и в высших правительственных сферах, организовал лечение тяжело заболевшего сына Иванова, Дмитрия, которого он устроил сначала в римский туберкулезный санаторий, а потом в лечебницу в Швейцарии.

Ольга Синьорелли также приложила усилия, чтобы помочь первым профессиональным шагам дочери Иванова Лидии, способности которой она высоко ценила. Благодаря ее связям с музыкальным миром Италии, Лидия уже через два года получила первую престижную музыкальную премию за свои сочинения, что было важно и для ее карьеры, и с материальной точки зрения (Ивановы тогда были крайне стеснены в средствах).

В дальнейшем Ольга и Анджело (как это следует из переписки), деятельно помогали Лидии получить итальянское гражданство. Напомним, что ситуация в фашистской Италии к началу 1930-х годов складывается для Ивановых драматически. С конца 1932 года их неоднократно вызывали в квестуру и предупреждали, что, в связи с изгнанием итальянцев из России, иностранцам с советскими паспортами необходимо возобновить разрешение на жительство или через год покинуть Италию. Из-за этого у Лидии начались сложности с публичными исполнениями ее произведений.⁴ Вяч. Иванов 2 декабря 1932 году писал сыну Дмитрию, что “никто не может дать совета” в этом сложном деле и “одна надежда – это протекция через Синьорелли в министерствах”.⁵ Это сопряженное с большими сложностями и хлопотами дело, продолжавшееся более двух лет, во многом усилиями супругов Синьорелли, в конце концов, завершилось благополучно.

³ Такое определение дает своей подруге О. Шор в письме № 86 от 20 сентября 1932 г.

⁴ См., например, письмо Лидии Ивановой к Синьорелли от 13 сентября 1934 г., в котором она писала, что назначенное на 1 октября 1934 г. исполнение ее симфонии в зале Augusteo не может состояться без итальянского гражданства (FSFC).

⁵ *Иванов Вяч. Избранная переписка с сыном Дмитрием и дочерью Лидией* // Символ. № 53-54. Париж 2008. С. 619. Далее: Символ. № 53-54 (с указанием страницы).

И, наконец, судя по настоящей тройной переписке, становится очевидным, что, благодаря Синьорелли, в 1927 году в Италию смогла быстро и бесхлопотно въехать Ольга Александровна Шор. И в дальнейшем, как явствует из писем Шор к Иванову, именно Синьорелли помогла ей продлевать вид на жительство и остаться в Риме навсегда.

Об этом третьем корреспонденте публикуемой переписки, самоотверженной помощнице Вяч. Иванова, ставшей в Италии по сути дела членом его семьи, а также о ее отношениях с Синьорелли следует сказать несколько слов. Ольга Шор (1894-1978) родилась в семье музыкантов, окончила Московскую женскую гимназию кн. Голицыной, училась на философско-литературном факультете Высших женских курсов (с 1911), летом 1912 года слушала лекции по философии у Риккерта во Фрейбурге.⁶ В 1916 году защитила диплом о гносеологии Фихте. В первые годы революции читала лекции по истории искусства в Народном университете при Наркомпросе, затем работала в ГАХН (1923-1926). Вот, собственно, и все достаточно скудные сведения дошедшие до нас.⁷ Сам образ Ольги Шор, долгие годы бывшей в тени великого маэстро, несмотря на усилия детей Вяч. Иванова, стремящихся посмертно отдать ей дань любви и уважения – как-то странно двойится: в “Воспоминаниях” Лидии⁸ он любовно снижен (милая и самоотверженная чудачка), а в некрологической заметке Димитрия⁹ – любовно приподнят (личность, исполненная философских исканий и переживаний высших “духовных опытов”). Образ же, отразившийся в письмах самой О. Шор к Вячеславу и детям, написанных одновременно с публикуемой тройной перепиской,¹⁰ требует дешифровки, ибо замысловато скрыт под шутливой маской бестолковой и глупой и в то же время “ученой” птицы “Фламинго”, “Фломи”, из домашней мифологии, созданной совместными усилиями семьи Ивановых в их бесконечной эпистолярной игре, где все члены исполняли свои “звериные” роли.

Живой и человечески обаятельный образ, который рисуется в переписке Ольги Шор с Ольгой Синьорелли, отчасти корректирует эти “лики и личины” (выражаясь языком самого поэта), отчасти контрастирует с ними. На переписке лежит печать действенной дружбы на равных, и

⁶ Иванов Д. В. О. Шор – О. Дешарт // *Иванов Вяч. Собр. соч.* Т. III. Брюссель 1979. С. 689.

⁷ См. о ней статью А. Шишкина на сайте www.russinitalia.it.

⁸ Иванова Л. Воспоминания. Книга об отце. Paris: Atheneum, 1990. С. 185-194. Далее: Иванова Л. Воспоминания (с указанием страницы).

⁹ Иванов Д. В. О. Шор – О. Дешарт. С. 688-693.

¹⁰ Письма О. Шор к Иванову за 1924-1934 гг. вывешены на сайте www.v-ivanov.it, остальная переписка, по всей видимости, еще остается на стадии обработки.

особой человеческой близости двух незаурядных женщин. Их связывали любовь к искусству и литературные занятия. Ольга Шор постоянно помогала Синьорелли в поисках нужных ей для перевода книг и консультировала ее по вопросам современной литературы, доставала и пересылала последние художественные новинки. В начале 1930-х годов, когда Синьорелли работала над своей книгой об Элеоноре Дузе, Шор не только посылала ей книги и ссылки на русские и немецкие источники, но и познакомила Синьорелли со швейцарским писателем, критиком и издателем Гербертом Штейнером, пытаясь устроить публикацию фрагмента этой книги в его журнале “*Corona*”. Публикация не состоялась, но родилась взаимная симпатия, длившаяся долгие годы.

Помимо литературы, важен был общий интерес корреспонденток к мистико-духовным исканиям, в частности обе испытывали интерес к антропософии. Между двумя этими душами было то, что на языке антропософов называлось “эгрегор”. Вероятно, намекая на беседы на эти темы, Ольга Шор писала в письмах о необходимости встретиться и “существенно поговорить”.

Можно предположить, что общими у них были и другие интересы, например, к медицине. Как вспоминают и Лидия, и Дмитрий, Шор имела необычайные способности к диагностированию и выхаживанию больных;¹¹ что касается Синьорелли – то она была врачом по специальности. Их объединяло также неумное желание помогать людям, о чем свидетельствуют постоянные взаимные просьбы. Со стороны Шор это были просьбы о помощи Лидии, Дмитрию и самому Иванову, об ускорении выдачи визы двоюродному брату и об устройстве друзей и детей друзей (Кайдалова, Лохова, Ганчикова). Синьорелли, со своей стороны, просила Шор, и Иванову принять ее друзей и помочь им советами и душевной беседой. “Вы ведь знаете, что я врач, – писала она Иванову в одном из писем с аналогичной просьбой, – и не могу видеть равнодушно страдание людей”.

В конце 1920-х – 1930-х годах Синьорелли переживала период сложных семейных отношений, с чем была связана неуверенность в себе и недовольство собой. Депрессия и желание уединиться вынуждали ее покидать шумную римскую квартиру, и она необычайно много путешествовала. Ольга Шор всячески пыталась ее поддержать, посылая ей книги, уговаривая взяться за театральные рецензии, просто помогая заинтересованными расспросами о детях, восторженными откликами на талантливые кукольно-живописные работы старшей дочери Марии и

¹¹ “За медициной и ее новыми путями она следила издали, но с неиссякаемым интересом” (Иванов Д. В. О. Шор – О. Дешарт. С. 692): “Медицина ее очень интересовала, она имела какой-то дар диагноза” (Иванова Л. Воспоминания. С. 192).

высокой оценкой первых журналистских проб младшей дочери Веры, а также статей и переводов самой Синьорелли.

Старшая подруга отвечала ей благодарной открытостью. Она не раз признавалась в письмах, что тоскует без общения с ней, что очень ждет ее милых писем и мечтает о встрече, чтобы поговорить по душам. “Вы ведь один из самых близких мне людей <...> Обыкновенно люди надеются спасать других словами, убеждением, и часто этим осложняют и делают еще тяжелее уже тяжелую жизнь. Мне кажется, что мы спасаем ближнего только пониманием, любовью, молитвою, как это делаете Вы”, – писала она в письме от 30 августа 1932 года.

Несколько иными были отношения Вяч. Иванова и Синьорелли. Между ними (особенно в первые годы переписки) сохранялась определенная иерархическая дистанция. Ольга Синьорелли относилась к поэту с глубоким уважением и пиететом. Кстати, о дистанции свидетельствует ее подпись под письмами к Иванову: в отличие от дружественной “Ольга” под письмами к Шор, письма к Иванову она подписывала официально: девичьей фамилией “Ольга Ресневич” или двойной – “Ольга Ресневич Синьорелли”, как подписывала статьи и переводы.

Отношение Иванова к Синьорелли не было однозначным и, судя по оценкам, проскальзывавшим в письмах его к Шор, было не всегда справедливым и ровным. Вспыхнувшая дружба Шор и Синьорелли, которая на первых порах всячески приветствовалась Ивановым, в дальнейшем стала его раздражать. Возможно, здесь сказывалась человеческая ревность: “...у Вас, когда речь идет об О<льге> И<вановне>, всегда заскок”, – запальчиво замечает он в одном из писем к Шор, в ответ на очередные просьбы, которые Синьорелли передавала ему через подругу.¹² Первые два “итальянских” года Шор лишь наезжала в Павию, и можно предположить, что Иванов чувствовал одиночество. В 1927-1928 годах она тоже много ездила по стране, собирая материалы по Микеланджело, ради изучения которого официально приехала в Италию, но в основном жила в Риме, где помогала Лидии, учившейся в консерватории, навещала Димитрия, лечившегося в санатории, и постоянно общалась с Синьорелли, у которой бывала часто вместе со своей кухней Лелей.¹³ Некоторое недовольство могло быть вызвано и другими обстоятельствами: легкая ирония звучит в оценках Ивановым представителей антропософского круга друзей Синьорелли: к штейнерианству, как известно, Иванов относился скептически, тогда как Шор читала с интересом работы Учителя и даже проводила сеансы меди-

¹² Переписка Вячеслава Иванова с Ольгой Шор // АRI, III. С. 435.

¹³ Как частых посетителей салона Синьорелли их вспоминает через много лет Павел Мансуров (см. его письмо от 6 января 1969 г. во втором томе наст. издания).

тации. Ворчливую придирчивость вызывала у Иванова излишняя, с его точки зрения, “духовная” аффектация¹⁴ в их отношениях. В ответ на просьбу обеих корреспонденток помочь перевести на итальянский язык фрагмент из написанного Шор предисловия к “Переписке из двух углов”, он хоть и шутливо, но с явным раздражением пишет: “Распоряжаться мною по-дамски Вы привыкли в кооперации и существенной душевной ассимиляции с нашей международной летуньей: *ее spiritualità* <духовность – *ит.*> уже носит ее по воздуху”.¹⁵

Конечно, несправедливые оценки и ворчливая придирчивость прорывались только в письмах к Шор и детям. В письмах же к самой Синьорелли выражалась учтивость и приязнь, тем более, что, как правило, в них заключалась просьба, и в таких случаях поэт был очаровательно любезен.

С годами отношения становятся ровными и теплыми, а после переезда Ивановых в Рим, когда Синьорелли продолжает лечить и помогать Ивановым и вместе с дочерью Марией регулярно навещает их на Via Monte Tarpeo и на Aventino, дружеские чувства поэта перерастают в благодарную глубокую дружбу. Об этом свидетельствует не только сохранившиеся последние письма Иванова, но и тот факт, что он становится крестным отцом внучки Синьорелли (младшей дочери Марии Летиции).¹⁶

Внутренние претензии к Синьорелли, пик которых приходится на рубеж 1920-х – 1930-х годов, необходимо учитывать, обращаясь к главному сюжету настоящей публикации – перипетиям, связанным с переводом на итальянский язык знаменитой “Переписки из двух углов” Вяч. Иванова и М. О. Гершензона, и даже не самой книги, а предисловия к ней Шор (О. Дешарт).

“Длинную историю” этого предисловия шутливо рассказывает Лида Иванова.¹⁷ Пунктирно она проходит в переписке Иванова с Шор в

¹⁴ Следует иметь в виду, что отношения Шор и Синьорелли носили не только “апантетически-духовный” характер. Так, вероятно, втайне от Вяч. Иванова Синьорелли одалживала деньги Ольге Шор в трудную для семьи Ивановых минуту. Степень человеческой близости позволила Синьорелли, которая настоятельно уговаривала Шор приехать на доклад Иванова в Сан-Ремо, предложить подруге-бессребренице свое выходное платье на банкет по этому случаю (см. об этом в письме Синьорелли Шор № 94 от 23 марта 1933 г.).

¹⁵ Переписка Вячеслава Иванова с Ольгой Шор // АРИ, III. С. 411. Ольга Синьорелли в это время улетела в Ригу (см. ее впечатления от полета в письме Шор № 32 от 8 июля 1930 г.).

¹⁶ Иванова Л. Воспоминания. С. 291-292.

¹⁷ Там же. С. 229-230.

эти годы. Но, пожалуй, наиболее детально работа над предисловием и переводом, как и дальнейшая подготовка издания, предстает в этой тройной переписке.

Вероятно, устная договоренность о переводе “Переписки” относится к 1928 году. Ее выбор, безусловно, стимулировался все возрастающим интересом к книге после появления в 1926 году немецкого перевода. У Синьорелли был опыт работы над переводом религиозно-философского текста: мы имеем в виду ее удачный перевод статьи Н. А. Бердяева “Душа России”, сделавший имя этого русского мыслителя известным в Италии.¹⁸ Выбор могла с энтузиазмом поддержать и О. Шор, ученица и почитательница покойного Гершензона. Однако книга вышла только осенью 1932 года. Настоящая тройная переписка объясняет “длинную историю” не только предисловия, но и всего этого издания.

Синьорелли энергично взялась за работу и 17 августа 1928 года оповещает Шор, что “Переписка” “выйдет в конце сентября” этого года. Оптимистический план сразу оказался сорван Ивановым, который отличался затягиванием работы, особенно в том случае, когда относился к ней индифферентно. Только 13 февраля 1929 года Синьорелли обращается к нему с настоятельной просьбой прислать “просмотренный перевод”. Она рассчитывает в феврале заключить договор с издательством *Carabba*, “чтобы книжка вышла не позже мая” (теперь уже 1929 года).

Однако к концу февраля контракт не был заключен, поскольку Иванов оказался загруженным преподавательской работой (см. его письмо от 17 февраля) и лишь после повторного напоминания,¹⁹ а именно 3 марта 1929 года он высылает рукопись. Можно предположить, что поэт бегло просмотрел перевод: в сопровождавшем бандероль письмо Иванов предупреждает, что ему будет необходима корректура, поскольку “не уверен, все ли еще заметил, что нуждалось в исправлении”.

Никаких жалоб на качество итальянского перевода в письмах Иванова этого периода нет, только в письме к Шор он высказывает недовольство, что текущая работа, в том числе и этот просмотр перевода отвлекают его от творческой работы (“Давно не думаю об Ахинее”).²⁰ В ответном письме Шор уговаривает его особенно не утруждаться и так характеризует качество переводов Синьорелли: “У О. И. отличный

¹⁸ См. об этом подробнее в публикации переписки с Бердяевым в наст. томе.

¹⁹ См. письмо Синьорелли № 15 от 27 февраля 1929 г., где корреспондентка указывает, что *Carabba* “грозит, что если книжка не будет набрана в марте”, она выйдет только к Рождеству, “а если будет набрана в марте – выйдет в апреле”.

²⁰ Письмо Вяч. Иванова к О. Шор от 3 марта 1929 г. (ARI, III. P. 355). “Ахинеей” на домашнем языке называлась “Повесть о Светомире Царевиче”.

язык, проверьте, всюду ли верен смысл – и basta! <...> “Переписка” “совершенна в своем роде и на своем месте”.²¹

На этом кончается первый этап работы над переводом книги, и начинается второй – написание предисловия к ней. Теперь задержка издания была вызвана долгой и мучительной работой Шор над предисловием. Еще в первом письме от 31 августа 1928 года Синьорелли попросила Шор “приготовить краткое введение, хоть в нескольких словах”. Шор, вероятно, взялась за это предложение не сразу. Во всяком случае, только 17 февраля 1929 года она обращается к Иванову с просьбой дать сведения о себе и о М. О. Гершензоне: “Ради Бога, сообщите мне, что Вы считаете нужным и возможным рассказывать итальянской публике. Как это ни дико, но я ничего не умею сказать про Мих<аила> Ос<ипо-вича>, не могу даже изложить его взглядов. Напишите хоть что-нибудь о нем”.²²

Иванов не откликнулся на эту просьбу, и Шор, которая с юности была увлечена философско-религиозными идеями Иванова, садится сама за реконструкцию его мировоззрения и творческого пути. Ранняя стадия работы прослеживается по переписке ее с Ивановым, где предисловие именуется “артикулус”, “артикулетто”, “артикулетто” или “articuletto”.

Итак, вместо краткой биографической заметки, Шор задумывает фундаментальное исследование. В письме к Иванову от 9 апреля 1929 года она жалуется: “Птица вся в Ваших мыслях. Невероятно трудно о вас писать. А О. И. торопит”.²³ Только 30 апреля она посылает Иванову начало статьи, причем, как явствует из сопровождающего письма, этот ранний вариант сильно отличался от окончательного. Здесь, например, много говорилось о роли Л. Д. Зиновьевой-Аннибал (покойной жены Иванова) во внутреннем становлении поэта, причем, Шор волнуется, что говорится это “м. б. слишком интимно”. Она посылает поэту копию (снятую Лидией Ивановой) с написанной части, а оригинал отдает Синьорелли, которая намеревается сразу сесть за перевод.²⁴

Письмо Иванова Шор от 4 мая дает представление о размахе и характере задуманного предисловия. Иванов благодарит ее за “подъятый серьезный труд”, характеризует его как “широко задуманную и философски конструктивную работу”, но тут же замечает, что в таком виде работа, “со всеми ее цитатами”, сложна для перевода, и выражает сом-

²¹ Письмо от 6 марта 1929 г. (РАИ, оп. 5, карт. 13, папка 6, л. 24об.)

²² Там же, л. 13.

²³ Там же, л. 35.

²⁴ Там же, л. 40об.

нение, что Синьорелли с ней справится.²⁵ Видимо, уже на этой ранней стадии Иванов серьезно правит и дополняет текст Шор, за что она радостно его благодарит в ответном письме от 6 мая. Здесь же Шор прибавляет, что Синьорелли “стонет, говорит, что артикуλος труднее теперь самих писем”.²⁶ Следует заметить, что переводчица была совершенно права: даже окончательный (облегченный) текст предисловия, действительно, оказался куда более эзотеричен и сложен для перевода, чем эпистолярный диалог между двумя философами 1920-го года: метаязык вступительной статьи построен на непереводаемом цитатном континууме, заимствованном из наиболее сложных ранних статей Иванова.²⁷

Несмотря на высказанную похвалу в адрес присланной части предисловия, Иванов не доверял не только переводчице, но, как кажется, и толкователю его творчества. В письме от 8 мая он искренне сожалеет, что Шор тратит время и силы на этот этюд, тогда как “О. И. с ним не справится и вся затея рухнет”, а в письме от 29 июня, учтиво благодарит “за рвение к этюду”, но “с горькою досадою” замечает: “в этой затянувшейся и осложнившейся работе. Вы все равно, ‘по независящим от Вас обстоятельствам’ не скажете самого главного...”.²⁸

Однако Шор продолжает усердно работать, уверяя Иванова, что ей “весело заниматься Пуфенькой” (домашнее имя Иванова), что работа ее “затягивает и увлекает”. Она более, чем Иванов, доверяет подруге (“О. И. отнюдь не отказывается переводить артикуλος Птицы и даже уединилась на сей предмет в Террачину”)²⁹ и успокаивает Иванова, напоминая, что для перевода статьи найден помощник: “О. И. будет весьма счастлива передать на редакцию тирана ее перевод; мы уж об этом говорили”.³⁰ Замечание это весьма интересно. Речь идет о стилистической редакции итальянского перевода образованным и тонким филологом, бывшим ректором Колледжо Борромео Леопольдом Рибольди, близким другом семьи Ивановых (домашнюю кличку “тиран” он, как известно, получил от Лидии).

Напряженная работа над “этюдом” вынужденно прерывается в начале июля 1929 года, когда Шор срочно уезжает в Париж ухаживать за

²⁵ ARI, III. P. 361.

²⁶ РАИ, оп. 5, карт. 13, папка 7, л. 1.

²⁷ См., например, посылаемую Синьорелли Иванову цитату из статьи “Ницше и Дионис” (письмо № 24 без начала, написанное после 8 марта 1930 г.), которую она просит перевести.

²⁸ ARI, III. P. 362, 379.

²⁹ Письмо Шор Иванову от 10 мая 1929 г. (РАИ, оп. 5, карт. 13, папка 7, л. 2).

³⁰ Письмо Шор Иванову от 30 мая 1929 г. (Там же, л. 10об.).

больной кузиной. Она возвращается к статье лишь через несколько недель и 1 августа 1929 года сообщает Иванову из Парижа: “Артикуло́с стал неузнаваем. Пуф <т.е. глава об Иванове> совершенно выделен и образует независимую статью”, и далее дает автооценку этой главе: “Хоть раздражающе беспомощно и бесцветно, но все же в ‘артикулусе’ по крайней мере вопрос ставится о пути Айлу́роса <прозвище Иванова-философа> от Диониса к Христу и Церкви”.³¹ Тронутый самоотверженной работой друга, Иванов в ответном письме от 12 августа просит прислать “артикуло́с” в Швейцарию, “дабы сделать приятный сюрприз О. И.”, предлагает сделать перевод “артикуло́уса” собственноручно на итальянский язык, а потом “прямо направить стилисту Тирану”.³²

Но Шор никак не может завершить работу. Правда, судя по письму к Синьорелли от 31 августа, она обещает подруге в скором времени прислать рукопись, но предисловие все разрастается и разрастается, а работа все затягивается и затягивается. О работе над главами, посвященными Иванову она сообщает поэту в письме от 16 сентября, жалуясь, что “Айлу́рос” “ужасно трудный и неуловимый”,³³ об этом же она упоминает в письмах от 8³⁴ и 16 ноября.³⁵ Иванов сочувствует мучениям Шор, не без иронии сравнивая себя с “бездонным сосудом”, а Ольгу с “одной из Данаид”.³⁶ И только 3 декабря 1929 года она отправляет, наконец, Иванову первые четыре посвященные ему главки в этом раннем большом эссе.³⁷

Дальнейшая работа зафиксирована в письмах к Синьорелли. Поэтому отметим лишь основные вехи. Она принимает неожиданный оборот: меняется сам план издания. После того, как 11 февраля 1930 года

³¹ Там же, л. 28об.-29. В этом письме Шор впервые предлагает сделать из этой главки отдельную статью, отдать ее перевести Нессельштрассе, чтобы издать под его именем, так как тот не может справиться с порученным ему эссе об Иванове для готовящегося тогда номера цюрихского журнала “Neuen Schweizer Rundschau”. Позднее этот проект был в какой-то мере реализован: не вошедшая в предисловие биографическая часть была оформлена в самостоятельную статью, которая под именем О. Дешарт напечатана в посвященном Иванову номере журнала “Il Convegno”.

³² ARI, III. P. 382. Видимо, не желая затруднять Иванова, Шор планировала заехать по дороге из Парижа в Милан, чтобы “растолковать Тирану” свой “артикуло́с” (то есть, вероятно, предложить ему перевести текст вместе с ней); план вызывает раздражение Иванова (ARI, III. С. 388); 25 сентября 1929 г. Шор соглашается с доводами “Пуфа” и пишет: “Артикуло́с тирану пришло” (РАИ, оп. 5, карт. 13, папка 7, л. 38).

³³ Там же, л. 37.

³⁴ Там же, л. 40об.

³⁵ Там же, л. 43.

³⁶ ARI, III. P. 389.

³⁷ Там же. P. 393.

Синьорелли просит прислать предисловие объемом не более 30 страниц, для соблюдения пропорции между вступительной статьей и основным текстом, Шор предлагает от имени Иванова добавить в книгу еще два текста – переработанный для немецкого издания вариант статьи Иванова “Кручи” и опус Гершензона “Солнце над мглой”. Для этой новой по составу книги, чтобы не портить и не сокращать “более чем наполовину” уже написанный текст, Шор была готова написать 10 новых страниц “Предисловия”, а “в конце книги в виде *Appendice* мелким шрифтом” поместить эту свою статью “о думах и судьбах обоих авторов”.

Из ответного письма следует, что издатель не согласился с новым планом, торопит с набором предисловия, поскольку текст переписки уже набран, и хочет иметь готовую книгу до Пасхи. Синьорелли пишет, что, прибегнув к помощи своего друга Джузеппе Де Лука, пытается справиться с посланным ей сложнейшим текстом предисловия, но не может перевести множество цитат, прозаических и стихотворных. Чувствуя свою беспомощность, переводчица предлагает или перенести тяжелую и срочную работу над предисловием, использовав его как введение для какого-то другого издания статей Иванова (а сейчас прислать “несколько строк очень простой биографии для разъяснения ‘писем’”), или позволить ей сократить некоторые цитаты, а оставленные и наиболее непередаваемые, посылает Иванову, обращаясь к нему с просьбой о помощи.

В следующих мартовских письмах 1930 года продолжает муссироваться новый план. Шор с Ивановым, соглашаясь со всеми сокращениями цитат в предисловии и предлагая любую помощь, все же настаивают на включении в книгу статьи “Кручи”, в то время как Синьорелли продолжает настаивать на своем плане и передает альтернативное предложение Де Лука подготовить “в издательстве ‘La Fiorentina’, которым заведует Папини и при котором работает и De Luca”, вторую книгу избранных статей Вяч. Иванова, снабдив ее написанным большим предисловием Шор. Этот “заманчивый план” заставляет Шор и Иванова согласиться на вариант Синьорелли, и в письме от 13 марта 1930 года Шор обещает написать “вводную статейку”, которая по объему займет не более 15 страниц, и прислать ее “через 3-4 дня”. Однако 17 марта планы снова меняются: Шор возвращается к идее большой, но облегченной вступительной статьи, которая “*вполне устроит*” и Синьорелли, и Карабба и “будет готова через 2-3 дня”.

Однако до Пасхи³⁸ предисловие так и не было закончено, и работа над книгой откладывается. Синьорелли уезжает в Париж на выставку дочери Марии, а потом с кратким заездом в Рим, летит в Латвию.

В письме от 8 мая 1930 года Иванов просит Шор “хорошо работать” и наконец, “с окончательной отчетливостью приготовить весь материал для Ольги Ивановны”.³⁹ 23 мая Шор посылает ему полный текст “Предисловия”, параллельно пересылая Синьорелли новую главу о Гершензоне для перевода. Часть этой главы Синьорелли переводит в Риме, часть в своем латышском имении, и обе части вскоре отправляются на просмотр и исправление Иванову.

В начале августа 1930 года Шор еще продолжает работать над финальными страничками статьи, которые пишет прямо на итальянском языке и посылает Иванову в Давос, а 11 августа посылает и составленную ею вчерне библиографию для дополнения и уточнения.⁴⁰ При этом она сообщает Синьорелли о завершении редактуры предисловия (4 августа), но, пользуясь почтовой неразберихой, задерживает отправку. И только после получения 23 августа из Давоса рукописи всего текста “артикулуса”, срочно перебив грязные страницы (с неразборчивой ивановской правкой или прямо скорописью написанные им), она, наконец, 27 августа отсылает окончательный текст предисловия.

За рамками настоящей переписки осталась оценка Ивановым предисловия Шор. Но судя по письмам Иванова к ней, он не вполне одобрял “артикулетто”, часть, посвященная изложению его собственных взглядов, на этот раз показалась ему “невнятной”; на последнем этапе он исключил последний фрагмент, где сопоставлялись две философские системы корреспондентов “из двух углов”. Как явствует из письма Шор к Иванову от 29 августа 1930 года, тогда же он серьезно переработал посвященную ему часть, написав заново наиболее ответственный ее фрагмент о времени и пространстве.⁴¹ При этом главу о Гершензоне,

³⁸ Католическая Пасха в 1930 г. приходилась на 20 апреля.

³⁹ ARI, III. P. 397.

⁴⁰ “Cenni biografici” (Библиографические заметки) были помещены в конце предисловия О. Дешарт, сразу перед текстом “Переписки”: *Venceslao Ivanov e M. O. Gher-scenson. Corrispondenza da un angolo all'altro / Traduzione dal russo di Olga Resnevic. Rivista da Venceslao Ivanov. Lanciano: R. Carabba, 1932 (Cultura dell'anima, №. 142). P. 65-67.* Далее ссылки на это издание даются только с указанием страниц (в скобках, только цифры курсивом), без повторов библиографического адреса прямо в тексте статьи. То же обозначение повторено в комментариях к письмам.

⁴¹ ARI, III. P. 419-420.

который видимо его не интересовал,⁴² он не правил. Таким образом, написанная Шор, отчасти по-русски, отчасти по-итальянски, эта глава, была переведена и отредактирована самой Синьорелли без помощи Иванова. Причем перевод оказался удачным, что следует из благодарных восторгов Шор в письме к переводчице от 28 августа 1930 года, после прочтения этой главы.

На этом закончился второй этап работы над итальянским изданием “Переписки”, т. е. над предисловием Шор, появившимся за именем О. Deschartes. Оно занимает 63 небольшие страницы в издании, и состоит из краткого “Introduzione” об истории появления самой переписки (7-11) и двух равных по объему глав – об Иванове (13-37) и о Гершензоне (39-63). Главы об авторах начинаются с изложения их мировоззрения и “духовного пути”, а заканчиваются биографическим параграфом. Причем глава об Иванове, как явствует из изложенной истории текста, в определенной мере принадлежала перу самого поэта. Об этом же косвенно свидетельствует и насквозь цитатный ивановский язык, и крайне усложненная стилистика “артикулетто”.

Следующая задержка в работе уже была на совести издателя Карабба, которому Синьорелли 7 сентября 1930 года из рук в руки передала для набора вступительную статью. Из письма Шор от 3 ноября становится понятным, что выход книги он откладывает на февраль 1931 года. За это время появляется французский перевод “Переписки”, сначала опубликованный в журнале “Vigile” Шарля Дю Боса, а потом отдельной книгой. Для этого французского издания текст писем Иванова к Гершензону был существенно отредактирован автором. Кроме того, по просьбе издателя Иванов написал к нему послесловие в форме письма к Дю Босу, где изложил эволюцию своей духовной жизни со времени появления первого издания книги в “Алконосте” (Пг. 1921).

Сообщая об этом Синьорелли в письме от 5-7 февраля 1931 года, Шор тут же передает просьбу Иванова прислать ему корректуру итальянского текста “Переписки”. Интересно заметить, что корректура самой книги без предисловия была готова год назад, о чем Синьорелли писала Шор в письме от 6 марта 1930 года. Впервые Иванов об этом вспомнил в октябре 1930 года, после завершения работы над французским переводом.⁴³ В октябре Синьорелли не ответила и видимо забыла об этой просьбе. Однако Иванов снова вспомнил о корректуре по выходе французской “Переписки” отдельным изданием. Все это свидетель-

⁴² См. ворчанье Вяч. Иванова на Шор и Синьорелли за то, что они заставляют его заниматься правкой этой главы в письмах к Шор от 4 и 7 июля 1930 г. (Там же. Р. 410-411, 413-414).

⁴³ См. эту просьбу в письме О. Шор № 44 от 10 октября 1930 г.

ствуется о том, что его просьба была продиктована желанием переработки текста по аналогии с французским вариантом. К сожалению, письма Синьорелли за март-август не найдены в фонде Шор, и мы не знаем, когда была выслана Иванову корректура, но если предположить, она была доставлена сразу в марте 1931 года, то у Иванова было достаточно времени для переработки текста своих шести писем к Гершензону, поскольку только 8 сентября 1931 года (судя по письму Шор) корректура была возвращена издателю (“поехала к Карабба”).

Об этом последнем этапе работы над книгой уже в корректуре Иванов рассказывает в письме к Синьорелли от 20 октября 1931 года; здесь же он дает оценку переводу. Письмо это является наиболее важным в сюжете связанном с переводом книги. К запоздалому ответу на вопрос Синьорелли от 1 сентября (“остались ли довольны переводом?”) Иванова подтолкнули гнев и угрозы Караббы, которые содержались в письме издателя к Ольге Синьорелли, пересланном ею Шор именно 20 октября. Этого письма в РАИ не сохранилось (или не выявлено), но судя по указанному ответному письму Иванова Синьорелли, а также по письму детям (от 9 ноября 1931 г.),⁴⁴ и из дальнейшей переписки Синьорелли и Шор (от 9 и 14 декабря 1931 г.), Карабба был взбешен, что “в корректуре ему прислали новый текст” и что он вынужден “набрать вторично всю книгу”. Издатель указывал, что “несет через это огромные издержки”,⁴⁵ и требовал от Синьорелли оплаты вторичного набора книги.⁴⁶

Как видно Карабба не торопился делать новый набор: 27 октября 1931 года Синьорелли пишет письмо издателю и просит форсировать работу, угрожая, что вынуждена будет вернуть рукопись Иванову, если она не выйдет через полгода.⁴⁷ Из-за нового набора понадобилась вторая корректура (см. просьбу Шор к Синьорелли прислать ее Иванову в письме от 29 ноября 1931 года), а потом и третья (см. просьбу Шор об этом в письме от 6 декабря). Между второй и третьей корректурой возникла мысль ввести в книгу письмо Дю Босу (см. письмо Шор к Синьорелли от 14 декабря). Идея эта исходила от Иванова, который то настаивает, то отказывается от публикации письма, чтобы не задерживать выход книги к Рождеству (см. два его письма к Синьорелли от 16 декабря). Но к Рождеству книга не вышла, и Иванов собственноручно

⁴⁴ Символ. № 53-54. С. 612.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ См. об этом напоминание *post factum* в письме Синьорелли Иванову № 89 после 7 ноября 1932 г.

⁴⁷ Копия этого письма Синьорелли храниться в FSFC, среди писем к ней брата издателя *Gino Sarabba*, также участвующего в издательском деле.

делает итальянский перевод “Письма Дю Босу” и 31 января 1932 года посылает его Карабба. Однако проект этот так и не был осуществлен, скорее всего, из-за отказа Караббы менять состав книги на стадии третьей корректуры.⁴⁸

Дальнейшая задержка произошла в связи с отъездом Ольги Синьорелли в Берлин на очередную выставку Марии. Вернувшись в начале марта в Рим, она посылает залежавшуюся у нее в доме третью корректуру Иванову. Потом снова пропадает Карабба.⁴⁹ И только 25 июня 1932 года издатель извещает Синьорелли, что переписка отпечатана и прибавляет, что по выходе книги пришлет ей несколько экземпляров.⁵⁰ Наконец, осенью 1932 года многострадальная книга выходит из печати.

Встает вопрос, в чем заключалась объемная правка корректуры, вызвавшая гнев издателя и серьезную техническую задержку книги.

Сверка русского оригинала “Переписки из двух углов” с итальянским текстом показывает, что “уточнение и прояснение смысла” повлекло за собой замену некоторых мест в текстах писем Иванова к Гершензону (V, VII, IX, XI), а также изменение цитатного пласта, который был расширен и переведен в стихотворную форму. Не имея возможности, в рамках настоящей преамбулы, подробно остановиться на сравнении и анализе русского и итальянского текстов “Переписки” (что должно стать предметом специального исследования), заметим лишь возникшие в итальянском варианте серьезные семантические “сдвиги”, которые свидетельствуют о желании Иванова заново переписать волновавшие его в 1920 году мысли и идеи, откорректировать их под иным углом зрения, с новых позиций и снабдить некоторыми ссылками на современную философско-религиозную мысль.

В свете сказанного следует осторожно отнестись к установившемуся мнению, что авторская правка была вызвана неудачным переводом Синьорелли, и что Иванов остался им недоволен. Правда, сама переводчица, чуждая авторских амбиций, дала повод для такой оценки, отмечая, что “ни один перевод не стоил” ей “столько труда и ни один так мало не удовлетворял”. Сам Иванов, в указанном письме от 20 октября,

⁴⁸ Существует ничем не аргументированное мнение, что “Письмо Дю Босу” не было опубликовано в первом издании “Переписки из двух углов” из-за запрета самого Муссолини. См. об этом в примечании к публикации письма в приложении к позднейшему итальянскому изданию: *Vjač. Ivanov e M. Geršenzon. Corrispondenza da un angolo all'altro*. Milano: “La Casa di Matrona”, 1976. P. 105.

⁴⁹ В письме к Лидии от 27 апреля 1932 г. Иванов просит дочь узнать у Синьорелли, почему “Карабба не выпускает *Corrispondenza*” и ворчливо прибавляет: “... я не иначе себе объясняю как интригами Ольги, мстящей за мои перемены в ее переводе” (Символ. № 53-54. С. 615).

⁵⁰ FSFC (папка “Gino Carabba”).

дает уклончивую его оценку (“Многое в нем очень удачно, многое не точно или стилистически небрежно”), однако тут же отмечает, что при работе над французским переводом выявились изъяны оригинала: стали “более ясными и отчетливыми многие места, не достаточно точно передающие мысль авторов в оригинале” и что в нем “многие места переписки, не поддававшиеся точному переводу, нашли свою окончательную форму”. Таким образом, дело, скорее всего, было не только и не столько в правке переводчика, сколько в правке не удовлетворявшего автора собственного текста десятилетней давности.⁵¹

Кроме того, в своем желании сделать книгу “в итальянской одежде” более красивой и многозначительной, чем русский оригинал, Иванов начинает менять стилистику, усложняя изложение мыслей, более простых и ясных в русском оригинале, и архаизируя язык, а потом “выверяет” свой итальянский “перевод” “при помощи ученых итальянцев”. Заметим, что при всем уважении к мнению Иванова и ученых католиков (Л. Рибольди и Р. Нашимбене) Синьорелли все же была недовольна и огорчена некоторыми стилистическими исправлениями и настояла на том, что имя Иванова, в качестве редактора ее перевода, стояло на обложке книги.

Подводя итог, следует заметить, что история работы над переводом, отразившаяся в настоящей тройной переписке, приоткрывает новую страницу изучения Иванова: предисловие Дешарт необходимо учесть при анализе автометоописаний поэта, а итальянский текст писем Иванова в “Переписке из двух углов” следует включить в круг переводов-переработок поздним Ивановым своих ранних философских статей.

Тексты публикуемых писем печатаются по автографам (ранее опубликованные – перепроверены заново). Из выявленных при работе над настоящей перепиской 185 писем (не считая вложений) всех трех корреспондентов здесь публикуется 133: 45 писем Ольги Шор к Ольге Синьорелли, отобранных из 61 ее письма, хранящегося в архиве Синьорелли в Фонде Чини (59 в папке “O. Šor” и 2 – в папке “Dmitrij Ivanov”). В этом же фонде, в отдельной папке, хранится 22 письма: 18 писем и за-

⁵¹ Отметим, что в рекомендательном письме К. С. Станиславскому, написанному, когда книга уже была готова, Вяч. Иванов дал высокую оценку переводческой деятельности Синьорелли в целом и ее работе над перепиской (хотя тут безусловно следует учитывать специфику “жанра”): “Ольга Ивановна – известная в Италии переводчица некоторых классических произведений русской литературы; я же лично обязан ей превосходным переводом ‘Переписки из двух углов’ между покойным Гершензоном и мною” (Архив Музея МХАТа, фонд К. С. Станиславского, № 8450).

писок самого Вяч. Иванова и 4 коллективные открытки, подписанные Вяч. Ивановым и другими членами его семейства; из них в наст. публикацию включены 18 писем только самого Иванова.

Что касается писем Синьорелли, хранящихся в РАИ, то к настоящему времени выявлено 39 ее писем к Вяч. Иванову и его семье (Вяч. Иванову, О. Шор и Лидии Ивановой), из которых мы публикуем 25 – к самому Вячеславу Ивановичу и 5 обращенных к семье; в фонде О. Шор пока обнаружено 64 письма Синьорелли, из которых в наст. публикацию включено 40.

Переписка Иванова с Синьорелли охватывает почти весь “итальянский” период жизни поэта, начиная с 1925 и кончая 1948 годом. Переписка Синьорелли с Шор датируется 1927-1970 годами.

За рамками публикации остались коллективные поздравительные открытки на русском и итальянском языках, хранящиеся в фонде Синьорелли (FSFC, в папке “V. I. Ivanov”), а также адресованные Иванову три недатированные записки Синьорелли (РАИ). Не включены и некоторые малосодержательные и дублирующие информацию открытки и письма Ольги Шор к Синьорелли (FSFC) и Синьорелли к ней (РАИ). Кроме того мы сочли возможным не включать позднюю переписку Шор с Синьорелли (1950-1970), продолжавшуюся после смерти Иванова: она отрывочна и мало информативна. Из корреспонденций на итальянском языке включена только одна представляющая интерес открытка; еще одно письмо Синьорелли военного времени, также написанное по-итальянски, мы используем в примечаниях, для пояснения публикуемого письма Вяч. Иванова.

25 писем из этого массива ранее напечатаны Эльдой Гаретто в публикации “Переписка Вяч. Иванова и Ольги Ресневич-Синьорелли” (ARI, III. P. 457-496). Из них 18 писем Иванова к Синьорелли напечатаны полностью, 2 письма Синьорелли к Иванову с лакунами разной величины: письмо от 17 февраля 1928 г. – с изъятием одной фразы, а от 13 февраля 1929 г. – фрагментарно. В приложение к этой публикации включены также 4 письма Шор к Синьорелли: от 7 февраля 1927 г. (это письмо напечатано полностью также в книге: *Una Russa a Roma. Milano* 1990), а также от 20 февраля, 8 марта 1930 г. и от 12 февраля 1932 г. (все три с лакунами или фрагментарно); в публикацию включено также 1 письмо Синьорелли к Шор от 6 марта 1930 г., напечатанное с сокращениями.

Следует иметь в виду, что фонд Шор находится в обработке, поэтому нельзя утверждать, что к настоящему моменту выявлены все письма Синьорелли к ней; не исключено, что в Римском архиве могут быть обнаружены еще и письма ее к Иванову. Для трех писем (см. №№ 23, 31, 87) удалось разыскать только фрагменты (или первые или последние

страницы). Однако мы решили включить их в настоящий корпус, поскольку они содержательны и даже в таком виде помогают восстановить “контекст” переписки.

Кроме того, было бы крайне желательно для понимания работы над переводом предисловия Шор, найти ранний его рукописный вариант на русском языке, который был значительно более обширен, а также последний, с правкой и вставками Иванова. Анализ этих материалов дал бы возможность установить, кому в большей мере (Иванову или Шор) принадлежит текст главы об Иванове. Иначе говоря, настоящая работа (как, впрочем, и ранее опубликованные домашняя переписка Иванова с детьми и его письма к Шор) вынужденно неполна и носит предварительный характер.

Тексты публикуемых писем печатаются по современной орфографии и пунктуации (старая орфография в письмах всех трех корреспондентов соблюдалась неполностью и непоследовательно), с сохранением индивидуальных особенностей стиля и орфографии корреспондентов, а также старым написанием фамилий и топонимов (например, Микель-Анджело, Санремо). В наибольшей мере это касается О. Синьорелли, язык и правописание которой имеет свои особенности и неправильности. Специально не помечая, мы сохраняем ее стилистические ошибки и грамматические неточности (неверные падежи, глагольный вид), итальянское написание слова “leggenda” в латинском контексте (вместо “legenda”), архаическое “сало” (вместо “зал”), итальянизированное “тимбр” (вместо “тембр”), “отпечатки” (вместо “опечатки”), “понемного” вместо “понемногу”, “почеркнуть” вместо “подчеркнуть”, прилагательного “Гетовского” вместо “Гётевского”, неверное написание некоторых фамилий и имен (“Гершенсон”, Вячеслав Иванович и т.д.)

Сокращения имен всех трех корреспондентов, часто встречающиеся в переписке (особенно в письмах Иванова и Шор), не раскрываются.

Уточнение и разыскание сведений по итальянским архивам и газетам для комментария были сделаны Аньезе Аккаттоли, которой мы выражаем глубокую признательность. Благодарим также Мартину Фиоре, которая предоставила нам составленную ею рукописную опись итальянской корреспонденции в Римском архиве Иванова, Андрея Шишкина за ряд ценных указаний и Ольгу Кельберт за помощь по разысканию и копированию писем Синьорелли в фонде О. Шор. Мы выражаем признательность Эльде Гаретто, оказавший нам большую помощь на первом этапе работы. Ценнейшие данные о выставках Марии Синьорелли были любезно предоставлены внучкой Синьорелли Джузеппиной Вольпичелли, которой мы также приносим глубокую благодарность.



Обложка итальянского издания “Переписка из двух углов”. 1932 г.

1

Вяч. Иванов – О. Синьорелли

<Май 1925, Рим>¹

Понедельник

Глубокоуважаемая Ольга Ивановна,

Благодарю Вас за присылку книги. То, что Вы задержали ее на день, нисколько меня не стеснило. Напротив, я рад, что чтение заинтересовало Вас.²

Я познакомился в Istituto per l'Europa Orientale с Sig. Prezzolini.³ Он дал мне книжку для перевода на русский язык.⁴ Надеюсь, хорошо поговорить с ним в Вашем обществе.

Совершенно преданный Вам

Вяч. Иванов

¹ Датируется по содержанию. Судя по официальному тону – это первое письмо Иванова к Синьорелли.

² О какой книге идет речь, установить не удалось.

³ Джузеппе Преццолини (Giuseppe Prezzolini, 1882-1982) – писатель и журналист; в 1920-е гг. состоял в ученом совете Института по изучению Восточной Европы, основанного Этторе Ло Гатто в 1921 г. (просуществовал до 1944 г.).

⁴ См. в письме Дж. Преццолини к Вяч. Иванову от 19 мая 1925 г. предложение перевести и опубликовать по-русски роман Марио Собrero “Петр и Павел” (РАИ, ф. 5, № 126). О получении романа М. Sobrero для перевода Вяч. Иванов оповещал А. Н. Чеботаревскую в письме от 27 января 1925 г. (Письма Вячеслава Иванова к Александре Чеботаревской / Публ. А. В. Лаврова // Ежегодник РО ПД на 1997. СПб. 2002. С. 292). Посредником между Ивановым и московским издательством был В. Г. Лидин, который 21 июля 1925 г. оповещал Иванова: “...могу Вас слегка поздравить, т. к. сегодня я подписал за Вас соглашение с издательством относительно Вашего перевода Sobrero ‘Pietro e Paolo’ <...> Перевести надо очень срочно и написать страничку о Sobrero и романе” (РАИ, оп. 5, карт. 7, папка 7, л. 2). Перевод осуществлен не был.

2

О. Синьорелли – Вяч. Иванову

3 сентября <19>25

Дорогой друг, вот прошли уже две недели, как мы находимся в убогом краю,¹ где я провела мое детство и где столько тосковала по солнцу. Да и теперь тоскую: каждый день идет дождь и дома зажигается печка. Но надо было отдать этот дом моим родителям² и дать им поглядеть детей. Вернусь в Рим в начале октября и очень мечтаю о нашей работе,³ жму Вашу руку. Ольга Ресневич

¹ Открытка с видом порта в Риге.

² Речь идет о родовом доме Синьорелли в Латвии в деревне Эмбурга, под Йелгова, который Ольга передавала в собственность родителям: матери Pauline Helene (урожд. Lullis; 1861-1938), и отцу Adolf Resnaix (1859-1938). О детстве и жизни в этом доме см. в воспоминаниях Синьорелли: *Signorelli O. Memorie inedite* // ARI, VI. Т. 2. Р. 145-157.

³ Фраза дает основание предположить, что уже в самом начале знакомства Ольга Синьорелли и Вяч. Иванов планировали какую-то совместную переводческую работу.

3

О. Синьорелли – Вяч. Иванову

5 мая <19>26

Патмос

Дорогой друг, приехала сюда¹ неделю тому назад на броненосце и собиралась уехать на парусной лодке, но ветер что-то не является, и уеду на Лерос сегодня на пароходе, который проезжает тут раз в неделю.

Часть души оставляю я на Патмосе, и большая и главная часть уже осталась в Афинах. Родос – это великолепия, но мне родны Патмос и Афины. Жму руку. О. Синьорелли

¹ Синьорелли отдыхала на островах Родос, Лерос и Патмос у своего старого друга, Марио Лаго, губернатора Додеканеса – архипелага в юго-восточной части Эгейского моря, тогда принадлежащего Италии (см. об этом путешествии подробнее в письме к Н. Н. Берберовой от 29 апреля 1926 г. в наст. томе).

4

Вяч. Иванов – О. Синьорелли

14 февраля 1927

<Павия>¹

Дорогая Ольга Ивановна,

Отлученный так давно от общения с Вами, я сильно соскучился по прежней возможности частых свиданий и обмена, хотя бы при посредстве легчайших намеков, взаимными вестями о текущих сновидениях двух параллельно движущихся душевных жизней. Ведь достаточно было сказать одному из нас: “пустыня”, другому – “море”, чтобы каждый мог угадать душевный пейзаж другого: каждый продолжал свое странствование, но оба странники шли вперед и не теряли друг друга из вида; и каждое мгновение возможна была радостная встреча на общем перепутье.

А теперь нет между нами не только встреч, но и переписки, и мне грустно...

Я, эгоистически и вполне прозаически, заставляю Вас и Вашего бесконечно доброго и милого супруга² думать и беспокоиться о моих делах и горячо благодарю за это Вас обоих. Не знаю, дали ли римские власти здешним властям требуемое разрешение, – должно быть, да! – но лекции мои в здешнем университете успешно состоялись.³

Что касается будущего, оно совершенно неопределенно. Передайте Вашему мужу, с моим сердечным приветом, выражение моей глубокой признательности за все его попечения обо мне и о его пациентке, моей дочери, но вместе – увя! – и новую (или, пожалуй, уже не новую, а только возобновляемую) очередную просьбу от Ольги Александровны Шор.⁴ Я слишком знаю, как мы надоедаем Вам просьбами о поддержке ходатайств об итальянских визах, и может быть справедливо было бы, если бы Вы решились отстраниться наконец от всякого дальнейшего действия в этом направлении. Но за Шор я должен просить совсем особенно. Она – мой преданный друг, ведет с полным самоотвержением все мои дела в России, спасает меня там непрерывно, добывает мне деньги, бережет мое добро, устраивает издания моих работ (теперь, благодаря ей, печатается в Москве мой Эсхил⁵) и пр. Я ей бесконечно обязан. И она – чудесный и образованный человек. Ее работа о Микель-Анджело замечательна.⁶

Цель ее итальянского путешествия – изучение Микель-Анджело. Ее официальная командировка от московской Академии Художественных Наук (которая издает и моего Эсхила) – завязать кое-какие отношения между Академией и итальянскими институтами, изучающими искусство с научной точки зрения, а также помочь в деле устройства русского отделения на выставке в Monza-Milano.⁷ Живет она исключительно интересами искусства и философии, да практическим альтруизмом, и принадлежит к известной в Москве музыкальной семье Шоров (ее дядя – пианист, профессор московской консерватории и бывший директор частной консерватории,⁸ отец имел фабрику роялей).⁹ Я прилагаю ее письмо к Вам. Ее двоюродного брата я однажды Вам представил в Риме.¹⁰ Теперь она в Германии, где читает какие-то лекции по искусству или философии, и стремится в страну своего избранного Микель-Анджело.

Что же делать? – и это письмо только деловое, – но ведь не едете Вы опять на волшебные острова, и мы все же увидимся в июне, в Риме, не правда ли? Не изменяйте нашей дружбе! Дружески Ваш

Вячеслав Иванов¹¹

¹ Конверт с типографским колонтитулом Collegio Borromeo.

² Анджело Синьорелли (Angelo Signorelli, 1876-1952), хирург, пневмонолог. О нем см.: *Rizzi D. Olga Signorelli nella storia culturale italiana della prima metà del Novecento* // ARI, VI. Т. 2 (по указ.).

³ Лекции под общим названием “Религиозная мысль в современной России” были прочитаны Ивановым в Павийском Университете в конце января 1927 г.; о них подробнее см. в “Воспоминаниях” Лидии Ивановой (*Иванова Л.* Воспоминания об отце. С. 171-172) и в примеч. к письму Иванова О. Шор от 9 декабря 1926 г., где он впервые упоминает подготовку к ним (ARI, III. Р. 247).

⁴ Эта просьба была высказана О. Шор в письме к Иванову от 7 февраля 1927 г., где она пишет, что боится промедления с итальянской визой и просит Иванова (который ей предлагал “мобилизовать проф. Синьорелли”) обратиться к профессору и “двинуть дело в Министерстве” (Там же. Р. 252).

⁵ Речь идет о неудавшейся попытке Вяч. Иванова напечатать в задуманной А. В. Луначарским и Н. К. Пиксановым серии “Русские и мировые классики” (Госиздат) перевод трагедий Эсхила, подготовленный им для издательства Сабашникова еще до революции. О. Шор занималась передачей рукописи от Сабашникова издательству, подбирала редактора, корректора и т. д.; были также проекты устроить переводы в издательство ГАХН. См. об этом в письмах Иванова Шор, начиная с 11 июля 1926 г., до ее отъезда в Берлин (ARI, III. Р. 229-230 и след.), а также в статье: *Котрелев Н. В.* Вячеслав Иванов в работе над переводом Эсхила // *Эсхил*. Трагедии. М. 1989. С. 497-522.

⁶ Публикацию эссе О. Шор о Микеланджело см.: ARI, VIII. Р. 217-278.

⁷ Речь идет о Третьей международной выставке изобразительных искусств в городе Monza, близ Милана, на Villa Reale, организованной в 1927 г. Экспозиция СССР располагалась в нескольких залах; значительная часть экспонатов состояла из произведений народного творчества, кроме того были представлены работы В. Фаворского и макеты и фотографии двух постановок Мейерхольда: “Ревизор” Гоголя и “Мандат” Эрдмана. См.: *Terza Mostra Internazionale delle Arti Decorative*. Catalogo. Milano 1927. Р. 56-71.

⁸ Давид Соломонович Шор (1867-1942) – пианист и педагог.

⁹ Александр Соломонович Шор (1864-1939) – владелец фабрики роялей.

¹⁰ О контактах Е. Д. Шор с Синьорелли см. в преамбуле к его переписке во втором томе наст. издания.

¹¹ К письму приложено ходатайство (по-итальянски) за О. Шор в итальянское консульство в Берлине, с указанием целей ее поездки в Италию: установление связей с итальянскими институтами по изучению искусства, научные библиографические исследования и организация русского отделения на выставке в Monza-Milano (FSFC).

5

О. Шор – О. Синьорелли

7. II. 1927 г.¹

<Дрезден>

Глубокоуважаемая Ольга Ивановна,
пишу Вам по поручению Мейерхольда, обеспокоенного Вашим молчанием в ответ на его просьбу о Вашей рукописи.

Зинаида Ник<олаевна>² надеется, что письма ее до Вас дошли и Вы уже знаете, что издательство Мейерхольда стало исключительно театральным и Ваши “Воспоминания о Дузе” Всево<лод> Эм<ильевич> хочет как можно скорее печатать.³ Остановка только за Вами. Если Вам угодно, чтобы книга Ваша в ближайшем будущем появилась, благоволиите немедленно направить ее в Москву. Театр Мейерхольда собирается в Европу; рукописи Вашей не следует запаздывать; иначе дело может затянуться. Во всяком случае, каковы бы ни были Ваши желания и решения, пожалуйста, напишите Зинаиде Николаевне письмо. Она его очень ждет.

К просьбе Мейерхольда решаюсь прибавить совсем на нее непохожую просьбу, лично свою. Мне необходимо для окончания научной работы о Микель-Анджело побывать в Италии. Что я еду именно с этой целью, может подтвердить Вячеслав Иванович, которому я имела честь и радость свою работу еще в Москве частично прочитать.

Я Вам не знакома, но я так много от друзей своих слышала об Вашем живом интересе к научным и художественным начинаниям и о доме Вашем, как о месте встреч всех людей, так или иначе причастных артистическому или ученому миру, что решаюсь обратиться именно к Вам.

Дело мое обстоит следующим образом: 28 или 29 января на основании моей академической командировки русское полпредство в Берлине послало просьбу о визе в итальянское представительство. К ноте приложена копия моего мандата, данного мне Академией Художественных Наук. К Вам и мужу Вашему большая просьба двинуть мое прошение в Министерство. Все наши с Вами общие друзья могут подтвердить Вам, что я человек – совершенно аполитический и доверия Вашего никогда не обману.

Простите меня за беспокойство.

Мейерхольды просили передать Вам и супругу Вашему сердечный привет, к которому я unbekannterweise⁴ присоединяю свой.

Готовая к услугам О. Шор.

¹ Из письма О. Шор к Вяч. Иванову, датированного тем же числом (7 февраля 1927 г. из Дрездена), следует, что она послала ему два письма для пересылки Синьорелли: “Теперь в письмо мое к Вам вкладываю 2 письма к О. И. В одном я только выполняю поручение Зин<аиды> Ник<олаевны>, в другом – прибавляю просьбу о визе. Пожалуйста, прочтите оба письма и вложите в свое письмо к Синьорелли то, которое найдете более подходящим. Мне кажется, что лучше послать то, в котором я пишу о визе...” (АРИ, III. Р. 253). В следующем письме к Шор от 11 февраля Иванов указывает, что на днях перешлет Синьорелли более длинное письмо, “с упоминанием о визе” (Там же. Р. 255), т. е. настоящее письмо; первое краткое письмо в FSFC отсутствует; не обнаружено оно и в РАИ.

² Зинаида Николаевна Мейерхольд-Райх (1894-1939) – актриса, вторая жена Мейерхольда. В фонде Синьорелли сохранилось два ее письма от 1925 и 1926 гг. (ARI, VI. Т. 1. Р. 61). О встречах с З. Н. Райх и В. Э. Мейерхольдом в Риме в 1925 г. см. в воспоминаниях О. Синьорелли (ARI, VI. Т. 2. Р. 239-241).

³ Речь идет о несостоявшемся проекте книги О. Синьорелли об Элеоноре Дузе в кооперативном издательстве “Театральный Октябрь” при Театре им. Мейерхольда. Подробней об этом см.: *Котрелев Н. В., Мальковати Ф.* Вяч. Иванов в переписке с В. Э. Мейерхольдом и З. Н. Райх: (1925-1926) // НЛО. 1994. № 10. С. 278-280.

⁴ Хотя и не знакома (*нем.*).



О. А. Шор в начале 1920-х гг.

6

О. Синьорелли – Вяч. Иванову

18 февраля <1928>,¹ Рим

Via XX Settembre 68

Дорогой Вячеслав Иванович,

уже две недели, как собираюсь Вам писать, чтобы Вас использовать. Несколько лет тому назад переводя “Святой ночью” Чехова, не сумела справиться с этими несколькими строками из акафистов, кот<о-рые> писал какой-то монах.

Теперь есть случай печатать этот рассказ,² и я буду Вам бесконечно признательна за помощь.

Простите такую дерзость использования.

Как Вы уже знаете, Caffi³ уехал во Францию. Я очень рада за него, хотя в духовном отношении с его отъездом моя духовная жизнь в Риме стала гораздо беднее.

Видаю иногда Ольгу Александровну, но очень уж редко...

Знаю, что Дима⁴ продолжает чувствовать себя хорошо, но давно к нему не заезжала.

Надеюсь сделать это на следующей неделе.

Работаю понемного, но без увлечения и без размаха.

Мне всегда кажется, что здесь, в Риме, что-то очень тяжелое давит надо мною, или какие-то чужие магнетические токи высасывают мою силу и разлагают волю.

Крепко сердечно жму Вашу руку. Ваша Ольга Синьорелли

[приписка]

Дорогой друг,

нашла еще эти несколько строк, с которыми не знаю, как справиться... Простите.⁵

Я еще опьянена впечатлением *полета*, который совершила сегодня... Как все мелко и ничтожно с высоты! Колизей, Quirinale, S. Pietro – самый Рим, – все какие-то ничтожные игрушки!..

Всего Вам наилучшего и сердечно жму руку Ольга Синьорелли

¹ Датируется по штемпелю на конверте.

² Перевод рассказа опубликован не был.

³ Андреа Каффи (Andrea Caffi, 1897-1955) – журналист, философ, переводчик, меньшевик, антифашист. Родился в Москве. После ареста в 1908 г. уехал за границу. В 1919 г. вернулся в Россию и был снова арестован. В 1923 г. переехал в Италию, откуда из-за ухудшения политической ситуации переехал во Францию. Подробнее о нем см. в кн.: Bianco G. Un socialista irregolare; Andrea Caffi intellettuale e politico d'avanguardia. Cosen-

za 1977; *Venturi A. Rivoluzionari russi in Italia 1917-1921. Milano 1979. P. 141-144. Bre-schiani M. La rivoluzione perduta. Andrea Caffi nell'Europa del Novecento. Bologna 2009.* Его переписку с Синьорелли, подготовленную Д. Рицци, см.: *Rizzi D. "L'amicizia non è una vana parola". Lettere di Andrea Caffi a Olga Signorelli // ARI, V. P. 347-402.* Об отношениях Каффи с Ивановым см.: Переписка В. И. Иванова и И. Н. Голенищева-Ку-тузова. Подгот. текста и комментарии А. Шишкина // *Europa Orientalis. 1989. С. 498-499.*

⁴ Сын Вяч. Иванова Д. В. Иванов в это время находился в санатория итальянского Красного Креста "Cesare Battisti" в Риме, где лечился в связи с легочным недомога-нием. См. о нем в письме О. Шор к Иванову от 14 февраля 1928 г.: "Сейчас вернулась от Димы. Он весел, прибавил еще 1,5 ф. Полный. Розовый" (ARI, III. P. 282).

⁵ К письму приложены три выписки из рассказа Чехова "Святой ночью". Иванов-ский перевод второй и третьей цитаты опубл.: ARI, III. P. 455. Приводим цитату под номером 1, перевода которой не сохранилось ни в архиве Иванова, ни в архиве Синьорелли: "К примеру сказать вам, первый кондак везде начинается с 'возбранный' или 'избранный'.. Первый икос завсегда надо начинать с ангела. В акафисте к Иисусу Сладчайшему, ежели интересуетесь, он начинается так: 'Ангелов творче и Господи сил', в акафисте к Пресвятой Богородице: 'Ангел предстатель с небесе послан быть', к Нико-лаю Чудотворцу: 'Ангела образом земного суща естеством' и прочее. Везде с Ангела начинается" (*Чехов А. П. ПСС: В 30 т. Т. 5. М. 1976. С. 97*).

7

Вяч. Иванов - О. Синьорелли

24 февр<аля 19>28

Павия¹

Дорогая Ольга Ивановна,

с удовольствием выполнил я Ваше приятное поручение: перевод прилагаю.²

Мне тяжело слышать, что Вы так часто испытываете угнетенное душевное состояние. Здесь есть несомненно доля самовнушения, кото-рое Вам легко победить собственным усилием, потому что Вы умеете становиться духовно выше жизни. Найдите в себе силу для этого дейст-вия высшей воли, выйдя из границ тесного личного я. Кто знает в себе свое высшее я и может минутами прильнуть к нему всецело и почув-ствовать себя всецело в нем, в этом высшем я, – тот должен положить свои невидимые руки на плечи своего низшего земного я и вести его, куда хочет, как ребенка, – и как ребенка, ободрить его, отогнать от него всякий страх и уныние, вдохнуть в него силу и радость.

Я также рад, что Каффи решился уехать во Францию и взглянул на дело просто, здорово и правильно, но мне также будет жаль не найти его на Пасхе в Риме. Ольга Александровна хворала флебитом ноги, что меня тревожит; может быть поэтому Вы ее видите редко, и это очень жаль.

Я, к сожалению, никогда не испытывал впечатление полета. Но напрасно, взглянув на Рим с воздушной высоты, Вы нашли мелкими и ничтожными человеческие творения. Поверьте, что одна клеточка нашего мозга содержит в себе больше ценности и вечности, чем любая межпланетная пустота. Не нужно поклоняться Пространству, как и Времени, и признавать власть этих двух призраков над нами.

О Диме я слышу хорошее, но далек от оптимизма... Благодарю Вас и Вашего мужа за все ваши драгоценные заботы о нем.

Желаю Вам душевной бодрости, Ясности и вдохновения.

Дружески Ваш всецело

Вяч<еслав> Иванов

¹ Конверт с типографским колонтитулом Collegio Borromeo.

² См. об этом в письме Вяч. Иванова Шор от 26 февраля 1928 г.: "А для О. И. (которая горько жаловалась на Вас за редкие свидания) я перевел на итальянский ряд чеховских цитат из акафистов" (ARI, III. P. 295).

8

О. Синьорелли – Вяч. Иванову

7 марта <1928>¹

Рим

Дорогой Вячеслав Иванович,

простите, как всегда прощали, мое долгое молчание на Ваше доброе письмо.

Очень, очень Вам благодарна за немедленное исполнение моей просьбы, за чудный перевод,² и главным образом за Ваше сочувствие к моему душевному угнетению.

Мое теперешнее молчание будет прощено, если Вам скажу, что Ваши строчки отогнали мгновенно мой страх и уныние, и что за это время работала с бодростью, какой не знала уже давно.

Видаю довольно часто Ольгу Александровну, и беседа с нею для меня всегда большое ободрение и счастье.

Была у Димы и нашла его гораздо лучше, чем когда Вы его оставили. И верьте мне, что это *не только от оптимизма*.³

Желаю Вам всего наилучшего и сердечно жму Вашу руку

Ваша Ольга Ресневич Синьорелли

¹ Датируется по содержанию.

² Речь идет о переводе фрагментов из рассказа Чехова "Святой ночью" (см. об этом в предыдущем письме).

³ Цитата отсылает к строкам из письма Иванова № 7 от 24 февраля 1928 г. В папке с письмами Иванова Синьорелли имеется еще его открытка, посланная Вяч. Ивановым – Лидии от 25 мая 1928 г., содержащая только сведения о состоянии Димы и расчетов на медицинские расходы, из которых следует, “что надо бежать в Швейцарию” (FSFC). В РАИ (в фонде О. Шор) сохранилась справка на французском языке, за подписью Анджело Синьорелли с указанием, что по состоянию здоровья Дмитрий Иванов должен покинуть Италию и уехать на лечение и проживание с 1928 по 1934 гг. в Швейцарию. 28 декабря <1928> Дмитрий писал О. Синьорелли из Давоса: “Здесь надеюсь кончить мое лечение совершенно, ибо доктор собирается весной или летом прекратить пневму. <...> Это было бы очень хорошо, если я смог бы отсюда уехать прямо в какой-то город или городок в Альпах и там кончить школу <...> по всей вероятности я останусь в Швейцарии или во Французских Альпах. Здесь несколько очень хороших гимназий у бенедиктинцев” (FSFC).

9

О. Синьорелли – Вяч. Иванову

28 апреля <19>28

Pesto

Вспоминаю Вас сердечно и шлю сердечный привет. В душе, в памяти живут Ваши слова из наших бесед старого спокойного времени. Tempio di Vesta стоит, а Basilica бежит, бежит...¹ Ольга Синьорелли

¹ Фраза отсылает к виду на открытке Храма Нептуна и Базилики в Пестуме.

10

Вяч. Иванов – О. Синьорелли

27 мая 1928

<Павия>

Дорогая Ольга Ивановна,

Вы меня знаете, как знают друга. Вы понимаете и недосказанное и вовсе не сказанное... Вы знаете, как я переживаю в глубине души все, что Вы делали и делаете для Димы и нас с Лидией. Вы читаете в моей душе ту огромную, незабвенную благодарность, для выражения которой я напрасно стал бы искать слова, которые бы не уменьшали того, что я хотел бы сказать. Примите мой почти немой знак признательности – так, как я желал бы, чтобы Вы его *душевно* расслышали!..

Мне пишет Ольга Александровна, которая любовно-чутко к Вам прислушивается, что Вам опять взгрустнулось.¹ Правда ли? Мужества, духовного мужества, дорогая! Перед Вами такое широкое поле чудесной деятельности, прекрасной полноты духа, всевозрастающего постижения...

Вероятно, я буду в Риме: увидимся ли? поговорим ли, как некогда, в “прежнее спокойное время”.² Вы сердечно тронули меня милым приветом из Пестума.

Ваш бесконечно благодарный и преданный друг.

Вяч<еслав> Иванов

¹ Речь идет о письме Шор к Иванову от 25 мая 1928 г., в котором она просит написать О. Синьорелли “дружески благодарное, очаровывающее, бескорыстное, а отнюдь не очередное деловое письмо” (РАИ, оп. 5, карт. 13, папка 5, л. 15). В следующем письме от 3 июня она сообщает: “Синьорелли в восторге от Вашего письма” (Там же, л. 19об.).

² Парафраз из предыдущего письма Синьорелли (см. выше).

11

О. Синьорелли – О. Шор

17 августа <19>28
<Капри>¹

Дорогая Ольга Александровна,

что Вы говорите о какой-то поездке?² Неужели я Вас не застаю в конце августа в Риме? Не пугайте меня! И наш полет? Знаете, что он может состояться по нашему желанию в любой день после моего приезда в Рим? Пришлите мне сейчас данные о детях Кайдалова.³

Переписка Вяч. Иванова и Гершенсона выйдет в конце сентября. Прошу Вас приготовить краткое введение, хоть в нескольких словах.

Обнимаю Вас. Ольга

¹ Открытка с видом: Capri. Strada Cesare Augusto.

² В открытке от 12 августа 1928 г. О. Шор писала Синьорелли: “Не знаю, останусь ли теперь в Риме; о планах своих напишу, лишь только узнаю их сама” (FSFC).

³ Вероятно, речь идет о детях М. Кайдалова, доктора богословия в Бельгии, корреспондента Вяч. Иванова. В письмах к О. Шор Вяч. Иванов шутливо называет его ее “пасынком” (ARI, III. P. 310, 382).

12

О. Синьорелли – Вяч. Иванову

1 января <19>29, Cortina d'Ampezzo

С Новым годом, дорогой друг, и лучшие мои пожелания. Приехала сюда с девочками на 3-4 дня¹ и надеюсь узнать о Вас от Ольги Александровны.² Была душевно и духовно с Вами, встречая Новый год. Жму руку. Ольга Синьорелли

¹ На открытке с видом горы Pore на Доломитовых Альпах (Passo Giau).

² 11 января 1929 г. Вяч. Иванов в письме к О. Шор, перечисляя поджидавшую его в Падуге корреспонденцию, упоминает и эту “милую открытку с гор” от Синьорелли (ARI, III. P. 342).

13

О. Синьорелли – Вяч. Иванову

Рим, 13 февраля <19>29

Via XX Settembre 68

Дорогой Вячеслав Иванович,

дня три тому назад послала Вам книжку “Кровь и Мед”¹ и очень Вас прошу вернуть мне ее как можно скорее. Надеюсь, что до понедельника Вы успеете и прочесть и выслать ее обратно. Прошу Вас, напишите и Ваше впечатление об этой книжке, которая показалась очень интересной и мне, и Ольге Александровне, так что вместе и порешили послать Вам ее.

Я часто выдаю Ольгу Александровну, которая к моему огромному счастью, все откладывает свою поездку в Неаполь.² Каждый день вспоминаем и Вас и на прошлой неделе провели целый вечер в восторженном общении с Вами, читая Вашу поэзию.

Была бы очень благодарна, если бы Вы могли мне вернуть просмотренный Вами перевод. Издаст его *Carabba*³ в коллекции “La cultura dell’anima”, и так как я требую, чтобы книжка вышла не позже мая, надо делать контракт не позже конца февраля.

Пишите мне.

Сегодня “La commemorazione di Onofri”,⁴ куда пойду с Ол. Ал.

На улице идет снег и крутится в виде метели. На душе сегодня грустно.

Пишите мне.

Была два раза в Министерстве, чтобы хлопотать о премии для Лидии,⁵ но человек, от которого это зависит, продолжает быть больным. Но я его знаю и Casella⁶ его знает, и будьте спокойны, что это все уладится.

Жму крепко и сердечно Вашу руку

Ольга Синьорелли

¹ Речь идет о романе Н. И. Колоколова (1897-1933) “Мед и кровь” (опубл. в 1928 г.), который Синьорелли позже перевела для издательства Mondadori (*Kolokolov N. Miele e sangue / Traduzione di Olga Signorelli. Milano: Mondadori, 1931*).

² О. Шор уехала в Неаполь 17 февраля 1929 г., о чем оповестила Иванова в письме от 17 февраля 1929 г. (РАИ, оп. 5, карт. 13, папка 6, л. 13).

³ Издательство Carabba было основано в 1880 г. Рocco Carabba (1854-1924), в 1920-1930-х гг. активно занималось изданием переводов русских книг; после смерти издателя его дело продолжил сын Giuseppe Carabba. У него Синьорелли выпустила также перевод избранных писем Ф. М. Достоевского: *Dostojevskij Fjodor. Lettere / Scelte e tradotte da O. Resnevic Signorelli*. Lanciano: G. Carabba editore, 1928. Об издательстве см.: *La casa editrice Carabba e la cultura italiana ed europea tra Otto e Novecento / A cura di Gianni Oliva*, Roma: Bulzoni, 2000. Это письмо имел в виду Иванов, когда писал Шор 3 марта 1929 г., что Синьорелли “бомбардирует” его “требованиями неотложной высылки ее перевода ‘Переписки из двух углов’” (ARI, III. P. 353).

⁴ “Заседание памяти Оноффри” (*ит.*). Артуро Оноффри (Arturo Onofri, 1885-1928) – поэт-антропософ, штейнерианец. Его книги сохранились в римской библиотеке Иванова. В письме Иванову от 15 января 1929 г. О. Шор писала: “Видела я Ольгу Ивановну. Она огорчена смертью Оноффри, случившейся на Рождестве” (ARI, III. P. 346). В ответном письме от 23 января Иванов сообщает, что узнал о смерти Оноффри из газет (Там же. P. 350).

⁵ В этом году Лидия получила премию композиторов. В письме от 16 марта 1929 г. она писала Синьорелли: “Как я Вам благодарна за Вашу помощь и хлопоты по раздобыванию моей премии. В особенности тронута я этим, т. к. боюсь, что это было Вам не просто и даже может быть неприятно. <...> Узнала я о том, что премия моя реализована совсем недавно от одной служащей в канцелярии S-ta Cecilia, которая мне написала поздравительное письмо” (FSFC).

⁶ Альфредо Казелла (Alfredo Casella, 1883-1947) – композитор, пианист и дирижер, один из влиятельнейших деятелей итальянской музыкальной культуры и общественности 1920-1930-х гг.; близкий друг Синьорелли. В FSFC сохранилось много писем Казеллы и его жены (ARI, VI. T. 1. P. 27-28). Обширные сведения о его отношениях с Синьорелли см. в: ARI, VI. T. I-II (по указ.).

14

Вяч. Иванов - О. Синьорелли

17. II. <19>29

<Павия>¹

Дорогая Ольга Ивановна,

Книжку “Мед и кровь”, я надеюсь, Вы уже получили обратно. Благодарю Вас за присылку. Она, конечно, очень любопытна. У автора есть дарование. К сожалению, он испортил свой вкус чтением Андрея Белого, которому часто подражает робко и фальшиво. Главная неудача Колоколова – натянутая идеализация отвратительного чекиста. Или автор покривил душой (что есть художественное самоубийство), или он просто плохой художник, потому что крупный художник не может так грубо ошибиться в исследовании сердца человеческого. Притом и исторически изображение Накатова кажется неверным: кровавая школа

эсэрского террора, основанная на совсем других нравственных уклонах и соблазнах, накатовской психологии, по-видимому, не порождала. Одно утешение: Накатов умирает естественной смертью. В символическом истолковании это значит, что накатовщина умрет сама собою. В общем, автор служит и нашим, и вашим: Госиздат доволен прославлением Чеки; враги революции могут быть довольны яркой картиной постепенного развращения народной души. Книжка мне не понравилась: ни в ее “меду”, ни в ее “крови” равно нет веры в Бога. Уже по одному этому Госиздат прав со своей точки зрения, распространяя ее в массах.

Простите мою долгую задержку Вашего перевода. Многочисленные занятия, отложить которые было или по внешним обстоятельствам невозможно, или по духовным запросам мучительно, отнимали у меня все время. Постараюсь теперь спешно сделать эту работу, хотя *incarico*² в университете еще увеличило мои повседневные заботы.

Неожиданно скорая кончина незабвенного Onofri глубоко меня огорчила; о нем моя душевная дума.

Благодарю Вас от души за добрые хлопоты о премии Лидии, и рад, что Вы не теряете надежды на успех. Лидия посылает Вам вышедшие на этих днях из печати свои детские песенки о “pane nostro”.³ При-
ветствуйте от меня Вашего супруга сердечно.

Верьте в мою неизменную, крепкую, глубокую и благодарную дружбу.

Ваш Вяч<еслав> Иванов

¹ Конверт и бумага с типографским колонтитулом Collegio Vogtomeo.

² Временное место (по договору) (*int.*). В декабре 1928 г. Иванову была предложена должность преподавателя русского языка в Павийском университете, о чем он сообщал сыну 6 декабря 1928 г., оповещая его, что ректор “формирует две группы для русского языка в университете” (Символ, № 53-54. С. 587). “Официальное назначение в университет, *incarico di lingua russa*” произошло в феврале, о чем Иванов сообщает Шор в письме от 10 февраля 1929 г. (ARI, III. P. 351). В фонде Исторического архива Павийского университета (ASU PV) сохранилось три журнала занятий Факультета литературы и философии (*Lettere e filosofia corsi*), в которых имеются записи рукой Иванова, с темами лекций: журнал за 1928-29 уч. г. (B1439 fasc. 2), за 1929-30 уч. г. (B2760 fasc. 1) и за 1930-1931 уч. г. (B2760 fasc. 2). Первая запись в них относится к 19 февраля 1929 г., когда Иванов прочел вводную лекцию “Место русского языка в системе индоевропейских и группе славянских языков” (B1439 fasc. 2 - название по-итальянски). Отсылая Синьорелли письмо, он, вероятно, готовился к этой первой лекции. Выражаем благодарность Марии Пиа Пагани, любезно предоставившей нам возможность ознакомиться в Историческом архиве Павии с этими документами.

³ 16 марта 1929 г. Лидия в письме Синьорелли пишет: “Была долго в Милане, где готовила свои песни для ‘Feste del grano’. Я послала на имя Фламинги экземпляр для Вас, но она как раз в тот день уехала в Неаполь, и к Вам книга, очевидно, еще не по-

пала"; и далее указывает, что снова собирается в Милан на исполнение детской пьесы "Pane Nostro", к которой она написала 9 детских песен (FSFC). См. об этом также в ее письмах от 13 апреля 1928 и 13 января 1929 г. (FSFC). Подробнее об участии в "Празднике хлеба" см.: *Иванова Л.* Воспоминания. С. 223-224.

15

О. Синьорелли – Вяч. Иванову

27 февраля <19>29

Рим

Дорогой Вячеслав Иванович,

очень Вам благодарна за сердечное письмо и простите, что в ответ надоедаю Вам просьбою прислать мне как можно скорее рукопись "Переписки из двух углов".

Понимаю прекрасно, какая это для Вас скучная работа и как это Вас отвлекает от Вашей работы, и все-таки не могу не попросить Вас (и мне очень трудно просить, так как я же знаю, как Вы заняты и сколько Вам и без меня разных забот), и я все-таки обязана попросить Вас поработать и для меня. Sarabba надоедает мне почти ежедневно и грозит, что если книжка не будет набрана в марте, она не выйдет <раньше> как к Рождеству, а если будет набрана в марте – выйдет в апреле.

Просила Sarabba подождать до воскресения – а теперь умоляю Вас не отказать мне Вашей помощи.

Сердечно жму Вашу руку Ольга Синьорелли

16

О. Шор – О. Синьорелли

2 марта <19>29 г.

Сорренто

Сию минуту, родная, получила Ваше письмо.¹ Отвечаю (чтобы ответить моментально) на ходу, в *tabaccheri*'и.² Потому пишу лишь несколько слов. Много о Вас думала; очень жду предстоящего (Бог даст *скоро* предстоящего) разговора с Вами. Завтра зайду к Алекс<ею> Макс<имовичу>³ и передам Ваш привет. В Неаполе нашла бездну неожиданно интересного, касающегося Микель-Анджело. Помпея меня пронзила. В Пестум скоро отправлюсь.

Вам обо всем напишу. Сердечный привет Вашим. Вас крепко целую и глубоко помню. Ваша О. Шор

¹ Это письмо Синьорелли в фонде Шор не обнаружено.

² Табаккерия – маленькая лавочка, где продаются сигареты, табак, марки и другие вещи, подлежащие оплате государственной пошлины. Рядом с табаккерией находился почтовый ящик.

³ Максим Горький. Визит к нему Ольга Шор подробно описала в письме Вяч. Иванову от 3-6 марта 1929 г. (частично опубл.: АRI, III. Р. 356-357).

17

Вяч. Иванов – О. Синьорелли

3 марта <19>29

<Павия>

Дорогая Ольга Ивановна,

Окончив работу со всей спешностью, какая только была возможна, высылаю Вам рукопись заказной и *espresso*.¹ Но прошу Вас прислать мне *bozze*,² потому что рукопись все же не в полном порядке, и много в ней мест трудных и сбивчивых для набора, и я не уверен, все ли еще заметил, что нуждалось в исправлении. Напишите мне, получена ли рукопись и какова ее судьба. Сердечный привет. Простите задержку и постарайтесь печатать немедленно.

Преданный Вам

Вяч. Иванов

¹ Речь идет о посылке рукописи перевода Синьорелли “Переписки из двух углов”.

² Гранки (*ит.*).

18

О. Синьорелли – О. Шор

31 августа <1929>¹

Капри

Дорогая Ольга Александровна,

всего несколько слов в ответ на Ваше письмецо, которое я ожидала с нетерпением и тоскою.²

Я никогда не сомневаюсь в верности людей, в которых если уж поверю, то раз навсегда, так что не то, что сомневалась в Вашей дружбе, но очень беспокоилась, что или с Ел<еной> Ал<ександровной>³ или с Вами что-то не ладно.

Очень меня успокоило и обрадовало Ваше письмо, полученное вчера вечером.

Я возвращаюсь в Рим 2-го сентября и останусь там до 20-го, и тогда, мне кажется, придется ехать в Мессину дней на десять. Если не поеду в Мессину, поеду в Олевано⁴ или буду работать в Риме.

Получила книгу Эрна о Джиоберти,⁵ и от души Вам благодарна. Очень и очень она мне пригодится!

Мария мне ее привезла распакованную из Рима и, не зная адреса жены Эрна⁶ и не зная Вашего адреса, не знала кому написать и кого поблагодарить.

Очень буду ждать Вашу рукопись и сейчас возьмусь за перевод.⁷ Очень была бы Вам благодарна, если бы Вы помогли мне доставить <так!> рецензии о Дузе в России. Может быть кто-нибудь может там найденное списать платно, и я бы вернула Вам деньги. Это ведь довольно большая работа, и требовать такую вещь даром очень неловко.

Я тут немного работала, но главным образом приводила в порядок разные записки. Очень Вам благодарна за адрес книжного магазина.⁸ Закажите ему для меня полное собрание сочинений Есенина,⁹ вторую часть дневника¹⁰ и письма Блока,¹¹ если имеется, то ту биографию Чехова, вышедшую недавно,¹² о которой мне говорила баронесса Будберг,¹³ и, если нет рассказов,¹⁴ то "Братья" Федина.¹⁵ Кто это такое Гезманов?¹⁶ Никогда не слыхала. Выберите то, что Вам кажется для меня интересным. Вы ведь знаете, что "современная" беллетристика меня интересует, насколько она мне может пригодиться для перевода. Другое дело письма, документы жизни. Но выберите Вы, и будет хорошо. У меня нет последних рассказов Толстого.¹⁷

Целую Вас сердечно и жду Вашего возврата. Обнимите за меня Ел<ену> Ал<ександровну> и преподнесите ей от моего имени цветы на выздоровление.

Ваша Ольга

¹ Датируется по содержанию.

² Этого письма Шор в фонде Синьорелли не выявлено.

³ Елена Александровна Ковалева-Пельцер (1898-?) – кузина О. Шор по матери, первая жена и кузина Е. Д. Шора; летом 1929 г. перенесла тяжелую операцию, в связи с запущенным туберкулезом почек. Июль, август и почти весь сентябрь О. Шор жила в Париже и ухаживала за больной сестрой.

⁴ Олевано-Романо – городок недалеко от Рима (в регионе Лацио). Синьорелли часто ездила туда отдыхать и работать в уединении.

⁵ Книга В. Ф. Эрна "Философия Джиоберти" (М. 1916).

⁶ Евгения Давидовна Эрн (урожд. Векилова, 1886-1972) – вдова В. Ф. Эрна, жившая с дочерью в Москве.

⁷ Речь идет о предисловии О. Шор к "Переписке из двух углов".

⁸ Скорее всего Ольга Шор предлагала воспользоваться книжным складом Н. П. Карбасникова в Париже: см. жалобу на эту книгоиздательскую фирму, так и не приславшую заказанных книг, в письме Синьорелли к Шор № 20 от 11 февраля 1930 г.

⁹ Речь идет об одном из двух четырехтомных изданий “Собраний стихотворений” С. А. Есенина: 1) в Библиотеке всемирной литературы (Л. 1927-1928) и 2) в Госиздате (М.-Л. 1926-1928). Позже Синьорелли перевела часть стихотворного наследия Есенина: *Jessénin S. Poesie* / A cura di O. Resnevic e F. Maticcotta. Introduzione di F. Maticcotta. Modena: Guanda. 1946.

¹⁰ Дневник Ал. Блока. Т. 2: 1917-1921 / Под ред. П. Медведева. Л. 1928.

¹¹ Речь идет об издании: Письма Александра Блока / Со вступит. статьями и примеч. С. Соловьева и др. Л. 1925, или о книге: Письма Александра Блока к родным / С примеч. М. Бекетовой. Т. I. М.- Л. 1927.

¹² Вероятно речь идет о книге: *Fejðer B. A. П. Чехов: Литературный быт и творчество по мемуарным материалам*. Л.: “Academia”, 1928. См. неясное упоминание о ней в письме Будберг Синьорелли от 6 декабря 1929 г. (FSFC). Издательство “Academia” было связано с парижскими русскими книгоиздательствами и магазинами; его продукция получила распространение в эмигрантских кругах, в частности эта книга была в библиотеке Горького (см.: Личная библиотека А. М. Горького в Москве. Кн. 1. М. 1981. С. 292).

¹³ Мария Игнатьевна Будберг (урожд. Закревская, 1892-1974), секретарь и близкий друг М. Горького; была хорошо знакома с Синьорелли: 45 ее писем хранятся в фонде Синьорелли (ARI, VI. Т. 1. Р. 25).

¹⁴ Рассказы и повести К. А. Федина выходили отдельными изданиями и в виде сборников многократно, начиная с 1921 г.

¹⁵ Роман К.А. Федина, который был впервые издан в Берлине в изд-ве “Петрополис” (1928).

¹⁶ О ком идет речь установить не удалось. Возможно, до Синьорелли дошли из эмигрантских кругов слухи о прозаике Гайто Газданове (1903-1971), роман которого “Вечер у Клэр” (1929) был высоко оценен ее добрыми знакомыми – М. Осоргиным, Н. Оцупом и М. Горьким.

¹⁷ К этому времени в СССР вышло более десятка сборников рассказов А.Н. Толстого; в 1927-1929 гг. в ГИЗ’е выходило его собрание сочинений в 12-ти томах.

19

О. Шор – О. Синьорелли

<Конец января 1930, Павия>¹

Дорогая моя Ольга Ивановна,

от всей души поздравляю Вас и всех Ваших с наступившим Новолетием и желаю, чтобы год этот принес Вам много, много радости.

Часто в разговорах с Вяч. Ив. мы нежно вспоминаем Вас. Он пишет отдельно Марии и Вам; я постараюсь завтра же написать Вам, так как мне того хочется: много и медленно.

Сейчас же лишь несколько слов очень спешно прибавлю к письму Ганчикова.² Его положение делается безвыходным, и помощь Ваша так существенно может повлиять на его жизнь, что, зная Вашу доброту, я

настояла на том, чтобы Вас еще раз побеспокоить. Быть может Ваш знакомый³ мог бы выхлопотать ему временное разрешение преподавать до решения вопроса о подданстве. Умоляю Вас постараться переговорить незамедлительно. Тут все дело в том, чтобы выиграть время и получить разрешение временное преподавать раньше, чем бумага об отказе дойдет до Милана.

О Таирове Ганчиков узнал, что он приедет в марте или апреле.⁴

До завтра, родная. Крепко обнимаю и целую.

Ваша Ольга

¹ Датируется по содержанию. На открытке панорама Павии.

² Леонид Яковлевич Ганчиков (1893-1968), философ и историк русской мысли, друг семьи Ивановых; приехал в Италию в 1925 г. и жил в Милане, где окончил Католический университет, защитив диссертацию по истории философии. В архиве Синьорелли хранятся 3 письма Ганчикова за 1930-1931 гг., касающихся, в том числе, и вопроса о гражданстве. В письме от 27.X.1930 г. он пишет Синьорелли: "В марте я подал в Миланскую Префектуру прошение о подданстве со всеми необходимыми документами"; в следующем письме (от 7.XII.30) оповещает ее: "...Несколько дней тому назад пришло мое ит<альянское> подданство" (FSFC). О Ганчикове см.: *Gančikov A. Ricordo di Leonida Gančikov / Europa Orientalis* 1998. № 2. P. 255-258.

³ Вероятно, речь идет о видном итальянском дипломате Лаго Марио (Mario Lago, 1878-1950), близком друге Анджело и Ольги Синьорелли. У него в мае 1926 г. Синьорелли отдыхала на Патмосе (см. выше, письмо № 3 из Патмоса от 5 мая 1926 г.). В фонде Синьорелли хранятся 98 писем М. Лаго (ARI, VI. T. 1. P. 46-47).

⁴ В конце апреля – начале мая 1930 г. Камерный театр Таирова гастролировал по Европе; в Италии труппа выступала в Турине, во Флоренции, в Риме (Teatro Valle) и в Милане. См. об этом в: *Сбоева С. Г. Таиров. Европа. Америка. Зарубежные гастроли Московского Камерного театра. 1923-1930 гг.* М.: Артист. Режиссер. Театр, 2010. С. 309-327; *Коонен А. Страницы жизни.* М. 1975. С. 333-335.

20

О. Синьорелли – О. Шор

11 февраля <19>30, Рим

Дорогая Ольга Александровна, простите, как всегда прощали мое молчание, но и Вы мне обещали писать длинное письмо, не получая его, я ждала изо дня на день Ваш голос у телефона. Но полмесяца прошло уже, так что скоро услышу его.

У нас все благополучно. Елена¹ уже 10 дней как в Лондоне и счастлива и довольна. А теперь отвечаю на вопросы:

1) Мария собирается устроить выставку не в Милане, а в Париже.² Была бы очень благодарна Вячеславу Ивановичу за письмо к Станиславскому.³

2) Дело Ганчикова пока улажено и писала ему.

3) Очень жду предисловие, меня уже спрашивает Sarabba, но надо, чтобы не было больше 30 страниц (я думаю, что страниц на 5 больше можно исторгнуть, но не много выше того).

4) От Карбасникова⁴ ни слуху, ни духу. Не знаете кого-нибудь в Париже, кому послать квитанцию. "Modernissima"⁵ тоже не получила никакого известия о получении денег, высланных 25-го ноября (200 лир).

Когда концерт Лидии?

Когда приедет Вяч. Ив.?

Приезжайте скоро, очень жду Вас и очень соскучилась.

Посылаю Вам эту статью о суждении неглупого итальянца о русской женщине. Очень любопытно Ваше суждение.⁶

Обнимаю, целую Вас крепко и нежно Ольга

Augusteo

Oggi, alle ore 16.30, avrà luogo l'annunziato concerto orchestrale diretto da Bernardino Molinari, con la partecipazione del violinista Nathan Milstein, che ha riportato così splendido successo alla Sala di S. Cecilia: il programma comprendendo: 1. Beethoven: Sinfonia; 2. Grieg: Concerto in la minore per violino e orchestra (prima esecuzione all'Augusteo); 3. Lidia Ivanova: Tema e variazioni *Horatio costì desuper* (prima esecuzione - Lavoro tra i prescelti della Commissione Permanente di Lettura, anno 1929-30); 4. Bruch: Concerto in sol minore per violino e orchestra.

Sono valide le tessere degli abbonamenti a serie.

Del nuovo lavoro della Ivanova, allieva del maestro Respighi, abbiamo già fatto parola accennando ai varii libelli che hanno ispirato alla compositrice il tema fondamentale, sul quale si svolgono nove variazioni sinfoniche, distinte in tre gruppi di tre ciascuno, di diverso carattere: « Scherzoso » il primo, « Misterioso » il secondo, « Drammatico » il terzo, che conclude con un fugato corale.

Mercoledì prossimo e corr., alle ore 21, avrà luogo all'Augusteo un concerto a prezzi neopolarissimi dell'organista Goffredo Giarza del violinista Nathan Milstein, col seguente programma:

Объявление о концерте Лидии Ивановой
в театре Augusteo. Il Messaggero. Рим, 6 апреля 1930 г.

¹ Елена Синьорелли-Реккия (Elena Signorelli Recchia, 1910-2005) – вторая дочь Ольги и Анджело Синьорелли; по профессии врач.

² Выставка марионеток Марии Синьорелли состоялась в 1930 г. в парижской галерее Zak при содействии Дж. де Кирико; см. об этом в письме Синьорелли О. Шор № 29 от 27 апреля 1930 г., примеч. 2.

³ Рекомендательное письмо этого времени неизвестно. Вероятно, Синьорелли собиралась из Парижа заехать к Станиславскому, который отдыхал и лечился в Ницце, но тогда встреча не состоялась: в первом из сохранившихся ее писем к нему от 1 августа 1932 г. она рекомендует себя как “неизвестную” ему, “почитательницу” (Архив Музея МХАТа, фонд К. С. Станиславского, № 2817/1).

⁴ Речь идет о частном книгоиздательстве Николая Павловича Карбасникова (1852-1921), которое после революции как книгоиздательская фирма и склад под именем Карбасникова существовало в Париже. См. примеч. 8 в письме Синьорелли О. Шор № 18 от 31 августа 1929 г.

⁵ “Modernissima” – книжный магазин в Риме.

⁶ См. ниже, примеч. 19 к ответному письму Шор к Синьорелли № 21 от 20 февраля 1930 г.

21

О. Шор – О. Синьорелли

20 февраля 1930 г.

Павия¹

Дорогая Ольга Ивановна, простите, что отвечаю с некоторым промедлением. Случилось оно оттого, что все 7 дней, прошедшие со времени получения Вашего письма, я, во исполнение желания Вашего, неустанно работала над своим “Предисловием”, стараясь урезать его более чем наполовину. Ведь я лишь теперь впервые услышала, что мне отпускается всего 30 стр.² Посылаю Вам, родная, одновременно с этим письмом заказной бандеролью самую трудную и далее несократимую (иначе все станет голословным, сухим и непонятым) часть рукописи. Очень хотелось бы узнать Ваше мнение о ней.

Хоть мы теперь, Бог даст, скоро увидимся, и я буду иметь радость говорить с Вами без помощи скучной бумаги, все же сейчас уже хочу (т. к. полагаю, что это спешно) – поделиться с Вами некоторыми своими сомнениями и соображениями.

Откровенно говоря, мне думается, дорогая моя Ольга Ивановна, что и 30 стр. вступления – слишком громоздкая подставка для такой маленькой, изящной статуэтки как “Переписка”. Тут и 10-ти стр. больше чем достаточно. Обсуждали мы этот вопрос с Вячеславом Ивановичем. Он предлагает остроумный и заманчивый выход. Дело в том, что издательски вообще нескладно выпускать брошюрку с тяжеловесным вступлением (а без него “Переписка” во многих отношениях будет не-

понятна, и появление ее у Караббы не совсем оправдано). Не лучше ли скомпоновать небольшую интересную книжку, где бы обе, в “Переписке” представленные противоположные, характерные для современности вообще, да еще “по-русски” парадоксально акцентированные, точки зрения получили полное выражение? Сделать это очень легко. Сама по себе “Переписка” ставит много нас волнующих вопросов, но в ней мирозерцания авторов лишь намечены. Если б к ней прибавить небольшую статью В. И-а “Кризис гуманизма” – (статья года 3 тому назад переведена на немецкий язык³ и уже успела стать как в России, так и в Германии библиографической редкостью) и несколько острых и художественно написанных афоризмов Гершензона⁴ (и “Кризис” и “Афоризмы” обсуждают те же, что и “Переписка”, вопросы и родились в том же 1920 году) – то получилась бы книжечка страниц в 120-130, пикантная, парадоксальная и в то же время глубокомысленная, то, что немцы называют *anregend*.⁵

В начале надо было бы поместить крохотное, лишь исторически ориентирующее предисловие странички в 3-4, а в конце книги в виде *Appendice*⁶ мелким шрифтом (ведь примечания-то Карабба печатает все же петитом?) прибавить статью о думах и судьбах обоих авторов. Напечатанная в конце книги в виде приложения, своего рода эпилогоменов,⁷ такая статья вполне уместна, совсем не навязчива, не претенциозна и никого своей обстоятельностью не смутит, тогда как Предисловие, размерами своими почти что превышающее текст – нескромно: так ведь издаются лишь классики.⁸ Хорошо было бы для всей книги сохранить, имевшее успех заглавие “Переписка из двух углов”, а других вещей отдельно не переименовывать. Примерно так:

Venceslao Ivanov e M. Gerscenson

Corrispondenza

fra due Angoli

di una camera⁹

ed altri saggi¹⁰

trad. Olga Signorelli

Что Вы об этом думаете, родная? Мне этот план очень нравится. В “Кр<изис>е гум<анизма>” и “Афор<изм>ах” делаются крайние выводы, что придаст и самой “Переписке” особую остроту. Если Вы принципиально согласны с нашим проектом, то черкните мне словечко, и я Вам незамедлительно пришлю весь Вам нужный материал. Мне только грустно, что в случае осуществления этого плана, Вам еще придется работать. Но думается, что при Вашей блестящей переводческой технике

это у Вас возьмет не очень много времени, а пристальное всматривание в изгибы мысли В. И-а не может не оказаться духовно плодотворными. А о Вашей дружеской готовности идти навстречу желаниям В. И-а я уже и не говорю. Столько оказательств <так!> Вашей дружбы мы всегда имеем, что их не перечесть и за них не наблагодариться.

21. П. <19>30

Вчера меня перебили, и я не успела кончить письма. Посылаю его espresso вслед за отправленной рукописью. Сегодня, случайно перечитывая копию сокращенной 5-ой главы,¹¹ пришла в ужас от ее непонятности в этой урезанной редакции. Придется или восстановить прежний полный текст, или совсем пропустить все, что сказано о трагедии. Не переводите этого, родная, а начните прямо с Мифа как внутреннего метода.¹²

Теперь перехожу к другим “вопросам” нашим.¹³ За Ганчикова благодарна Вам безмерно. Даже не представляю себе, что он делал бы без Вашей помощи.

О Станиславском ничего пока не слышно. Если он сюда приедет раньше чем в Рим, то В. И. с ним повидается и специально поговорит о Марии.¹⁴ Что Марии хочется? Показать Станиславскому свои работы или получить от него какие-нибудь указания, справки о методах его режиссуры?¹⁵

На столе у В. И-а лежит вот уже 2 месяца кучка “очень спешных” деловых запросов; ни на один из них еще не отвечено. С наступлением карнавальных каникул обещает приняться за письма – (сейчас занят дико). Мариино письмо¹⁶ первое на очереди. В. И. очень радуется, что между ним и этой умной, тонкой, глубокой девушкой незаметно вырос нежный цветочек взаимной дружеской симпатии. Когда Мария собирается устроить выставку в Париже? Кто ей там помогает? Вы с ней поедете?¹⁷

К Карбасникову посылаю своих знакомых. Квитанцию храните, дорогая, у себя. Всекие запросы о деньгах надо делать самому отправителю и с места отправления. Это еще рано. Моим же знакомым квитанции не нужно, а достаточно моей справки; если же Карб<асников> скажет, что денег не получал, тогда надо будет расследовать дело через банк. Как только получу ответ, Вас немедленно извещу.

Концерт Лидии либо 16 марта, либо 6-го апреля.¹⁸ Если он будет в апреле, то В. И. приедет.

Фельетон хорошо написан, Москву Mal.¹⁹ географически безупречно знает. Но о “русской женщине” из него ровно ничего нельзя узнать, а о “Р<усской> Ж<енщине>” революционной поры – и подавно.* Но об

этом поговорим при свидании, которого с нетерпением жду. Сердечный привет всем Вашим.

Целую вас крепко как люблю.

Ваша Ольга.

P.S. Пробуду здесь еще дней 10-12. Черкните мне хоть несколько слов, родная. Еще привет. La-même.

* Проститутка как таковая не характерна для “русской женщины”. Это явление интернациональное. А если в теперешней России иностранцы почти исключительно вынуждены общаться с проститутками или со шпионками, то это лишь еще раз доказывает как трудно Русь увидеть.

¹ Конверт с обратным павийским адресом Шор, постоянно останавливающейся в гостинице Гамбарана (Albergo Gambarana, Corso Garibaldi, Pavia).

² В издании предисловие занимает 63 страницы.

³ Речь идет о статье Вяч. Иванова “Кручи: Раздумье первое: О кризисе гуманизма. К морфологии современной культуры и психологии современности” (Записки мечтателей. 1919. № 1. С. 103-118), которая вышла в немецком переводе Грёгера в Берлине в 1921 г.: *Wiatscheslav Iwanov. Klüfte: Über die Krisis des Humanismus. Zur Morphologie der zeitgenössischen Kultur und der Psychologie der Gegenwart / Aus dem Russischen übersetzt von Wolfgang E. Groeger. Berlin: Verlag Skythen, [1921].*

⁴ Имеется в виду: *Гершензон М. Солнце над мглой (Афоризмы) // Записки мечтателей. 1922. № 5. С. 90-107.*

⁵ Увлекательная, стимулирующая (нем.).

⁶ Приложение (ит.).

⁷ В печатном издании оба эссе (об Иванове и Гершензоне) вошли в преамбулу. *Эпигеомен (греч.)* – дополнение, прибавление.

⁸ В тексте было “классические”, а потом исправлено на “классики”.

⁹ Переписка из двух углов одной комнаты (ит.).

¹⁰ И другие опыты (этюды) (ит.).

¹¹ В окончательном варианте предисловия Шор к итальянскому переводу отдельная глава об Иванове содержала девять мелких параграфов, отделенных звездочками.

¹² В окончательном варианте предисловия нет специальных глав ни о мифе, ни о трагедии.

¹³ Далее идут соображения и ответы О. Шор на вопросы и сообщения Синьорелли в предыдущем письме.

¹⁴ Знакомство Станиславского с Марией произошло позже, в мае 1934 г., во время посещения режиссера в Ницце семейством Синьорелли; см. в письме Станиславского к О. Синьорелли: “Ваши оба посещения не утомили, а освежили меня. Очень был рад увидеть Вас, познакомиться с Вашими милыми дочерьми...” (письмо от 17 мая 1934 г. // *Станиславский К. С. ПСС. Т. 9. М. 1999. С. 591*; см. также 4 письма Станиславского в

FSFC – ARI, VI. T. 1. P. 69). Сама Синьорелли заезжала к Станиславскому раньше в апреле 1934 г. В письме к нему от 30 апреля она благодарила его “за гостеприимство” и сообщала, что его собирается посетить А. Моисси и что она хотела бы приехать вместе с ним снова. Из письма также следует, что Станиславский хотел приехать в Рим, и она “написала в Рим мужу, чтобы он приготовил дорогу для спешного получения визы” ему и его близким (Архив Музея МХАТа, фонд К.С. Станиславского, № 2818). Поездка Станиславского в Рим, по всей видимости, не состоялась, но Синьорелли с дочерью посетила Станиславского в Ницце во второй раз 7 мая 1934 г. (см. ее телеграмму о приезде от этого числа – Там же, № 2819, на французском языке). В последнем письме от 27 мая 1934 г. она, вспоминая этот визит, писала: “...вернувшись в Санремо, хочу еще раз поблагодарить Вас от всей души, что Вы, накануне Вашего отъезда, смогли подарить мне целый полдень Вашего драгоценного времени. В эти дни, тут, в тиши и в одиночестве, я передумала Ваше изложение Вашей последней книги, и впечатление мое неизгладимо, и многое из того, что Вы говорили, оставляет глубокий опыт для моей жизни, и для моей работы. Вы, Константин Сергеевич, один из тех редких, светлых маяков, которые указывают путь, и помогают жить в потемках современности. Спасибо Вам за все, спасибо Вам за одно то, что Вы существуете” (Там же, № 2820). Об этом посещении см. упоминание в кн.: *Виноградская И. Жизнь и творчество К.С. Станиславского* Летопись: В 4 т. 1863-1938. Т. 4. 1928-1938. М. 1976. С. 360-361.

¹⁵ В те годы Ольга Синьорелли стремится познакомить дочь с крупнейшими русскими театральными деятелями (см. о дальнейших контактах с А. Таировым в письме Шор № 30 от 27 апреля 1930 г. и в письме Иванова № 31 от 4 мая 1930 г.).

¹⁶ По всей видимости, речь идет о большом недатированном письме Марии Синьорелли, которое было написано еще перед Рождеством; в нем речь идет о влиянии “Божества” на ее творчество (РАИ, оп. 5, карт. 10, папка 7, л. 4-6).

¹⁷ Из дальнейшей переписки явствует, что Ольга Синьорелли ездила на парижскую выставку своей дочери (см. письма №№ 29 и 30, оба от 27 апреля 1930 г.), пригласив на нее всех своих парижских друзей, в том числе и представителей русской колонии, например, Ларионова и Гончарову, Берберову и Ходасевича (см. их письма в наст. томе).

¹⁸ Концерт в Augusteo, на котором исполнялась пьеса Лидии, состоялся 6 апреля 1930 г. (см. об этом ниже, в письме Шор № 28 от 17 марта 1930, примеч. 1).

¹⁹ Речь идет об итальянском писателе и журналисте Курцио Малапарте (Curzio Malaparte, 1898-1957), который в конце 1920-х гг. побывал в Москве и опубликовал ряд статей о России в неаполитанской газете “Il Mattino” и в туринской газете “La Stampa”, под общим названием “Nella Russia dei Soviet” (“В России советов”); впоследствии они были собраны в книге “L’intelligenza di Lenin” (“Ум Ленина”). Milano: Treves 1930. Можно предположить, что говоря о фельетоне о русской женщине, речь идет о рассказе Малапарте “Donna russa” (“Русская женщина”), опубликованном в его книге “Sodoma e Gomorra” (Milano: Treves, 1931; журнальную публикацию найти не удалось). В РАИ (в фонде О. Шор) среди писем Синьорелли этой вырезки нет; нет ее и среди сохранившихся вырезок статей Малапарте в папке с его письмами (33 письма) в фонде Синьорелли (ARI, VI. T. 1. P. 69).



Мария Синьорелли. 1920-е гг.

22

О. Синьорелли – О. Шор

6 марта <1930>, Рим
Via XX Settembre 68

Дорогая Ольга Александровна,

простите, дорогая, что не написала Вам сейчас по получении Вашей рукописи, но хотела сначала поговорить с Карабба, хотя была заранее уверена, что с ним ничего не выйдет из предложения В. Иваныча. Он мне сказал, что он может печатать не иначе как по типу

книжек серии *Cultura dell'Anima*¹ в размере от 130-150 стр., и что, оставляя мне “сколько угодно места” для предисловия, подразумевал, чтобы это не превышало размер книжки. Если эта книжка будет иметь успех, он не прочь печатать другой томик с статьями, которые Вы предлагаете в Вашем письме: что касается писем, они уже набраны, и я ему обещала предисловие к концу этой недели, но несмотря, что сижу над переводом с утра до вечера и добрый Don Giuseppe De Luca² мне помогает, когда может, я пока на 25 странице! Некоторые места для меня неперевоимы, и посылаю Вам их, чтобы Вы мне помогли, чтобы попросили В. И. Вам помочь их перевести.³ Карабба говорит, что он больше года ждет предисловия и если не получит в время, обязан печатать без предисловия, так как книжка уже заведена <так!> в каталоге. Помогите, родная, и пришлите мне сейчас перевод, или несколько строк очень простой биографии для разъяснения “писем”, и эту статью можно будет перевести *comodamente*⁴ к осени и напечатать с другими статьями, предложенными В. Ивановичем. Для размера предисловия в этой статье пришлось бы сократить цитированные поэзии <так!>, т.е. пришлось довольствоваться “цитатами” и отбросить длинные замечания.⁵ И не портит ли это статьи? Простите, что так неряшливо пишу,⁶ но я очень устала.

Целую Вас. Ольга

Не сказала Вам, что предисловие очень нравится и очень хотелось бы его напечатать, если можно с сокращенными цитатами стихов. Благодарю Вас и целую. Завтра пошлю списки не переводимых мною мест.

¹ Серия, которую издавал Carabba и в которой под № 142 вышел перевод “Переписки из двух углов”.

² Джузеппе Де Лука (Giuseppe De Luca, 1898-1962) – ватиканский священник и журналист, в дальнейшем сблизившийся с Ивановым (см.: *Roncalli M. Giuseppe De Luca e Venceslao Ivanov // Europa Orientalis. 2002. № 2. P. 19-59*).

³ К настоящему моменту этой ранней редакции предисловия к “Переписке” ни на русском, ни на итальянском языке не удалось обнаружить.

⁴ Легко, без труда, без спешки (*um.*).

⁵ Длинные примечания раннего варианта исключены из окончательного текста, здесь остались лишь примечания о предыдущих изданиях “Переписки”, о поэме “Человек” (7, 24-25), а также несколько примечаний в очерке о Гершензоне (60, 62). Длинная цитата из рецензии Габриэля Марселя (9-10) и цитата из письма Дю Босу (29-30) были вставлены позже (см. об этом ниже).

⁶ Три последние фразы текста вписаны на полях второй страницы письма, а нижняя приписка – на полях первой страницы.

О. Шор – О. Синьорелли

8 марта <19>30 г.

Павия, Albergo Gambarana

Дорогая Ольга Ивановна, сейчас получила письмо Ваше и спешу ответить полным согласием на все Ваши предложения.

Лишь только придут недопереведенные Вами странички, я их при помощи Вяч. Ив-ча срочно переведу и пришлю Вам *espresso*.

Кстати: у меня имеется черновик моего предисловия, и Вам, если еще встретятся затруднения, достаточно будет указывать №№ стр.

Конечно, родная, все стихи кроме первого и последнего (4 строчки) можно опустить.¹

Примечания в сущности вообще не относятся прямо к В. И-у, а скорее представляют собою справки о России, облегчающие (и значит психологически ускоряющие) для итальянского читателя усвоение статьи. Но, т. к. нас интересуют не психологические, а типографские размеры, то можно выкинуть и их. Оставить мне хотелось бы лишь заключительные строки о русской Пасхе;² иначе почти вся 7-ая глава будет понятна лишь русским (для которых она не предназначена).

Мне ужасно грустно, что невольно я заставляю Вас много и утомительно работать. Но раз уж Вы сделали большую и самую трудную часть работы, то теперь именно после стольких хлопот и усилий обидно было бы все бросить и ограничиться каким-то пустым (чисто справочного характера) поверхностным и кратким предисловием, кот<ор>ое я, конечно, (если б оно все же понадобилось) могу Вам по требованию Вашему всегда прислать обратной почтой.

Когда я подсчитала количество страниц, то увидела, что оно, в сущности, не превышает караббовской меры. Гершензон в два раза короче и несравненно легче В. И-а. Наоборот: если Карабба нам отпускает 130-150 стр., то мы даже и этого-то количества стр. еще далеко не использовали. Трудность не в том: самый текст “писем” в сравнении с предисловием мал; и как Вам кажется, родная, нет в этом литературной (от эстетической еще можно отвлечься) некорректности? Но решение этого вопроса предоставляю всецело, конечно, Вашему писательскому такту, Вашей опытности и знанию итальянской публики. Мне бы (и самому В. И-у) очень бы *хотелось*³ прибавить хотя бы статью В. И. о “Кризисе гуманизма”. Она всего займет 20-25 стр., а мыслями богата чрезвычайно. Включение ее оправдывает вступительную статью и в отношении ее общих размеров, и в отношении ее пропорционального (неравномерного) распределения между обоими авторами “переписки”. Тогда получится: 50 стр. (“Переписки”), 25 стр. (“Кризис гуманизма”)

и 55-60 стр. (“Предисловие”) (из которого приблизительно 40 стр. посвящены В. И.-у и 20 Г<ершензо>ну).

Значит чистого текста наберется стр. 135, а с разделами *maximum* 145-150. Мне представляется почти невероятным, чтобы Карабба, если ему дать в руки весь материал, отказался бы от “Кризиса гуман<изма>”.

Но, Вам, дорогая, конечно, виднее, как лучше поступить.

Практически: посылаю Вам “Кризис гуман<изма>”. Текст – немецкий, и быть может, Мария и Вера могли бы его для Вас перевести так, чтобы Вам пришлось лишь редактировать. Тогда это не задержит выпуска “Переписки”.

В. И. обещает Вам, если б Вы прислали машинопись (ведь таковая имеется?) Вашего перевода, сделать самолично сокращения своих цитат. Быть может, родная, Вы нашли бы возможным немедленно прислать уже переведенные Вами страницы. Мы их Вам вернем *espresso* на следующий же день.

Вообще, дорогая, если мы Вам можем быть как-нибудь полезны для ускорения работы, располагайте нами свободно. Меня очень мучает, что я противовольно послужила причиной Вашей усталости и тревоги. Я хотела бы доставлять Вам лишь радость. Буду очень счастлива, если мне дано будет это исполнить.

Как Вы думаете, когда реально последний срок Карабба?

Сейчас спешно лишь об этом.

Бегу на почту. Вяч. Ив. и Лидия Вас душевно приветствуют.

Сердечный привет всем Вашим.

Крепко и нежно Вас обнимаю и целую. Ваша Ольга.

P.S. Скажите, дорогая, читали ли Вы и имеется ли у Вас Bédier “Tristan et Iseut”?⁴ Мне очень хочется подарить Вам эту чудесную песню, лучшее, что написано о любви (если не считать, конечно, “Песнь Песней” и Данте).

Скоро, Бог даст, увидимся и обо многом, многом поговорим.

Еще целую La-même

¹ Речь идет о цитате из четырех строк стихотворения “Regina Viarum”: “Вновь арок древних верный пилигрим...” (36-37), которая видимо позже была исправлена по переводу, опубликованному в сентябрьском номере “Il Frontespizio” за 1930 г., с отсылкой к этой публикации. Позже в самом конце предисловия появился авторский перевод стихотворения “Совесть” (62). Какое стихотворение Вяч. Иванова должно было открывать Предисловие установить не удалось.

² Это примечание в окончательную редакцию не вошло.

³ Подчеркнуто двумя чертами.

⁴ Имеется в виду книга французского медиевиста и писателя Жозефа Бедье (Joseph Bédier, 1864-1938) "Le Roman de Tristan et Iseut" (1900), представляющая собой вольную реконструкцию утраченной поэмы XII в. Книга сохранилась в библиотеке Вяч. Иванова (РАИ).

24

О. Синьорелли – О. Шор

<После 8 марта 1930>¹

2) "...любовью – души, себя потерявшей,*) чтобы себя обрести вне себя, переплескивающегося в отцовское лоно Единого – нисийский белый рай полевых лилий и пурпурный виноградник жертвенных гроздий, экстаз младенчески блаженного прозрения в истину Отца в небе и в действительность неба на вставшей по-новому пред взором земле".²

Дорогая,

*) Это хотя не так трудно, как две первые выписки, но все же очень трудно переводимо, чтобы красота не превратилась в сентиментальную слащавость надо быть очень осторожными в такой формально строгой стране, как Италия! Критики упрекали Папини в литературности, т. е. в литературной изысканности по поводу S. Augustino <так!>.³ Итальянский язык – это ужасный язык! Подтверждением мне служит перевод Rainer Maria Rilke. Перевел его переводчик Kleista и Гетовской "Ифигении".⁴ Стихи переведены великолепно, а проза превращена в слабую прозу Д'Аннунцио. Простите от того, дорогая, что продолжаю Вас мучить моими сомнениями. Нельзя испортить Достоевского, но можно убить великолепную прозу В. И., как Lo Gatto убил Пушкинского "Евгения Онегина"!⁵

Хотела отправить письмо, отправленное к моему знакомому по делу Ганчикова,⁶ но боюсь послать такую деликатную вещь и покажу, когда приедете. Приезжайте, дорогая!

И жду и целую Вас. Привет В. И. и Лидии. Ваша Ольга

¹ Первые листы письма не найдены. Датируется по содержанию: в письмо включены выписки ивановских цитат из ранней редакции предисловия.

² Цитата из статьи В. Иванова "Ницше и Дионис" (1904). Ниса – по одному из мифов – место рождения Диониса.

³ Речь идет о монографии Папини "Святой Августин" (1929): *Papini G. Sant'Agostino*. Firenze: Vallecchi 1929.

⁴ Имеется в виду германист и переводчик Винченцо Эррантэ, которому к этому времени принадлежали следующие переводы Рильке: *Rilke R. M. Liriche / Scelte e tradotte da Vincenzo Errante*. Milano: Alpes 1929; *Rilke R. M. I quaderni di Malte Laurids Brigge / Traduzione di Vincenzo Errante*. Milano: Alpes 1929; *Rilke R. M. Storie del buon Dio / Trad.*

di Vincenzo Errante. Milano: Alpes, 1930. Здесь речь также идет о его переводах трагедии Клейста “Пентесilea” (1808) (*Kleist E. Penthesilea. / Trad. in versi di Vincenzo Errante. Firenze: Le Monnier 1922*) и драмы Гете “Ифигении в Тавриде” (1787) (*Goethe J. W. Ifigenia in Tauride / Trad. Vincenzo Errante. Milano: Unitas 1926*).

⁵ Речь идет о прозаическом переводе “Евгения Онегина”, сделанном Ло Гатто; книга вышла в 1923 г. в издательстве Sansoni.

⁶ Речь идет о получении разрешения Леониду Ганчикову на временную преподавательскую работу до получения им итальянского гражданства (см. об этом в письмах № 19 и 20). 27 октября того же года, обращаясь к Синьорелли с новой просьбой (на этот раз ускорить получение гражданства), он указывал, что в настоящее время работает в частных школах и прибавляет: “За это Вам большое спасибо” (FSFC). В 1933 г. Ганчиков получил гражданство и место лектора русского языка в Римском университете (с 1934), позже – профессора русского языка и литературы в Пизанском университете (с 1948).

25

О. Синьорелли – О. Шор

10 марта <19>30

Рим

Дорогая Ольга Александровна,

сегодня утром получила Ваше милое письмо, и от души Вам благодарна. Завтра или послезавтра будет готов перевод. Don Giuseppe De Luca его пересмотрит и перепишет на машинке, и туда, в переписанную рукопись, можно будет вставить все места, с которыми не могла справиться. Как кончу – пошлю В. Иванычу те остальные выписки, с которыми не смогла справиться.

Вчера с Don Giuseppe говорили о том, о чем и Вы упоминаете в письме: что “Письма” не соответствуют предисловию. Don Giuseppe мне предлагает одно: издать “Письма” у Карабба с легким иллюстрирующим предисловием, и это глубокое исследование В. И. издать, как предисловие к “Кризису Гуманизма” и еще какой-нибудь статье В. И., и с фотографией его в издательстве “La Fiorentina”, которым заведует Папини и при котором работает и De Luca.¹ Очень жалко ведь выкидывать стихотворения, как можно совершить такой грех! Если Вы согласны с этим, тогда можно было бы все это приготовить к осени. Я бы послала Вам переведенную рукопись на следующей неделе, Вы бы просмотрели ее с В. И., вставили бы стихотворения, и я медленно бы перевела “Кризис Гуманизма” и еще что-нибудь подходящее. De Luca тоже находит все это очень важным и предлагает во всем, что угодно, свою помощь. Я пока кончаю перевод, и, если Вы согласны со всем этим, то пришлите мне быстро короткую “иллюстрацию” В. И. и Гершенсона для Караббы, которого попрошу продлить еще на неделю. Карабба говорит, что то, что выходит в мае (и позже нельзя) должно быть

напечатано до Пасхи. А для него ведь все равно – В. И. или руководство по разводу картошки.

Целую Вас Ольга

¹ Издательство “Libreria Editrice Fiorentina” возникло в 1902 г. по инициативе молодых католиков и специализировалось на издании работ по теологии и философии. Деятельное участие в издательстве принимал Джованни Папини, возглавивший выходившую в нем серию “I libri della fede” (Книги веры); его правой рукой был Don Giuseppe De Luca, который сотрудничал в этом издательстве.

26

О. Шор – О. Синьорелли

13. III. <19>30

Pavia

Спешу ответить Вам, дорогая Ольга Ивановна, на Ваш основной вопрос. Повторяю, что всецело полагаюсь на Ваш литературный такт и Вашу дружескую добрую предусмотрительность. Конечно, родная, предложение Don Giuseppe¹ очень, очень приятно. Вы ведь знаете, как В. И. относится к Папини. Книжечка могла бы получиться глубокой, изящной и оригинальной. Мне кажется, что она должна была бы заключать три статьи: “Кризис гуман<изма>”, “Границы искусства” и “Русск<ая> идея”. Не связанные тематически и написанные разными методами эти три статьи дают ясное представление о духе их творца и путях русского мистического и культурного самосознания. Но это уже детали. Если, родная, Вы думаете, что план Don Giuseppe действительно осуществим, то нам остается лишь благодарить Вас за ласковую заботу. Отношением Don Giuseppe В. И. глубоко тронут, просит передать сердечный привет и благодарения. Он очень жалеет, что не может в данное время и ему подарить “Русскую идею”.² Зибек ему тоже прислал лишь малое число экземпляров.

Кстати: получили ли Вы книжечку, высланную Вам вчера?³ Очень интересно, как она вам понравится. Все Ваши выписки переведены уже. Но теперь это ведь неспешно.

“Кри<зис> гум<анизма>” я дала переписать на машинке. После-завтра будет готово. Принимаюсь за предисловие для Карабба; через 3-4 дня Вам его вышлю. С ним трудностей уж не будет, а Караббу, мне кажется, мы ведь не обижаем, тем, что отнимаем у него статью, кот<о-рая> в сущности ему вовсе не нужна? Предисловие в 15 стр. ему больше подойдет. Он, в конце концов, прав.

Всем привет. Вас нежно целую.

Ваша Ольга.

¹ Имеется в виду предложение Джузеппе Де Лука издать книги Вяч. Иванова в издательстве "Libreria Editrice Fiorentina", что не было осуществлено.

² Речь идет о статье "Die russische Idee" в переводе Е. Д. Шора, опубликованной в журнале: Philosophie und Geschichte. Eine Sammlung von Vorträgen und Schriften aus dem Gebiet der Philosophie und Geschichte, № 26. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1930.

³ Речь идет о книге Жозефа Бедье "Le Roman de Tristan et Iseut".

27

О. Синьорелли – О. Шор

14 марта <1930>¹

Дорогая Ольга Александровна, маленькая лихорадка оторвала меня дня три от работы, но надеюсь, что не позже воскресенья она будет кончена. Don Giuseppe пересмотрит и перепишет ее на машинке, и в середине следующей недели надеюсь послать Вам ее.

Тогда Вы посмотрите и вместе с Вячеславом Ив. посоветуете меня дать ли это Карабба или следовать предложению Don Giuseppe? Он в последний раз был в таком восторге от стихов В. Иваныча (я дала ему книжку, переведенную Нальди),² что хотел писать В. И. и просить его несколько его последних стихотворений для такого издания в "La Fiorentina".³ Он сказал, что они смогли бы издать и на русском языке последние его стихотворения и одновременно поместить в таком томе о Вяч. Ив. вместе с предисловием, портретом и какую-нибудь фил<ософскою> статью тоже несколько сонетов.

Как быть? И как заполнить 120-130 стр. Karabba? Страничка Karabba примерно 180 букв? Мне кажется, что переписки хватит страниц на 90. Дать им это предисловие? Но как быть с "La Fiorentina"? Если печатать у Karabba это предисловие, кроме него и "Переписки", мне кажется, ничего другого поставить нельзя.

Поблагодарите В. И. за "Die russische Idee",⁴ но "Кризис Гуманизма" так и не получила. Передвину обещание Karabba опять на неделю.

Кланяйтесь сердечно В. И. Крепко и сердечно обнимаю Вас.

Ольга

Editrice Fiorentina та, где издана la "Leggenda aurea".⁵

¹ Год установлен по содержанию.

² Имеется в виду "Antologia dei poeti russi del XX secolo" (Milano 1924), подготовленная приятельницей Синьорелли, Раисой Григорьевной Олькеницкой-Нальди, поэтессой, эссеистом и театральным критиком; переводчицей Толстого, Чехова, Блока, Ахматовой, Пастернака. О ней см. письмо О. Шор № 48 от 27 ноября 1930 г., примеч. 5.

³ В письме от 7 августа 1930 г. Джузеппе Де Лука писал мужу Синьорелли: "Я получил от Иванова 5 превосходных стихотворений, из которых 4 неизданных, для фло-

рентийского журнальчика. Я бы их хотел послать Папини, чтобы он их перевел, как обещал” (FSFC, папка “De Luca, Giuseppe”).

⁴ Речь идет об оттиске статьи: *Iwanow Wjatscheslaw. Die russische Idee. Tübingen 1930.*

⁵ “*Legenda aurea*” (Золотая легенда – *лат.*) – сводный сборник жития святых и христианских легенд, составленный около 1260 г. итальянским священником Якопо Вараджине (*Iacobus de Varagine, 1228/29-1298*), одна из наиболее мистических и популярных книг средневековья. Была издана в 1924-1926 гг. в “*Libreria Editrice Fiorentina*”. Синьорелли послала эту книгу Вяч. Иванову (см. ниже).

28

О. Шор – О. Синьорелли

17 марта 1930 г.

Павия

Дорогая Ольга Ивановна,

сейчас получила Ваше письмо. Предложение Don Giuseppe столь соблазнительно, что очень хотелось бы его осуществить. Стихов (даже и не напечатанных по-русски) у В. И. – бездна. Детально о “*La Fiorentina*” еще успеем поговорить: В. И. сам приедет в Рим 4-ого или 5-ого апреля, т. к. концерт в Augusteo, где исполняется пьеса Лидии, назначен окончательно на 6-ое апреля.¹ Я вернусь в конце этой недели. Принципиально Вяч. Ив. очень рад издаваться в “*L<a> Fior<entina>*”.

Спешно теперь другое: я с Вами совершенно согласна, что мою статью во всех отношениях умнее отдать в “*Fiorentina*”, и это даже независимо от ее размеров. Ведь статья эта представляет собою в конце концов рассказ о том, как В. И. пришел к “Христу и Церкви”, т. е. она есть история его *conversione*,² рассмотренная (если так позволительно выразиться) в лупу философского анализа. Структура духа В. И. оригинальна и потому история его объективаций – своеобразна.

Все это как нельзя более подходит к заданиям “*L<a> Fior<entina>*” и совершенно не нужно Караббе.

Вы спрашиваете, как с ним быть. Я об этом не только думала, но даже уже практически принялась давать ответ на этот вопрос.

То крохотное предисловие, кот<орое> я Вам предлагала в первом своем письме без дополнительных статей <о> В. И. и М. Г<ершензоне> – невозможно, ибо Карабба ведь как-никак год (!) целый ждет пресловутого “предисловия”. Я, боясь, что мои легкомысленные 10 страничек его рассердят и Вас с ним рассорят, – начала писать для него такую вводную статейку, которая и Вас и его вполне устроит. Не думайте, что я ее буду писать месяцами; нет, нет, родная; она будет готова через 2-3 дня.

“Кризис гуман<изма>” при изменившихся планах лучше, пожалуй, Караббе не отдавать. Все же “К<ризис> г<уманизма>” сегодня же заказной бандеролью вышло Вам. (Задержка произошла из-за машинистки). Дайте мне точный размер страницы Карабба. Вы пишете 180 (!) букв. Это ведь, конечно, – описка. 1800 – быть может? “Переписка” в русском миниатюрном издании (стр.= 1395 букв.) занимает со всеми разделами 61 с половиной стр. Не может она в Караб<бовском> издании распространиться на 90 стр. Во всяком случае я предисловие делаю приличным. Оно будет немного короче самого текста, и Караббовскую норму 120-130 стр. – мы заполним. Ужасно спешу. Надеюсь, родная, что Вы совсем поправились. У нас тут тоже все переболели инфлуэнцией. От В. И. Вам и Don Giuseppe сердечный привет.

Обнимаю вас и целую. Ваша Ольга

¹ О подготовке этого произведения Лидия писала Синьорелли 16 марта 1929 г.: “Все эти дни я была очень, очень занята <...> Я готовила партитуру одной своей работы, кот<орую> послала в Augusteo в комиссию. В мае решится ее судьба: возьмут ли ее для исполнения на будущий сезон. Это Tema e Variazioni – ‘Rorate Coeli desuper...’ для большого оркестра. Призыв и ожидание Спасителя. Эта первая моя вещь, написанная Богу, и поэтому я ее люблю” (FSFC). Об исполнении этого произведения см.: *Иванова Л.* Воспоминания. С. 221-222. Рецензия была опубликована в газете “Il Messaggero” (6 апреля 1930. Р. 9), под названием “Rorate Coeli desuper...”, с указанием, что это “одна из работ выбранных Комиссией в 1928-29 г.” и с фотографией Л. Ивановой, а в предыдущем номере той же газеты (5 апреля 1930. Р. 8) опубликован анонс программы Augusteo; в газете “La Tribuna” (8 апреля 1930. Р. 3) появилась анонимная, резко негативная рецензия под заглавием “Nathan Milstein e Lidia Ivanova all’Augusteo”, где утверждалось: “Вне национальности музыке сегодня нет места; симфонические работы госпожи Ивановой являются явным результатом того интернационализма, который доведет до бесплодия музыкальный мир и мы обязаны их не принимать”.

² Обращение (*фр.*).

Дорогая, уже два дня как мы в Париже и еще не успела Вам написать, что доехали мы благополучно и что de Chirico уже написал предисловие, и что уже готовится каталог.² Дай Бог, чтобы все сошло благополучно. Прожили мы два дня в гостинице Quai Voltaire с видом этой открытки,³ а завтра переселяемся в Isly.⁴ Пишу Вяч. Ивановичу и прошу его написать Таирову обо мне словечко, так как, кажется, он приез-

жает в Париж.⁵ Целую Вас нежно с Лидией и очень, очень Вам благодарна за все и за нежные заботы. Привет В. И. Ваша Ольга

Каков адрес Don Giuseppe?

¹ Улица Жакоб (rue Jacob) находится в 6 округе Парижа (6^e arrondissement).

² Выставка работ Марии Синьорелли "Fantocci" состоялась в Париже в Galerie Zak 9-22 мая 1930 г.; она была организована по инициативе Джорджо де Кирико, написавшего также текст программы выставки. Мария послала приглашение на эту выставку телеграфом О. Шор с Лидией, о чем Шор сообщила Иванову в письме от 9 мая 1930 г. (РАИ, оп. 5, карт. 13, папка 8, л. 4об.). Выставка имела большой успех, о чем свидетельствуют отклики во французской прессе: *Poupées par Maria Signorelli // Semaine de Paris*. 9 mai 1930; *Mlle Maria Signorelli présente ses Poupées // Paris-Soir*. 12 mai 1930; *Lachin M. Les Poupées de Maria Signorelli // Paris-Press*. 22 mai 1930; *Lissim S. Les Fantoches de Maria Signorelli // Chanteclair. Revue artistique et littéraire*. 24 mai 1930.

³ На открытке вид Королевского моста и Павильона цветов (Le Pont Royal et le Pavillon de Flore) с другого берега Сены.

⁴ Т. е. в отель, который указан в адресе на этом письме.

⁵ О. Шор исполнила эту просьбу: в письме от 30 апреля она оповещала Иванова о выступлении Таирова 1 мая в театре Valle, сообщала его адрес и имя и просила послать письмо *espresso* (РАИ, оп. 5, карт. 13, папка 8, л. 2-2об.). 9 мая она переспрашивает Иванова, послал ли он рекомендательное письмо и предлагает сделать это через Синьорелли, написав ей письмо и приложив "записочку Таирову" (Там же, л. 4об.).

30

О. Синьорелли – Вяч. Иванову

27 апреля <19>30

Paris, Hôtel d'Isly

Дорогой Вячеслав Иванович,

Вы не можете себе представить, как я жалела, что не могла еще с Вами повидаться. Мы же совсем не виделись при этом Вашем приезде. Париж великолепен: прожили два дня на Quai Voltaire с великолепным видом, но видно Voltaire со мною не ладит – и должны были переселиться в d'Isly. Мне к Вам большая просьба: напишите обо мне и Марии Таирову.¹ Он будет в Риме в Teatro Valle от 1-4 мая.² Я его буду искать в Париже и мне хотелось, чтобы он знал бы что-нибудь обо мне. Жму с благодарностью Вашу руку Ольга Синьорелли

¹ О посылке рекомендации Таирову см. ниже, в письме Вяч. Иванова Синьорелли от 4 мая 1930 г. Синьорелли написала две статьи – о Станиславском и Таирове для журнала "L'Italia Letteraria" ("Da Stanislavskij a Tairov", 4 и 11 мая 1930). Анализ отзыва Синьорелли о Таирове на фоне общей итальянской критики во время его гастролей см. в кн.: *Сбоева С. Г. Таиров. Европа. Америка...* С. 326-327.

² В Риме Таиров показал четыре своих спектакля: 1 мая 1930 шла “Гроза” Островского, 2 мая – “Жирофле-Жирофля” Шарля Лекока, 3 мая – “Негр” (“Все дети Господа Бога имеют крылья”) Юджина О’Нила и 4 мая – “День и ночь” Шарля Лекока. На одном из первых спектаклей побывал Анджело Синьорелли и познакомился с Таировым, которому подарил только что вышедшую статью Ольги о нем. 2 мая 1930 г. он пишет жене в Париж: “Таиров моего телосложения и роста, но лицо у него более крупное. Он хорошо говорит по-французски. Театр не был полон и многие билеты были подарены. Присутствовала Сибилла <Алерамо>. Исполнение восхитительно <...>, постановка интересна, но особенно замечательна игра актеров” (APES). Об итальянских гастролях подробнее см. в кн.: *Сбоева С. Г.* Таиров. Европа. Америка. С. 317-327, 501; о рецепции его спектаклей в итальянской прессе см.: *Egidio A.* Verso una sintesi artistica dei mezzi espressivi: Aleksandr Tairov e le messinscene in Italia // *Europa Orientalis*. 2011. P. 246-277.

31

Вяч. Иванов – О. Синьорелли

4 мая <19>30

<Павия>¹

Дорогая Ольга Ивановна,

Письмо к Александру Яковлевичу Таирову было послано мною 2-го мая утром *espresso* на Teatro Valle.² В письме я дал ему и Ваш парижский адрес. Старался, между прочим, привлечь его внимание на талант Вашей милой дочери (и моего друга). Но это обстоятельное письмо писал я все же, признаюсь, нѣхотя. Не потому только, что я очень мало и поверхностно знаком с Таировым, но главным образом потому, что в душе не сочувствую его бездушному снобизму. Как поживаете вы обе в Париже, и хорошо ли удалась выставка? От души желаю Марии самого блестящего успеха, но не менее горячо желаю ей сохранить свою художественную и душевную независимость, внутреннюю самостоятельность, которая в Париже должна подвергнуться трудному и ответственному испытанию. Итак, сердечные приветы и всего, всего светлого!

Ваш глубоко преданный

Вячеслав Иванов

P.S. Видитесь ли Вы с Андреем Ивановичем Каффи? Как ему писать?³ В. И.

¹ Конверт с типографским колонтитулом Collegio Borromeo.

² Это письмо Иванова Таирову не обнаружено.

³ Синьорелли сразу не ответила на эти вопросы Иванова, чем вызвала его недовольство. В письме Шор от 12 июня он писал: “О. И. мне ничего не ответила – ни о Таирове, ни об Андрее Ив<ановиче>” (ARI, III. P. 400).

О. Синьорелли – О. Шор

8 июля 1930

Эмбурга¹

Дорогая Ольга Александровна, очень прошу, извините меня, дорогая, что до сих пор Вам не написала, но из Риги я, не остановившись, приехала в деревню, а отсюда все делается очень сложным. Подумайте, что письмо, отправленное из Рима 1-го июля я получила только сегодня!

Нашла в телефонном регистре адрес Льва Моисеевича Гинзбурга² и звонила ему четыре раза, но всегда как-то неудачно: то его дома не было, то он уехал, и очень строгий женский голос меня упрекал, что не умею говорить по телефону! И мне стало страшно этого женского голоса, и выбрала более простой способ сообщения и написала ему Ваш адрес, и просила написать Вам свой. Во всяком случае сообщаю Вам его: Riga, Elisabete ielā 41/43.

Я тут в деревне уже 7 дней и успела и отдохнуть, и передумать мое чудное путешествие. Если бы у меня были лишние деньги, я никогда бы не выбирала другого сообщения, кроме воздушного.

Первая часть пути была тем более emozionante,³ что мономотор дает впечатление большой легкости птичьего полета! Ехали мы не на большой высоте, и все города как Assisi, Perugia, Urbino были прекрасно видны. Высоко поднялись только около Terni,⁴ чтобы подняться над грозой, и имели очень красивое видение двух радуг. Замечательное в Италии это ее синева! Сверху все голубое: и земля, и небо, и облака, и море.

Вторая часть пути делается на тримоторе, и летели мы иногда до 3000 метров высоты над страшными вершинами и ущельями, среди громадных гор, надвигающихся облаков, среди которых очень часто бывает падение, которое иногда кажется довольно страшным.

Всю следующую ночь я не могла закрыть глаз, и не моя голова, но мое тело казалось пьяным.

Тут тихо, прохладно, повсюду свежая зелень и запах сена. Лежу на солнышке и читаю Платона! Читаю Teeteto,⁵ которого я не знаю, и с нежностью вспоминаю Ваше чудное изложение новой философии накануне моего отъезда.

Ваша роза пробыла до Риги в петле моего костюма.

Перевела странички Гершенсона и завтра pošлю Вячеславу Ивановичу, т. к. посылаю не заказными и хочу переписать.⁶ Напишите мне в

Ригу – Oskarū <так!> ielā 9, dz. 1 и после 18/VII отправляйте в Рим. Напишите, если знаете, какую-нибудь гостиницу.⁷

[*Без подписи*]

¹ Поселок, где находилось ферма родителей Синьорелли, близ города Йелгава.

² Лев Моисеевич Гинзбург – предприниматель, владелец лесной промышленности, друг семьи Шор; судя по письму Лидии и Шор (РАИ, оп. 5, карт. 13, папка 8, л. 14об.) они уговаривали Иванова доверить ему выяснение вопроса о существовании наследства (лесопилки и угодий), которыми владел дед Лидии Ивановой Д. В. Зиновьев в Нарве (подробнее об этом, так и не принесшим никаких результатов предприятию см.: АRI, III. Р. 403-404).

³ Вздурораживающая (*ит.*)

⁴ Город в Умбрии.

⁵ Диалог Платона “Тэтет”.

⁶ Речь идет о переводе фрагмента из посвященной Гершензону второй части предисловия Шор.

⁷ Следующие страницы письма в фонде Шор не найдены.

33

О. Синьорелли – Вяч. Иванову

16 июля <19>30
<Эмбурга>

Дорогой Вячеслав Иванович,

наконец-то посылаю Вам отрывок, непереведенный в Риме, и очень прошу и прочесть, и поправить его, и вместе с остальным послать его в Рим на имя Марии, которая позаботится о том, чтобы все было бы переписано к моему приезду. Очень прошу, дорогой друг, извините меня за такую громадную работу, и я Вам бесконечно буду благодарна за такую помощь.

Перевод части о Гершензоне¹ гораздо труднее, чем это казалось при беглом чтении предисловия: трудность состоит в его простоте, в какой-то игре слов, которая очаровательная в оригинале, но в переводе выходит как-то слишком элементарно! Кроме того, тут мне приходилось работать без словаря и без справок, и я не уверена, что поняла все, как оно есть, и боюсь, что поступила с Гершензоном, как Ваш флорентийский переводчик с Вами!² Во всяком случае, Вы мне поможете, и все будет улажено, и я Вам за это и за многое очень и очень благодарна. Буду в Риме в конце июля, и около 8-го поедem на Капри, и перед тем, надеюсь, передать эту работу Карабба, которому не смею больше смотреть в глаза.

Я не поблагодарила Вас за любезное Ваше письмо в Париж, но Вы, конечно, все это простили, как всегда прощаете. Таиров Вам очень кланяется, но я вполне разделяю Ваше мнение о нем.³ Мария имела большой успех,⁴ но это ее не опьянило, и она вернулась с громадным желанием более глубокой работы.⁵ Вы, конечно, слыхали о моем полете.⁶ Тут я пожила при моей матери, полежала на свежей траве, отдохнула физически и духовно и начинаю собираться к отъезду.

Привет Лидии, Диме, и крепко и сердечно жму Вашу руку.

Ваша Ольга Синьорелли

¹ Речь идет о главе о Гершензоне в предисловии О. Deschartes (40-63). В письме Шор к Иванову от 1 июля она пишет о получении от Синьорелли главки о Гершензоне и о посылке ему этой машинописи и просит Иванова просмотреть и поправить перевод. В ответном письме от 4 июля Иванов выражает неудовольствие и пишет об отсутствии у него времени на эту работу (АРИ, III. Р. 406-407, 410-411).

² Речь идет о неудачной попытке итальянского слависта Ренато Поджоли (Renato Poggioli, 1907-1973) сделать перевод первого “Зимнего сонета” Иванова в стихах, который он послал поэту 25 ноября 1928 г. О том, что Иванов негативно отозвался об этом переводе, сам Поджоли вспоминал в письме к Иванову от 23 января 1935 г. (РАИ, f. 6, № 124).

³ См. характеристику Таирова, в письме Иванова № 31 от 4 мая 1930 г.

⁴ Кроме французских рецензий на выставку (см. примеч. 2 к письму № 29 от 27 апреля 1930 г.) весной и летом 1930 г. появилось и множество итальянских откликов: *Il grande successo della mostra Signorelli a Parigi* // *Il Giornale d'Italia*. 14 maggio; *I fantocci di Maria Signorelli* // *Il Tevere*. 15 maggio; *La mostra parigina dei “Fantocci” di Maria Signorelli* // *Il Resto del Carlino*. 15 maggio; *Les Poupées de Maria Signorelli* // *Comoedia*. 17 maggio; *Maria Signorelli a Parigi* // *L'Italia Letteraria*. 25 maggio; *I Fantocci di Maria Signorelli* // *Arte Italiana*. 1 giugno; *Maria Signorelli alla Galleria Zak* // *Nuova Italia*. 3 giugno; *Fantocci* // *Il Bollettino della Sera*. 22 giugno; *I fantocci di Maria Signorelli* // *Il Giornale di Sicilia*. 12 marzo 1931. Две вырезки из газет “*Il Resto del Carlino*” и “*L'Italia letteraria*” сохранилось в APES в папке с рецензиями.

⁵ Отклик на опасение Иванова за Марию, высказанное в письме № 31.

⁶ См. описание этого полета в письме к О. Шор № 32 от 8 июля 1930 г.

Не знаю, застала ли Вас, дорогая моя Ольга Ивановна, открыточка Фламинги на Вашей родине, не знаю, застанет ли она (уже или еще?) в Риме. На всякий случай посылаю Вам свой адрес (*Albergo Gambarana. Pavia*), буду здесь ждать Вашей весточки. Вяч. Ив. уехал в Швейцария

рию,¹ оставив мне исправленное предисловие. Куда, кому его выслать? Где Вы, родная? Откликнитесь! Сердечный привет всем Вашим. Обнимаю Вас и целую. Ваша Ольга.

¹ Вяч. Иванов был с детьми в Швейцарии и занимался устройством Димитрия в школу в высокогорном санатории (см. об этом ниже).

35

О. Синьорелли – О. Шор

11 августа <1930>¹

Capri

Hôtel Splendid

Дорогая, получила исправленное предисловие, которое мне было переслано сюда на Capri, где я нахожусь с субботы. Вернулась в Рим 3-го августа и очень жалею, что не получила от Вас ничего на моей родине, а то бы заехала к Вам в Павию. Мария мне писала, что Вы уехали в Давос. Пишите мне о Ваших планах. Буду на Капри до 7-8 сентября. Мне в Риме без Вас грустно и одиноко. Привет от Марии и целую Вас с бесконечной благодарностью. Ольга.

¹ Год установлен по почтовому штемпелю.

36

О. Шор – О. Синьорелли

14 авг<уста> 1930 г.

Павия

Дорогая моя Ольга Ивановна,

только сейчас получила Вашу открытку с Capri. Тут какое-то дикое недоразумение: *никакого исправленного*¹ предисловия Вам из Рима не могли прислать, ибо предисловие *исправленное* лежит у меня на письменном столе. Не понимаю, *что* Вам по ошибке переправили из дома. Вяч. Ив. и я внесли *существенные* изменения в текст. *Умоляю не печатать в прежнем виде*. Вас очень прошу еще раз перечитать новый текст, но надеюсь, родная, что теперь Вам с ним не будет особой возни, т. к. все заново внесенное тщательно проработано и продумано по-итальянски. Вам за Вашу дружескую работу превеликое спасибо. Предисловие Вам высылаю вслед за этим письмецом. Оно уже было бы у Вас, если б я раньше получила от Вас весточку.

Какая обида, что Вы не заехали в Павию! Утеряно чудесное свидание. Почему Мария решила, что я в Давосе? Не получая от Вас никакого ответа ни на одну из моих открыток, я написала Марии несколько

слов, но и она мне не ответила. В Павии пробуду еще дня четыре. Если ответите моментально, родная (ответьте, очень прошу Вас!), то Ваше письмо меня здесь застанет. Еду во Флоренцию или в Виченцу – еще не окончательно решила. Папин приезд откладывается,² и я пока остаюсь в Италии. Спешу отправить эту открытку; потому кончаю.

Напишите о себе, дорогая. Вас постоянно нежно вспоминаю и очень хочу скорее обнять не только мысленно в письме.

Целую вас крепко. Ваша Ольга

¹ Слово “исправленного” подчеркнуто дважды.

² Речь идет об Александре Соломоновиче Шоре, который после смерти жены, должен был приехать в Берлин, однако выехать из СССР он так и не смог.

37

О. Синьорелли – О. Шор

16 августа <19>30
Capri, Hôtel Splendid

Дорогая, не знаю застанет ли моя эта <открытка> Вас в Павии.

Предисловие переписано на машинке и наконец-то в понедельник пошло ее <так!> Карабба! Теперь мне к Вам другая просьба: будьте любезны справиться среди Ваших многочисленных знакомых, где Мария могла бы учиться сценографическому искусству в Германии? Мне сказали, что в Мюнхене, при Staats Schule имеется и театральное, сценографическое-режиссерское отделение, но надо было бы справиться у знающих. И спасибо Вам и за это. Тут холодно!!! но хорошо. Целую Вас нежно. Ольга.

38

О. Шор – О. Синьорелли

18 августа 1930 г.¹
Pavia

Сейчас получила Вашу открыточку от 16 авг<уста>, дорогая моя Ольга Ивановна, и даже испугалась. Что за чертовщина с этим предисловием. Ваша открытка, посланная 16-го уже, т. е. через день, мною получена. А Вы 16-го почему-то еще не получили мое espresso, посланное 14-го авг<уста> утром. Надеюсь, что оно все же дошло до Вас; но на всякий случай послала телеграмму.² Да как же это Вы не заметили, что в присланном Вам тексте (ломаю себе голову кем “исправленном”!) нет ни пометок В. И., ни моих замечаний, ни даже тех шести страниц, что Вы прислали В. И-чу в Павию. Чтобы ускорить и облегчить Вам

работу я здесь переписываю на машинке сильно переделанные и недопечатанные страницы. Подождите, действительно исправленную рукопись и, ради Бога, не посылайте Ваш экземпляр Карабба. Жду весточки от Вас. О Марии запрошу сегодня же Мюнхен и попрошу все толком разузнать.³ Как только что-нибудь мне сообщат оттуда, Вам немедленно напишу. Если ответите сейчас же, я еще успею здесь получить Ваше письмо. С нежностью большой о Вас думаю, крепко Вас и Марию целую. Спасибо Вам за все, родная. Ваша Ольга.

¹ Ответ на предыдущую открытку, поэтому мы помещаем ее здесь с нарушением хронологии.

² В фонде Синьорелли эта телеграмма О. Шор не сохранилась.

³ Ответ на просьбу Ольги Синьорелли в открытке от 16 августа, помочь устроить Марию в художественную школу в Мюнхене. См. повтор просьбы в следующем письме № 39 (от того же 16 августа), которое разминулось с настоящим ответом Шор.

39

О. Синьорелли – О. Шор

16 августа <1930>¹

Капри, Hotel Splendid

Дорогая, только что отправила Вам открытку, как получила Ваше espresso.² После моего отъезда из Рима барышня-секретарша, которой я дала переписать “Переписку”, просмотренную когда-то Don Giuseppe, прислала мне вместе с “Перепиской” и первую часть предисловия, и сегодня утром прислала вторую часть. Прочитывая эту первую часть, я не заметила никаких основных перемен и думала, что так и должно быть!!.. Теперь вижу, что и вторая часть в таком же виде: значит барышня переписала ту же первую неисправленную. Но беды мало; жду Вашу исправленную и надеюсь, что найду тут же кого-нибудь, кто мне мог бы переписать ее на машинке, чтобы я могла ее послать как можно скорее Карабба, а то вся эта история продлится еще на год!

Don Giuseppe писал, что получил письмо от В. Иваныча,³ который желает, чтобы он прочел “Переписку”. Но я ему это дам только в корректуре. Он ведь раз уже это читал и очень любезно указал на некоторые формально более красивые возможности выражения. Я внесла его поправки и дала переписать, и сказала Карабба, что предпочитаю, чтобы было набрано в таком, исправленном виде, в каком я ему дам вместе с предисловием. За год после чтения “Переписки” Don Giuseppe она не переменилось, и я думаю достаточно, чтобы он ее читал в корректуре. Так я ему и напишу. Напишите мне, дорогая, как писать Вашу фамилию на томике Карабба: Chor или Scior?

Мария не получила Вашего письма и сама не знает, как выдумала о Давосе? Должно быть Вы сказали, что туда едет Лидия.

В Риге и нигде я не получила от Вас ни слова. Писал Вам Ваш рижский знакомый?⁴ Не смогла добиться его по телефону (он все куда-то разъезжал), но написала ему Ваш римский адрес. Помогите мне теперь устроить Марию. Директор этой Мюнхенской школы Dr. Emil Preetorius.⁵ Запросите у Степуна, может быть. Буду на Капри до 7-го сентября.

Скучаю по вам и целую нежно. Ольга

¹ Год установлен по содержанию.

² Речь идет о посланном *espresso* письме О. Шор от 14 августа (см. выше) Из дальнейшей переписки становится понятным, что О. Шор послала окончательный текст Предисловия только 27 августа.

³ В письме от 7 августа 1930 г. Дон Джузеппе Де Лука писал Анджело Синьорелли: "Иванов просил меня пересмотреть перевод переписки с Гершензоном. Ваша Жена вернулась? Как мне быть?" (FSFC).

⁴ Речь идет о Л. М. Гинзбурге (о нем в письме Синьорелли Шор № 32 от 8 июля 1930 г.).

⁵ Имеется в виду Эмиль Преториус (Emil Preetorius; 1883-1973), немецкий график, сценограф, искусствовед и библиофил, директор Staats Schule в Мюнхене, при которой имелось театральное отделение (см. запрос о нем в письме Синьорелли Шор № 37 от 16 августа 1930 г.).

40

О. Шор – О. Синьорелли

20. VIII. <19>30

<Павия>¹

Дорогая, в Мюнхен, т. е. о Мюнхене я уже, конечно, написала. Просила точную справку о характере школы и условиях приема, просила также прислать проспект и программы. Если для приема понадобятся какие-нибудь специальные рекомендации немецких профессоров, то достану Вам их в любом количестве. Делать это для Марии очень большая радость не только потому, что я люблю Вас и Марию, но и потому, что высоко ценю прекрасное дарование ее. Вам немедленно все переправлю. Целую крепко как люблю.

¹ Открытка с видом: Pavia – Via Luigi Porta e le sue torri.

41

О. Шор – О. Синьорелли

25 авг<уста> 1930

Павия

Дорогая, спешу уведомить Вас, что от двоюродного брата своего получила сейчас открытку¹ в ответ на запрос-письмо, где он сообщает, что разыскал все нужные адреса и обратился не только в Мюнхен, но и в Берлин (к знаменитому Ренгарду²) и через 2-3 дня надеется получить все нужные материалы. Сейчас же Вам все перешлю. Занятия в школах начинаются 1-го окт<ября>. Так что времени еще много.³ При всех прочих равных условиях (т. е. если школы здесь и там одного и того же направления и уровня) Марии лучше жить в Мюнхене. Город очаровательный и истинно художественный.

В Мюнхене я могу ее познакомить с двумя милыми и очень интересными семьями (художники и ученые). Мария там не будет одинока.

“Предисловие”, переписанное на машинке и начисто исправленное, отправлю Вам завтра. Задержка и его у машинистки, и моя в Павии произошла отчасти по моей болезни.⁴

Марии сердечный привет.

Крепко, нежно целую Вас.

Ваша Ольга

Если у Вас имеются лишние экземпляры критик,⁵ пришлите мне хоть 1-2 из них (французских).

¹ Эта открытка в фонде О. Шор (РАИ) не обнаружена.

² Речь идет о Максе Рейнхардте (Max Reinhardt, 1873-1943) – австрийском актере и режиссере театра в Зальцбурге.

³ Е. Д. Шор занимался поисками школы декорационного искусства для Марии (см. переписку с Е. Д. Шором во втором томе наст. издания).

⁴ Судя по письму Вяч. Иванова к Шор от 25 августа, у нее обострилось воспаление нерва в суставе правой руки (ARI, III. Р. 417). В мае 1928 г., возвращаясь из Давоса, Шор попала в небольшую аварию (об этом она писала Синьорелли в открытке от 12 августа 1928 г. – FSFC): вагон, в котором она сидела, “отцепился от поезда, получилось сильное сотрясение и резкая остановка”, в результате чего она повредила сустав правой руки. До конца жизни ее мучили неврологические боли (см.: *Иванова Л.* Воспоминания. С. 214; здесь ошибочно указан 1929 г.).

⁵ Речь идет об откликах на выставку Марии в галерее Zak (см. примеч. 2 к письму № 29 от 27 апреля 1930 г. и примеч. 4 к письму № 33 от 16 июля 1930 г.)



Мария Синьорелли за изготовлением куклы для спектакля “Антигона” Софокла. 1931 г.

42

О. Шор – О. Синьорелли

28 августа 1930 г.

Павия

Вчера, наконец-то, отослала я Вам, дорогая Ольга Ивановна, предисловие. Хотела сейчас же вслед писать, но не смогла. И сегодня еще пишу с трудом; потому, родная, это письмо и не будет тем, чем ему хотелось бы быть; придется ограничиться самым необходимым.

Вы не можете себе представить как мне обидно, что пропало то мое, посланное на родину Вашу, письмо, где я благодарила Вас за прекрасный перевод, за Гинзбурга и где, главное, сказала хоть мало и слабо, но все же то, что давно уже с души поднималось навстречу Вам. Я надеялась, что письмо будет Вам переслано и поздно, но дойдет до Вас или вернется ко мне, как вернулось, побывав в Вашем доме в Риме (!) открытка к Марии;¹ но раз никто из нас не получил его по сей день, значит оно пропало.

Меня удивило и умилило, родная, как Вы глубоко понимаете Гершензона. Я очень любила этого человека (хотя мне совершенно чуждо

и неприятно даже все строение его мысли), чувствовала его обаяние и очень рада, что и Вы почувствовали его и что мы тут с Вами вместе. Я даже улыбалась от удовольствия, читая те места Вашего перевода, где Вы исправляли и дополняли мои, несколько небрежно написанные, фразы именно в том направлении, как того хотел бы Михаил Осипович.² Я уверена, знай он Вас, он бы Вас сердечно любил. Мы даже говорили об этом с Вячеславом Ивановичем.

Простите, что вопреки моему обещанию и желанию предисловие все же задержалось немного и что, хоть главное и переписано начисто, но далеко не все из того, чему следовало бы быть переписанным. Дело в том, что моя знакомая машинистка (отличная) оказалась заваленной сначала срочной работой, а затем грудой неприятностей. Она передала мою работу кому-то другому, почему все и сделано плохо. (У моей машинистки ошибок не бывает). Наконец случилось что-то с самой машинкой, и (как вы видите) несколько страниц, кот<орые> переписывались последними, оказались написаны другим шрифтом, другой рукой и ниже всякой критики.

Я же сама по болезни (об этом не стоит писать, уже когда все прошло) была не в состоянии отыскивать другую дактилографку; отобрала недописанные листы, подчистила их чернилом и отослала рукопись Вам, решив, что это самое благоразумное.

Главное ведь все же сделано: все сильно переделанные места (как глава о пространстве и времени etc.³) и Ваши рукописные страницы переписаны.

Исправления все (так мне кажется, по крайней мере) вставлены вполне ясно. (Я всюду перевела карандаш на чернило), и недоразумений быть не может. Кстати, заметили ли Вы, дорогая, что исправлялся или самоисправлялся Фламинго, а Вы почти вовсе не тронуты. Еще раз Вас за все благодарю.

Теперь, вот что, родная:

Не кажется ли вам полезным для успеха книги прибавить одно примечание к стр. 1-ой (там, где у меня стоит звездочка карандашом). “‘Переписка’ по-русски появилась в 1921, в Москве вскоре после того как письма эти были писаны: на немецком она была переведена в rivista⁴ “Die Kreatur”⁵ за 1926 г. и печатается по-французски в rivista “Vigile”⁶ (выйдет в fascicolo di Novembre⁷)”. Мне кажется, что это следует сделать, но предоставляю сие на Ваше усмотрение; почему и ограничилась звездочкой. Если Вы ничего не имеете против, прибавьте там примечание в несколько слов, дорогая.⁸

На стр., кажется, 27-ой (конец биографии) там, где упоминается <о> “Дионисе и прадионисийстве” (тоже звездочка), хорошо было бы прибавить, что результаты этого исследования были сообщены рим-

ской пубблике в conferenza, tenuta dall'autore nel Circolo di Roma⁹ в 1926 году.¹⁰

Но и это предоставляется решить Вам.¹¹

А вот последнее безусловно: мое имя ни в каком случае не должно быть известно.

Мне это очень важно, родная. При свидании объясню.

Потому я составила (примерно) заглавный лист, не упоминая об introduzione. (Кстати: не знаю, правильно ли написала заглавие книги stanza там или camera?)

Самое для меня приятное было бы ограничиться теми двумя инициалами О. F., кот<орые> я выставила в конце. Но если б издатель (это иногда бывает) стал бы настаивать на имени, то я предпочитаю поставить какую-нибудь абракадабру вроде Rodoptoros, напр<имер>, что в переводе на греческий яз<ык> значит Розовокрылый. Можно было бы написать Flamingo, но плохо то, что Flamingo – распространенное итальянское имя. Зачем же мне маскироваться под итальянца? Это было бы глупо.

Впрочем, о последнем, т. е. о Rodoptoros'е спрошу Вяч. Ив-ча.¹² Об этом еще есть время думать.

Библиография составлена тщательно, и ее, конечно, надо поместить. Ведь все книжные люди в нее первым долгом заглядывают.¹³

Ради Бога, пошлите Carabba рукопись заказным пакетом. А то еще выйдет какое-нибудь недоразумение; а это ведь – единственный исправленный экземпляр. Повторять работу – невозможно.

Надеюсь завтра или послезавтра получить нужные Марии бумаги.¹⁴ Ей сердечный привет. Вас крепко и нежно целую. Ваша Ольга.

Если ответите моментально, то адресуйте письмо сюда. Еще успею получить. Спешу отправить письмо, и рука дальше отказывается писать. Сегодня же или завтра напишу еще.

¹ Эта открытка от 11 августа 1930 г. сохранилась в фонде Шор в РАИ (текст по-итальянски); в ней О. Шор спрашивает Марию, куда отправить рукопись предисловия для Ольги Синьорелли.

² Речь идет о переводе главы из Предисловия О. Шор о Гершензоне (40-63).

³ Фрагмент о пространстве и времени занимает три последних параграфа в главке о Вячеславе Иванове в предисловии (22-30). Как явствует из письма Шор к Иванову от 29 августа 1930 г. он был написан самим Ивановым, который, по ее словам, сделал "роскошную пространственную инкорнацию <...> о форме Мировой души" (ARI, III. P. 419-420).

⁴ Журнал (*ит.*).

⁵ “Die Kreatur” – религиозно-философский журнал, который с 1926 по 1928 гг. редактировал Мартин Бубер, поместивший на его страницах немецкий перевод “Переписки”: *M. Gerschenson und W. Iwanow. Briefwechsel zwischen zwei Zimmerwinkeln* / [Übersetzung von Nicolai von Bubnoff] // *Die Kreatur. Jahrgang I. Heft 2. Sommer 1926. S. 159-199.*

⁶ “Vigile” – французский католический литературный журнал, издававшийся в 1930-1932 гг. под редакций Ш. Дю Боса; в нем была опубликована “Переписка”, в переводе Е. А. Извольской и Дю Боса: *Venceslav Ivanov et M.O. Gerschenson. Correspondance d'un coin à l'autre / Traduit du russe par Hélène Iswolsky et Charles du Bos // Vigile. 1930. № 4. P. 52-120.*

⁷ В ноябрьском выпуске (*ит.*).

⁸ Это примечание имеется на странице 7 итальянского издания “Переписки”.

⁹ Сокращенно в виде доклада, сделанного в Римском кружке (*ит.*). Это примечание в тексте предисловия отсутствует. Речь идет о докладе Иванова, состоявшемся по приглашению *Unione Intellettuale Italiana* в Palazzo Doria 24 апреля 1926 г. под заглавием “La religione di Dioniso e le sue origini” (“Религия Диониса и его истоки”; см. в РАИ пригласительный билет на эту лекцию). О нем см. также в воспоминаниях П. П. Муратова “Вячеслав Иванов в Риме” (Звено. 9 мая 1926. № 171. С. 2-3).

¹⁰ Это примечание имеется на странице 36 итальянского издания “Переписки”.

¹¹ Все просьбы о дополнении предисловия указанными примечаниями исходили от Иванова, который просил О. Шор в письме от 25 августа 1930 г. уведомить Синьорелли об этом (РАИ, III. Р. 417).

¹² Вопрос о подписи своего предисловия псевдонимом “Rodoptoros” О. Шор задала Вяч. Иванову в письме от 29 августа 1930 г. (Там же. Р. 420-421), но тот, отклонил этот вариант, сочтя подпись “фантастичной и, пожалуй, кокетливой” (см. письмо Иванова от 1 сентября 1930 г – Там же. Р. 422).

¹³ Просьбу об уточнении первых публикаций статей для этой библиографии см. в письме Шор в Иванову от середины августа 1930 г. (РАИ, оп. 5, карт. 13, папка 9).

¹⁴ Т. е. бумаги, связанные с поиском учебного заведения и рекомендациями для Марии.

Дорогая Ольга Александровна, от души благодарю Вас за предисловие, которое, наконец-то получила. Мне кажется, что оно теперь в самом деле превосходно. Я думаю, лучше не говорить о немецком и французском переводе. Можно поставить год издания в Москве. Для Италии перевод французский или немецкий – не плюс, а минус!²

Мне кажется, что издатель не может иметь ничего против подписи О. Ф. Он же неграмотный! Даже не станет читать ни содержания, ни предисловия! Ответственность ведь только моя.

Я очень тронута тем, что Вы говорите о переводе Гершензона: я не думаю, чтобы я переменила что-нибудь, но для гармонии может быть кое-что сократила.

Очень жалко, что не получила Вашего письма. Может быть мне оно было переслано в Мюнхен уже после самого отъезда. Попрошу Вас написать открытку в Мюнхен Zentralpost – post restante, и попросить, чтобы в случае, если оно там лежит, переслали его в Рим Via XX Settembre 68. Написала бы сама, но не знаю, на какой адрес Вы его послали.

Боюсь послать предисловие даже заказным, и писала Карабба, что через неделю передам ему его лично.³

Когда Вы вернетесь в Рим?

Целую Вас нежно, нежно, дорогая, и от души благодарю за дружбу, за помощь, за ласку. Привет от Марии, и рецензии⁴ она Вам пошлет из Рима. Ваша Ольга

¹ Год установлен по содержанию.

² В предисловии (7) указано и первое (Пг. 1921) и второе (Берлин 1922) русские издания “Переписка из двух углов”, а также немецкий перевод в журнале “Kreatur” и оба французских издания – журнальное (“Vigile”) и отдельное (см. о нем ниже), которые успели выйти в свет раньше итальянского перевода.

³ Т.е. после 7 сентября, когда Синьорелли планировала вернуться в Рим с Капри (см. об этом в письме № 39 от 16 августа 1930 г.).

⁴ Речь идет о рецензиях на выставку Марии Синьорелли, которые Шор просила прислать в письме № 41 от 25 августа 1930 г. (см. примеч. 5 к нему). Список рецензий см. в примеч. 2 к письму № 29 от 27 апреля 1930 г. и в примеч. 4 к письму № 33 от 16 июля 1930 г.

44

О. Шор – О. Синьорелли

10 окт<ября> 1930 г.

<Noli>

Дорогая моя Ольга Ивановна,

спешу сообщить Вам свой, на 2-3 недели, прочный адрес:

Noli Ligure (Savona). Albergo “Europa”. Напишите мне, родная, поскорее хоть несколько слов о себе. Я соскучилась и по Вас, и по письмам Вашим. Что Мария? Не знаю писать мне или не писать своим друзьям в Мюнхен об ней. Что слышно с “Перепиской”? Вяч. Ив. хотел

бы, если возможно, прочесть корректуры. Он, устроив Диму в школе Engelberg'a (1050 м высоты),¹ приехал сюда провести около моря остаток каникул. Вас и Ваших он сердечно приветствует. Здесь очень хорошо.

Возможно, что после Noli я приеду во Флоренцию и Рим. Буду бесконечно рада Вас вновь увидеть и “по душам” поговорить. Надеюсь, что у Вас все благополучно, чего сердечно желаю.

Крепко и нежно целую Вас. Всем Вашим привет. Ваша Ольга.²

Мне ужасно нравится этот островок.³ Он похож на пирамиду и волнует душу Фламинго.

¹ Эта высокогорная школа была выбрана в связи с легочным недомоганием Дмитрия.

² На это письмо десять дней не было ответа. Сохранилась тревожная открытка О. Шор от 20 октября 1930 г., где она беспокоится молчанием Синьорелли и просит “написать <...> незамедлительно хоть два слова о себе” (FSFC).

³ На открытке вид на островок Берджеджи (Isola di Bergeggi e Capo Noli), расположенный напротив побережья Ноли. О нем писал Вяч. Иванов к Шор в письме от 10 ноября 1930 г., вспоминая свой “пятинедельный праздник в милом Ноли” и “пирамидальный остров Памяти в голубом море” (ARI, III. P. 424-425).

45

О. Шор – О. Синьорелли

3 ноября 1930 г.

Noli Ligure

Alb<ergo> Europa

Дорогая моя Ольга Ивановна,

грустный подголосок Вашего письма¹ еще увеличил желание Вас поскорее увидеть. Надеюсь, что этому желанию суждено исполниться в недалеком будущем, но все же до сих пор я еще не знаю, куда занесет меня судьба в нынешнем году. Если ответите сейчас же, то я еще успею здесь получить Ваше письмо. Числа 9-го или 10-го уеду – дня на два в Ospedaletti² (хочу там посмотреть одну библиотеку), потом недели на 2 – во Флоренцию, затем, быть может, в Рим.

Что “Переписка” появится не раньше февраля,³ действительно немного обидно, т. к. через месяц-другой должно уж выйти французское издание.⁴

Приятно было бы пустить итальянское вперед. Но, в конце концов, это не важно.

Целую Вас крепко и нежно. Ваша Ольга.

Вяч. Ив. Вас сердечно приветствует. Книгу ему пошлите, пожалуйста, в Павию.⁵

¹ Это письмо Синьорелли в фонде О. Шор (РАИ) не найдено.

² Городок на Лигурийском побережье между Бордигерой и Санремо. Там жил позже Е. Д. Шор.

³ Письмо, в котором Синьорелли сообщала об отсрочке выхода “Переписки” и ее причинах, в РАИ не разыскано.

⁴ Французский перевод “Переписки” вышел из печати отдельной книгой только через год, в декабре 1931 г. (см. об этом ниже).

⁵ О какой книге идет речь неясно.

46

О. Синьорелли – О. Шор

6 ноября <1930>¹

Рим

Дорогая Ольга Александровна,
сердечное Вам спасибо за открыточку.² Очень буду ждать Вас и надеюсь, что приедете и что *приедете* скоро.

Читала стихи Вячеслава Ивановича в “Frontespizio”.³ Хорошо! Хорошо не из-за того, что Папини трудился над ними, но из-за того, что Вячеслав Иванович хорош-то на самом деле!

Передам Don Giuseppe “Русскую идею”⁴ и “Гуманизм”.⁵ Он хочет перевести или ту или другую с немецкого.

Бедный Don Giuseppe, что ему наделал такой *capaglia* как Папини! Можно было почти подумать, что мы *сотрудничали вместе*⁶ по объявлению Папини.⁷ И чтобы доказать, что этого не бывает, Don Giuseppe переведет “Русскую идею” и подпишет, и все возможные сомнения будут рассеяны!!!⁸

Чувствую себя довольно хорошо и работаю.

Посылаю Вам “L’Italiano” с началом “Записок сумасшедшего”.⁹ Но имейте в виду, что это газета *грешная*.¹⁰ Покажите ее и Вячеславу Ивановичу, и надеюсь, что такая бесовская вещь его не рассердит!

Мне к Вам опять просьба. Меня просили дать несколько страниц русских писателей от Пушкина до Горького для одного сборника. Потом будет второй номер современных писателей.¹¹ Посоветуйте мне, что включить из Пушкина и Лескова. Из Гоголя, должно быть, выберу “Нос” или “Невский Проспект”.¹² Из Толстого – две главы из “Хаджи-Мурат”.¹³ Думала дать детский рассказ о Вареньке, но он, хотя прелестен, все-таки немножко слишком легок для Толстого.¹⁴ Дам “Смерть Хаджи-Мурата”. Из Чехова у меня имеется “Ионыч”.¹⁵ Из Горького хо-

тела дать “Рождение человека”,¹⁶ но, перечитывая, вижу, что там два образа очень-то резких! Может быть, напишу ему и попрошу дать или советовать что-нибудь.

Я думаю, что надо выбирать Пушкина, Гоголя, Лескова, Толстого, Чехова и Горького, с которыми есть кое-какая связь с лучшими из современных. Придется исключить Лермонтова и Достоевского как представителей психологического романа и, кроме того, одного как романтика, другого как мистика.

Напишите, дорогая, Ваше мнение и, очень прошу, напишите как можно скорее.

Буду ждать Вас к концу ноября и очень, очень прошу приезжайте.

Сердечнейший привет Вячеславу Ивановичу и Лидии.

Обнимаю Вас нежно и сердечно Ваша Ольга

¹ Год установлен по содержанию ответного письма Шор № 47 от 11 ноября 1930 г. (см. ниже).

² Открытка от 3 ноября 1930 г. (см. выше).

³ “Il Frontespizio” – журнал, выходивший во Флоренции (1929-1940). Речь идет об очередном номере за 1930 г. (Settembre 1930. № 8. P. 5), где были помещены 4 стихотворения Вяч. Иванова: “Il Paradiso Terrestre” (“Стих о земном рае”), “Palinodia” (“Палинодия”), “Regina Viarum” (“Вновь апок древних верный пилигрим...”), “Monte Pincio” (“Пью медленно медвяный солнца свет...”). Имя переводчика не указано.

⁴ Речь идет о статье “Die russische Idee” в переводе Е. Д. Шора (см. о ней в письме О. Шор Синьорелли № 26 от 13 марта 1930 г.).

⁵ Речь идет о немецком переводе Грёгера статьи Вяч. Иванова “Кручи” (см. о нем в письме О. Шор к Синьорелли № 21 от 20 февраля 1930 г., примеч. 3).

⁶ Подчеркнуто двумя чертами.

⁷ Имеется в виду фраза из преамбулы Папини к публикации указанных выше стихотворений, где упоминается о готовящихся “Синьорой Ольгой Ресневич и Джузеппе Де Лука итальянских переводов произведений Иванова”. Ольга Синьорелли была возмущена тем, что Папини назвал Джузеппе Де Лука равноправным профессиональным переводчиком, каковым он никогда не являлся (см. об этом подробнее в переписке Иванова и Де Лука: *Roncalli M. Giuseppe De Luca e Venceslao Ivanov // Europa Orientalis* 2002. № 2. P. 45-46).

⁸ Фраза, по всей видимости, исполнена сарказма, так как Де Лука не был в состоянии самостоятельно перевести эти сложные философские статьи Иванова.

⁹ Перевод рассказа Гоголя “Записки сумасшедшего” вышел в 2-х номерах журнала “L’Italiano”: *Gogol N. Diario di un folle / Trad. di Olga Resnevic // L’Italiano. Quindicinale della Rivoluzione Fascista*. 28 ottobre 1930. № 16-17. P. 10-12; 28 novembre 1930. № 18-19. P. 8-12. В письме речь идет о первой части перевода.

¹⁰ Намек на то, что журнал “L’Italiano” примыкал к антиклерикальному течению фашистской прессы.

¹¹ Имеется в виду готовящийся Джованни Комиссо и Ольгой Синьорелли номер журнала "Solaria", посвященный русской литературе, в двух частях: первая классическая литература, вторая – современная. Работа продолжалась полтора года, в течение которой Комиссо решил перенести тексты в журнал "L'Italiano" (см. *Rizzi D. Olga Signorelli nella storia culturale italiana della prima metà del Novecento* // ARI, VI. T. 2. P. 100-104).

¹² Этих "Петербургских повестей" Н. В. Гоголя среди опубликованных переводов Синьорелли нет.

¹³ "Хаджи-Мурат" в переводе Синьорелли был опубликован в журнале "Il Convegno. Rivista di letteratura e di arte" (1930. № 9-10. P. 353-369).

¹⁴ Речь идет о раннем рассказе для детей Л. Н. Толстого "Сказка о том, как другая девочка Варенька скоро выросла большая" (1857-1858), который был опубликован в переводе Синьорелли под заглавием "Alla nipotina Varenka. Come un'altra bambina Varenka divenne grande a un tratto" в журнале "Nuova Antologia" (1 aprile 1931. № 1417. P. 332-339).

¹⁵ Этот рассказ А. П. Чехова (1898) в переводе Синьорелли в печати не появился.

¹⁶ Этого рассказа М. Горького (1910) среди опубликованных переводов Синьорелли нет.

47

О. Шор – О. Синьорелли

11 ноября 1930 г.

Ноли

Дорогая Ольга Ивановна,

спасибо Вам большое за письмо. Простите, что на три дня задержала ответ, но уезжал Вяч. Ив., и надо было многое переговорить и переделать.¹ Я сказала Вяч-у Ив-у, что Вам понравились его стихи; ему это было очень приятно; он просил передать Вам сердечный дружеский привет. Мы еще Frontespizio не видели. Вероятно, журнал был послан в Павию.²

Все, что вы пишете о Don Giuseppe пронизано беззвучным смехом. Не знаю, правильно ли я поняла его причину. "Сотрудничать" с Вами по переводу русских авторов всякому итальянцу могло бы быть лишь лестно, если б, если б... этот итальянец не был священником. Но ватиканский священник и русская светская дама "вместе", – да, бедному Don Giuseppe есть в чем реабилитироваться! Но чем же это наделало паники – я так и не поняла; вероятно, потому, что не читала Frontespizio.

Рада, что Вы себя чувствуете хорошо. Ваш перевод "Записок сумасшедшего" прекрасен; передает все нюансы гоголевского стиля. К сожалению, L'Italiano так запоздало, что В. И. его уже не успел прочесть здесь.

Спешу теперь ответить на Ваш вопрос о выборе “нескольких страниц” (сколько их отпущено?) из русских писателей. Из Пушкина лучше всего взять “Пиковую даму”, которую теперь только начинают по достоинству оценивать. Если же она слишком длинна (впрочем, не длиннее “Носа”) или Вам не по сердцу, то переведите “Станционного смотрителя” или “Метель”. “Метель”, пожалуй, понравится больше. Из Лескова затрудняюсь указать на память наиболее подходящее. Если бы места было неограниченно, то можно было бы показать итальянцам “Запечатлѣнного Ангела”, но резать вещь не стоит. Выберите лучше что-нибудь из его легенд. Там много характерных и хороших. Выбор “Хаджи-Мурата” мне не кажется очень счастливым. Произведение само по себе неудачное или вернее неоконченное, и это не внешне (что вовсе не плохо бывает), а внутренне (что всегда фатально для художественного творения) да к тому же затасканное по кинематографам. Понимаю, что Вам хочется дать то, что еще не переводилось, но тогда возьмите лучше “Отца Сергия”. Вещь глубокая, отлично написанная и чрезвычайно характерная для старого Толстого. “Ионыч” – это хорошо. А почему нельзя “Рождение человека”? То ли еще найдется у “современных писателей”, которыми Вы собираетесь наполнить второй сборник. Да и что значит “два разных образа”. Измените, смягчите, уберите их – это вопрос Вашего стилистического мастерства и такта. А его у Вас много. Да и сам Горький здесь Вам с радостью поможет, ибо любит своего “человека”. Конечно, родная, если романтики и мистики *должны* быть исключены (почему *должны*?), то Лермонтова и Достоевского нельзя включать. А жаль: “Герой нашего времени” принадлежит к лучшим образцам не только русской, но мировой прозы – а его здесь абсолютно не знают. По какому принципу Вы выбираете авторов, я не совсем понимаю. Если искать связи формальной (мировоззрение – другой вопрос) старых писателей с современными – то *кто* же властвует над их пером более “мистика” Достоевского. Все лучшие современники наши из него именно вышли.³

Если же давать наиболее типичные классические образцы русского романа, то почему же опускать Тургенева и Гончарова? Гончарова, пожалуй, можно еще не включать. Очень уж тяжеловесен для “нескольких страниц”, хотя и у него легко найти подходящие главы. Но Тургенев? Разве он весь переведен? Наверное, отыщется много неизвестных никому, хороших рассказов. А Белого Вы относите к “современным”, справедливо считая его моложе Горького? И помещаете во второй том?⁴ Обойти его нельзя, ибо он теснейшим образом связан с сегодняшним днем. Без него невозможен Пильняк, напр., и многие другие.⁵ Если, дорогая, Вы мне более подробно охарактеризуете сборник, то я постараюсь пристальнее вдуматься в его желательный образ. Кто издает? С какой целью?

Обращаюсь к Вам с большою просьбою. Я оставила у Вас серую меховую шубку. Буду Вам бесконечно благодарна, если Вы ее завезете Штейну⁶ (vic<olo> Sebastianello) и попросите его выслать шубку Лидии, которую он отлично знает. Лидия в швейцарских снегах ужасно мерзнет, а здесь тепло и мех не нужен. Адр<ес> для Штейна прилагаю на отдельном листке. Вы, родная, только передайте ему шубку как можно скорее; ни упаковывать, ни платить не надо. Упакует он сам, а заплатит Лидия на месте. Если же он скажет, что это неудобно, т. к. экспедиция заграничная, то пусть пошлет счет по адр<есу> В. И.: Prof. Venceslao Ivanov, Almo Collegio Borromeo, Pavia.

Завтра или послезавтра еду во Флоренцию, оттуда Вам немедленно напишу и дам свой прочный там адрес. Пока можно писать Firenze fermo in posta.⁷ В Риме надеюсь быть в начале декабря. До сих пор еще не раз перебросимся письмами.

Кланяюсь Вашим. Вас крепко и нежно обнимаю и целую
Ваша Ольга.

¹ Вяч. Иванов 10 ноября вернулся в Павию к началу учебного семестра, а О. Шор задержалась в Ноли.

² О получении "Frontespizio" по приезде в Павию и отзыв о номере см. в письме Вяч. Иванова О. Шор от 10 ноября 1930 г. (ARI, III. P. 424).

³ Аллюзия на крылатое выражение, приписываемое Достоевскому: "Все мы вышли из 'Шинели' Гоголя".

⁴ Синьорелли еще в 1921 г. перевела отрывки из романа Андрея Белого "Серебряный голубь"; см.: *Bielii Andrea. Il Colombo d'argento / Brani tradotti da Olga Resnevic // Russia. 1921. № 4-5. P. 61-73.*

⁵ В переводе Синьорелли вышло четыре вещи Пильняка, см.: *Pilniak B. Viaggio / Trad. Olga Resnevic Signorelli // La Stampa. 29 novembre 1929; Pilniak B. Truffatori Trad. Olga Resnevic Signorelli // La Stampa. 27 ottobre 1930; Pilniak B. Alchimia / Trad. Olga Resnevic-Signorelli // L'Italiano. Foglio della rivoluzione fascista. 1931. № 3; Pilniak B. Il vento che sa di dimora umana / Traduzione dall'originale russo di Olga Resnevic // Occidente. 1934. № 8. P. 72-78.* Под заглавием "Viaggio" были опубликованы фрагменты из романа "Голый год" (1922); под заглавием "Truffatori" – перевод рассказа "Жулики" (1925); под заглавием "Alchimia" – перевод фрагмента повести "Иван Москва" (1927); последний рассказ – "Человеческий ветер" (1925).

⁶ Карл Штейн (Carl Stein) – с 1877 г. владелец склада в Риме, в котором хранились вещи Ивановых, и международный экспедитор.

⁷ До востребования (*ut.*).

О. Шор – О. Синьорелли

27-го ноября 1930 г.

Флоренция

Дорогая Ольга Ивановна,

Ваше, после краткого перерыва, вновь наступившее молчание меня тревожит: Вы обычно молчите, когда у Вас смутно на душе. Надеюсь все же, что на сей раз причина неписания Вашего обратная и оно вызвано внутренним и внешним повышением жизни. Как бы то ни было, мне очень, очень не терпится получить весточку от вас, дорогая; хотя бы несколько слов о том, как себя чувствуете. Черкните мне их поскорее.

Мне очень хочется Вас видеть и с Вами долго беседовать, и мне поэтому вовсе не хочется Вам писать. Чувствую, что Вы меня понимаете и настроены созвучно мне. Но все же, родная, молчание на большом расстоянии не есть совершеннейший способ общения между друзьями, а давайте до, Бог даст, скорого свидания обмениваться хотя бы открытками. Кстати: получили Вы мою из Флоренции с указанием нового адреса?¹ На всякий случай повторяю его; на ближайшую неделю он еще действителен: Piazza S. Giovanni, 7. Hotel Nardini. Перед отъездом из Ноли отправила Вам письмо, где, как умела, ответила на Ваш вопрос о Пушкине etc. Получили ли Вы его? В том письме я, между прочим, просила Вас послать (через Штейна) Лидии меховую шубку. Если, родная, Вы почему-нибудь по сей день не смогли этого сделать, то теперь раньше, чем отдать Штейну мех, спросите его гарантирует ли он, что пальто дойдет в две недели. Иначе лучше уж не посылать его вовсе. Лидия, вероятно, на Рождество уедет из Энгельберга и не успеет получить посылки. Главное, дорогая, сообщите мне по возможности незамедлительно, послали ли шубку и если послали, то в какое число ноября. Тогда я напишу Штейну, чтобы его поторопить.² Если же не послали, то не огорчайтесь, родная; это ничего; Лидия пишет, что стало совсем “тепло, хотя всё в снегу”. Не посылайте пока, но об этом, очень прошу Вас, напишите. Простите, родная, что я Вас заваливаю какими-то хозяйственными заботами, но я Вас так люблю и ощущаю таким близким другом, что мне даже, сознаюсь, не стыдно; жаль только Вашего времени и труда; Вы ведь на меня не сердитесь? Правда?

Что у Вас нового? К кому едет Мария? Над чем она работает теперь? А Верочка?³ Елена? Ваши дети – прекрасные творения Ваши, и уверена, что Вас ждет радость.

Оттокар,⁴ с которым мы нежно Вас вспоминаем, шлет Вам сердечный привет.

Перед отъездом из Флоренции думаю зайти к Папини. Мне почему-то хочется с ним повидаться.

Если Вы ничего не имеете против, я познакомилась бы с Нальди.⁵ После Вашего отзыва о ней меня к ней тянет; а ей, быть может, не будет неприятно встретиться с человеком, кот<орый> Вас очень любит. Если Вы не возражаете против нашего знакомства, то дайте мне ее адрес.

О себе трудно писать. Увидимся – поговорим. Много смотрю, пишу и читаю. Летом занимаюсь только философской частью книги (кот<орая> сама, кажется, превращается в отдельную книгу); теперь спешно готовлю давно обещанную статью об автопортрете Микел-Анджело.⁶ Вот – внешнее. А о внутреннем – как сообщать?

Сердечный привет мужу Вашему и детям.

Вас крепко и нежно целую, как люблю. Ваша Ольга.

¹ Флорентийский адрес Шор впервые сообщает в открытке от 17 ноября 1930 г. (FSFC).

² В письме Иванову от 1 декабря Шор жаловалась: “О. И. мне до сих пор не ответила, и я не знаю, послала ли она Ликоту <домашнее имя Лидии> пальто” (РАИ, оп. 5, карт. 13, папка 9, л. 31).

³ Вера Синьорелли-Каччаторе (Vera Signorelli Cacciatore, 1911-2004) – младшая дочь Ольги Синьорелли, в будущем журналист и прозаик. Автор романа “La scalinata” (“Лестница”, 1984), сборников рассказов “La vendita all’asta” (“Продажа с аукциона”, 1953), и “Il disordine” (“Беспорядок”, 1996).

⁴ Николай Петрович Оттокар (1884-1957), историк средневековья. См. его письма во втором томе наст. издания.

⁵ Раиса Григорьевна Нальди (Raissa Olkienizkaja-Naldi, урожд. Олькеницкая, 1886-1978), литератор и переводчица. В фонде Синьорелли сохранилось 43 ее русских письма (АРИ, VI. Т. 1. Р. 54).

⁶ Речь идет о заметке, которую, судя по письму Вяч. Иванова к Шор от 8 мая и 25 июня 1930 г., ректор Колледжа Боромео Дон Нашимбене предложил опубликовать в иллюстрированном миланском журнале “Arte Cristiana” и просил спешно ее прислать (АРИ, III. Р. 398-399, 405). Однако всю весну и лето (вплоть до 27 августа) Шор, отложив эту работу, занималась предисловием к “Переписке из двух углов”. Вернувшись к работе над Микеланджело, Шор так и не дописала задуманную статью, поскольку увлеклась работой над пятой главой книги, посвященной, по ее замыслу, философско-мистическому началу в творчестве поэта и скульптора: “о Рождении и Воскресении, Магии и Теургии” (см. цитату из ее декабрьского письма Иванову: АРИ, III. Р. 428).

О. Шор – О. Синьорелли

18-го декабря 1930 г.

Флоренция

Дорогая Ольга Ивановна,

вчера целый день все вспоминала Марию и жалела, что так мне и не удалось присутствовать при ее первом театральном триумфе.¹ Всеми своими лучшими помыслами была с нею. Расцелуйте, пожалуйста, и поздравьте ее за меня.

И вот я опять пишу Вам вместо того, чтобы с Вами разговаривать, и опять пишу Вам, что не знаю, когда Вас, наконец, увижу. Быть может после Рождества я приеду в Рим; но наверное ничего неизвестно. А как давно мы не виделись и как обо многом хотелось бы поговорить.

Теперь вот что, родная: раздобыла я тут для Вас своего Федина “Города и годы”.² Помню, Вам хотелось его иметь. Кажется, Вы его даже и не читали. Простите мне его неряшливую растрепанную внешность. Это не моя вина. Высылаю его Вам.

Получила я от жены Гершензона³ только что вышедшую книгу: “Архив Огарева”,⁴ обработанный М<ихаилом> О<сиповичем>. Помните, как в одном из писем своих он подробно рассказывает о своем посещении “Акшена” (имение Огаревых)⁵ и о встрече с вдовой поэта.⁶ Архив этот, над которым он трудился годы и годы, был им в 1921-ом году (кажется) отдан в Госиздат. Когда после смерти М<ихаила> О<сиповича> захотели печатать книгу, рукопись нигде не могли найти. Дело казалось безнадежным. А вот теперь отыскали и издали. Книга, по моему, очень интересная и даже страшная. Мне бы хотелось о ней с Вами поговорить. Через несколько дней вышлю Вам ее. К сожалению, я не могу ее подарить Вам, т. к. она подарок; но Вы ее можете держать у себя, сколько Вам угодно и использовать как угодно для своих литературных работ.

Через два-три дня после Вашего письма пришло от Лидии сообщение, что шуба приехала. А я Вас за это до сих пор не поблагодарила. Как это нехорошо; но я со дня на день собиралась в Рим.

Двоюродный брат мой пишет, что послал Вам 2 проспекта и письмо, где предлагал познакомить Марию с одним архитектором и теоретиком искусства,⁷ имеющим связи в художественном мире. Он спрашивает, получили ли вы его посылки и может ли он далее быть Вам чем-нибудь полезен.

А теперь, т. к. я всегда пристаю к Вам с просьбами, то, оставаясь верной себе, я и сегодня продолжаю терзать ими Вашу доброту. Сегодняшняя просьба моя мне самой представляется дикой и неисполни-

мой. Но я по опыту знаю, что самое невероятное оказывается подчас самым естественным, помощь приходит именно, казалось бы, с самой неподходящей стороны. И потом: Вы сама фантастическая, несмотря на всю Вашу светскую сдержанность, и жизнь Ваша вся фантастическая, несмотря на весь ее внешний благоустроенный покой, – вот почему мне разумным кажется обращаться к Вам, родная, быть может, и не вполне разумные просьбы. И кто знает... авось... Дело вот в чем: сын Лохова (художника, кот<орого> по имени Вы знаете),⁸ очаровательный юноша 20-ти лет, получивший образование в Италии и принявший итальянское подданство, ибо он страстный итальянский патриот, возлюбил море и захотел ему посвятить свою жизнь. Он имеет диплом капитана дальнего плавания, но оказывается, что и с хорошим дипломом и с хорошим пробным стажем до корабля дорваться довольно трудно. Да сам-то юноша производит такое впечатление, что он будет хорошо служить, но совершенно не умеет хорошо устраиваться. Теперь он мечтает о каком-нибудь месте в торговом флоте. Если б у Вас или у Вашего мужа нашлись бы какие-нибудь знакомые в торговом флоте (у Вас ведь столько разнообразных знакомых), то Вы, вероятно, смогли бы ему помочь. Вы сделали бы этим очень, очень доброе дело, быть может, устроили бы и определили жизнь несомненно достойного и хорошего человека. Я не буду говорить о том, какую бы Вы мне оказали этим радость; я совершенно уверена, что Вы поможете, если оно в Ваших силах, потому что делать добро Вам естественно, как дышать. Если Вы кого-нибудь знаете в торговом флоте, к кому могли бы обратиться, то напишите мне об этом. Тогда я Вам дам исчерпывающие справки о молодом человеке. До субботы (не позднее!) мне можно еще писать сюда; а затем в Павию: прежний адрес Albergo Gambarana. В Павию приезжает Лидия, и мы там вместе с В. И. проведем праздники. Лидия дней через 10 уедет в Рим; возможно, что и я с ней, но только возможно.

Сердечный привет всем Вашим.

Обнимаю Вас крепко как люблю. Ваша О.

¹ Речь идет о спектакле, где Марии Синьорелли была художником: “L'albero che si spoglia” (“Обнажающееся дерево”), который шел в декабре 1930 г. в Teatro Valle (автор текста Giulio Cesare Viola, режиссер Татьяна Павлова); рец. на спектакль см.: *Corsi M. Cosa faranno gli autori nel 1931 // Gazzetta del Popolo*. 30 dicembre 1930.

² Первый роман К. А. Федина, написанный в 1922-1924 гг.

³ Мария Борисовна Гершензон (урожд. Гольденвейзер, 1873-1940), вдова М. О. Гершензова и дочь известного пианиста А. Б. Гольденвейзера.

⁴ Речь идет о книге “Архив Н. А. и Н. П. Огаревых” (М. 1930), подготовленной Гершензоном, которому вдова писателя Н. А. Огарева-Гучкова в 1900 г. подарила архив

писателя. Книгу, судя по письму Иванову, Шор получила от М. Б. Гершензон 1 декабря 1930 г. (РАИ, оп. 5, карт. 13, папка 9, л. 32об.).

⁵ Старое Акшено – родовое имение Огаревых в Пензенской губернии.

⁶ Шор имеет в виду письмо М. О. Гершензона к брату от 25 февраля 1900 г., где он подробно описывает поездку в Саранск и в Пензенскую губернию и встречу с Н. А. Огаревой-Тучковой и с Н. Н. Сатиной (*Гершензон М. О. Письма к брату. Избранные места / Вступ. статья и примеч. М. Цявловского. М. 1927. С. 126-135*).

⁷ О намерении обратиться за советом к “видному берлинскому архитектору, специалисту по театрально-декорационному искусству” Е. Д. Шор писал Синьорелли в открытке от 5 ноября 1930 г. 15 октября 1931 г. Синьорелли напомнила ему об этом предложении и 19 октября Шор ответил, что “написал своему другу, архитектору и историку искусства, Dr. Paul Zucker”. Это дает основание предположить, что здесь речь идет о берлинском архитекторе Пауле Цукере (1888-1971), с которым Е. Д. Шор лично познакомил Марию, о чем сообщил Синьорелли в письме от 10 ноября 1931 г. (см. переписку с Е. Д. Шором во втором томе наст. издания).

⁸ Борис Николаевич Лохов (1905-?), сын Николая Николаевича Лохова (1872-1948), художника, реставратора, специалиста по технике старой итальянской живописи, который с 1914 г. жил во Флоренции. Судя по следующим письмам, Синьорелли удалось оказать Лоховым эту услугу. 16 июня 1931 г. О. Шор писала Синьорелли: “Спасибо безмерное за Лоховых; их адрес: Via Della Robbia, 78. Ее зовут Мария Митрофановна; его – Николай Николаевич; сына – Борис Ник.” (FSFC).

50

О. Синьорелли – О. Шор

2 февраля <1931>¹

Рим, Via XX Settembre 68

Дорогая Ольга Александровна, простите меня, дорогая, что целый век Вам не писала, но так по Вам тосковала, что писать кажется сплошной иронией. С людьми, которых я очень люблю, я умею общаться только близостью и словами.

Одно время я немножко болела, потом выздоровела и взялась за работу: читаю, перевожу... Хочу кончить некоторые начатые переводы и к весне куда-нибудь уехать, и поработать для себя и побыть с собою.

Вы ведь знаете, как Рим съедает меня! Несмотря на мое упорное молчание, Вы глубоко, как никто, знаете меня: доказывает мне это Ваше последнее, трогательное письмо...²

Благодарю Вас очень за “Города и годы” и буду очень благодарна, если пришлете Гершенсона.

Я надеюсь, что удастся устроить дела Лохова: вскоре должен приехать один из моих друзей, у которого много звязей <так!> в кругах “мореплавания”.

Пишите мне, но главное, приезжайте.³ Кланяйтесь Вячеславу Ивановичу, и целую Вас нежно, нежно.

Ваша Ольга

Как Ваше впечатление о “Gog’е”?⁴

Мне говорили много хорошего про последний роман Фадеева, но не знаю, стоит ли его выписать...⁵

¹ Год установлен по содержанию.

² В фонде Синьорелли сохранилась недатированная открытка О. Шор, ответом на которую, вероятно, явилось настоящее письмо, в котором выражено серьезное беспокойство молчанием корреспондентки и вкратце повторены вопросы предыдущего письма. Она содержит также сообщение о появившейся “абсолютно верной возможности организовать регулярную доставку книг из России”, которые были нужны Синьорелли для переводов (FSFC).

³ Слово подчеркнуто дважды.

⁴ Речь идет о сатирическом романе Джованни Папини “Gog” (*Papini G. Gog. Firenze: Vallecchi, 1931*).

⁵ Речь, вероятно, идет о романе А. А. Фадеева “Разгром” (1927).

51

О. Шор – О. Синьорелли

5. II.<19>31

Pavia

Albergo Gambarana

Дорогая Ольга Ивановна,

Ваше письмо обрадовало меня фактом своего появления и дружеской ласковостью тона, но и огорчило своим полным умолчанием о каких бы то ни было миланских планах. Есть ли надежда Вас здесь увидеть? Или я напрасно радовалась?¹ Мне ужасно хочется с Вами, наконец, встретиться. Конечно, свидание в Риме совсем не то, что свидание здесь, но все же я сделаю все возможное, чтобы приехать к Вам, раз Вы не можете приехать сюда.

7. II.

Меня прервали очень неприятным известием из Парижа, где от “испанки” при смерти дядя (единственный брат моей матери)² и “свалилась” Леля.³ Еще не знаю, что с нею. Я послала телеграмму, что приеду, если нужна, и все поджидала телеграфного ответа, чтобы Вам сообщить свое решение. Пока ничего нет. Но сию минуту получила от Лоховой письмо в ответ на мою ей открытку, где я ей передала Вашу добрую готовность помочь ее сыну. Пересылая ей письмо, я естественно не могу удержаться от того, чтобы написать Вам и от себя несколько

слов. За Лохова Вам благодарна бесконечно; буду страшно рада, если Вам удастся его устроить. Нежно и благодарно Вас обнимаю. А теперь вот чтò: как только получу ответ из Парижа, Вам немедленно напишу. Думается мне, что ехать не придется, но наверное не знаю ничего.⁴ Во всяком случае, родная, мне пишите сюда. Это абсолютно верный адрес. Если б я все же уехала, и Вы получили бы в мое отсутствие ответ от Вашего друга насчет Лохова, то не откажитесь черкнуть два слова прямо Лоховым. Lochoff, via Della Robbia 78. Firenze. Мать зовут Мария Митрофановна; сына – Борис Николаевич.⁵

Но я надеюсь, что ехать мне в Париж нужды не будет, и мы с Вами, Бог даст, скоро увидимся. Впрочем, если я и поеду, то на совсем короткий срок.

Теперь еще одно, дорогая. Это по поручению Вяч. Ив., кот<орый> Вас сердечно приветствует и благодарит за книжку Zanfrognini.⁶ Наступил февраль. Каковы планы Carabba? В-у И-у уже прислали корректуры “Переписки”, кот<орая> в конце этого месяца или в начале будущего должна появиться в Париже по-французски. Жаль, что это французское издание опередит итальянское; ведь первая инициатива была Ваша. А, быть может, это не важно для успеха и распространения книжки. “Cor<riere> della Sera” хочет поместить статью о “Переписке” и ждет ее опубликования.⁷

Французскому изданию предпослал В. И. большое, к Du Bos’у (издатель “Vigile”, ревностный католик) обращенное архи-католическое письмо.⁸ Письмо это очень интересно и значительно, но Carabb’e с ним делать ровно нечего, по-моему. Пусть он лучше печатает вещь в том виде, как она ему сдана. Но хочет ли он печатать?⁹ Если нет, то зачем же на этом настаивать; быть может тогда лучше обратиться в какое-нибудь другое католическое изд-во, прибавив к переписке и новое письмо В. И. 1930 г. Это я пишу Вам просто к сведенью, думая при Вас вслух. Мне бы не хотелось отдавать “Переписку” католическому издателю. Лучше, чтоб она шла в широкую публику по линии Carabba.

Что думаете Вы, родная? Вам, конечно, виднее. В. И. хотел бы прочесть корректуру.

Всем Вашим сердечный привет. Жду от вас письма. Обнимаю и целую Вас крепко как люблю. Ваша Ольга

¹ В недатированной открытке к Синьорелли от конца января-начала февраля 1931 г. О. Шор писала: “...Получила от Лидии сообщение о Вашем возможном приезде в Павию. Приезжайте, родная! Мы с Вами тут чудесно в тишине ‘по душам’ поговорим и вместе посмотрим Чертозу. Жду Вас с нетерпением. Когда Вы рассчитываете приехать?” (FSFC).

² Сведений о брате матери Розы Моисеевны Шор, которая умерла в 1930 г., разыскать не удалось.

³ Кузина О. Шор; см. о ней в письме Синьорелли к Шор № 18 от 31 августа 1929 г., примеч. 3.

⁴ Поездка в Париж не состоялась.

⁵ Письма Бориса Николаевича Лохова (3) и Марии Митрофановны (2) 1931-1932 г. хранятся в фонде Синьорелли (ARI, VI. Т. 1. Р. 48).

⁶ Пьетро Занфронини (Pietro Zanfrognini, 1885-1942) – писатель, философ, эссеист; знакомый Синьорелли, о котором она упоминала в письме к Иванову от 6 июля 1936 г., называя его “философом, который ищет Бога” (см. ниже). Можно предположить, что Синьорелли послала Иванову одну из двух книг, сохранившихся в библиотеке поэта и надписанных автором в конце 1930 г., или: *Zanfrognini P. Itinerario di uno spirito che si cerca* (1912-1919). Modena 1922 (с инскриптом: “A Venceslao Ivanov in segno di altissima ammirazione Pietro Zanfrognini Anacapri – 7 Settembre 1930”); или: *Zanfrognini P. Azione e contemplazione. Vie orientali – Vie occidentali*. Bari: Laterza, 1931 (с инскриптом: “A Venceslao Ivanov il sincero suo ammiratore Pietro Zanfrognini. 30-X-30”).

⁷ Возможно, речь идет о договоренности с Ринальдо Кюфферле, статья которого об Иванове появилась в этой газете в июле, но в ней не упоминается о готовящемся итальянском переводе “Переписки” (см.: *Küfferle R. Un poeta russo ospite dell’Italia: Visita a Venceslao Ivanov // Corriere della Sera. 15 luglio 1931. № 167. P. 3*).

⁸ Шарль Дю Бос (Charles Du Bos, 1882-1939) – религиозный мыслитель. Это письмо Вяч. Иванова под загл. “Lettre à Charles Du Bos” было опубл. как приложение и в журнальном (*Venceslav Ivanov et M. O. Gerschenson. Correspondance d’un coin à l’autre / Traduit du russe par Hélène Iswolsky et Charles du Bos // Vigile. 1930. № 4*) и в отдельном французском издании “Переписки”. Его текст по-французски с русским переводом О. Шор см.: *Иванов Вячеслав. Собр. соч. Т. III. Брюссель 1979. С. 418-432*. Новейший вариант перевода см.: Вячеслав Иванов: Архивные материалы и исследования. М. 1999. С. 83-92.

⁹ Ср. в письме Иванова дочери от 31 мая 1931 г.: “Мы с Фл<аминго> боимся, что Carabba рукопись потерял и оттого молчит” (Символ. № 53-54. С. 606).

Дорогая Ольга Александровна,

после разнообразных скитаний вот я, наконец-то, в Азоло с последнего июня. Тут очень жарко, но жара не мешает мне наслаждаться тишиной этого дивного уголка.

Была во Флоренции, гостила в чудной вилле моего давнего полузабытого друга и замечательного пьяниста <так!> Франкетти.¹ Во время пребывания в этой тихой вилле, Bellosguardo, в настоящем смысле слова,² переживала все то, что когда-то мечтала о Флоренции: тишину,

дивные ароматы из закрытого сада XIII века, под моим окном, далекие звуки рояля (Franchetti вставал рано и играл от 6-8), носящиеся изда-лека. А с другой стороны – Флоренция, сияющая на солнце своими стеклом и крышами и похожая на какой-то восточный город. Бабушка Франкетти была ученицею Шопена, и в нем живет еще сильно шопе-новский дух.

После романтики Флоренции, и к романтике принадлежит неза-бываемая встреча с Лоховым,³ была в Болонье, и, несмотря на неверо-ятную жару, немного отстыла <так!> среди моих скептических Болон-ских знакомых.⁴

Но несколько дней, проведенных в Венеции, вернули меня к преж-ним восторгам.

По дороге сюда была два дня в Тревизо, гостила у моего сотруд-ника по составлению русского номера dell'Italiano⁵ Giovanni Comisso,⁶ который познакомил меня с одним очень замечательным человеком, 96-летним священником Bailo,⁷ спасителем Тревизанского музея. И я помогла Comisso в покупке телят для его деревни, и купила двух чуд-ных телят и одну старую корову с двумя горбами.

Теперь я здесь, но до отъезда в Рим хочу с Вами повидаться.

Пишите мне, где Вы будете после 15 июля?⁸ Кланяйтесь Вячеславу Ивановичу и пишите мне сюда (Asolo (Treviso) Albergo al Sole. Olga Resnevic Signorelli).

Обнимаю Вас нежно. Ольга

¹ Альберто Франкетти (Alberto Franchetti, 1860-1942) – барон, пианист и компози-тор.

² Название виллы переводится как “красивый вид”.

³ Вероятно, речь идет не о сыне, а об отце – художнике и реставраторе Николае Ни-колаевиче Лохове.

⁴ О ком идет речь установить не удалось; в Болоньи у Синьорелли был большой круг знакомых.

⁵ См.: L'Italiano. Foglio della rivoluzione fascista: Numero dedicato alla nuova letteratura russa / Traduzioni originali dal russo di Olga Resnevic e Giovanni Comisso. 1931. № 3; в этот номер вошли рассказы советских писателей 1920-х гг.: М. Зощенко, П. Романова, В. Катаева, М. Шолохова, Вс. Иванова, Л. Леонова, И. Соколова-Микитова, А. Фадеева и Б. Пильняка (см.: Библиографию Синьорелли в наст. издании). См. также о работе над этим изданием в переписке: Comisso G. Lettere a Olga Signorelli (1926-1967). Con un ricordo di Maria Signorelli. L'Aquila: Marcello Ferri Editore, 1984. P. 18-24.

⁶ Джованни Комиссо (Giovanni Comisso, 1895-1969) – итальянский писатель и жур-налист, входивший в круг близких друзей Синьорелли. Начал заниматься русской куль-турой в годы сотрудничества с журналом “La Fiera Letteraria” в 1928 г. Как корреспон-дент газеты “Corriere della Sera” был в России в 1930 г. Начал посещать салон Синь-орелли в 1929 г. О его роли в популяризации русской культуры и сотрудничестве с Оль-

гой Синьорелли см. подробнее в статье: *Rizzi D. Olga Signorelli nella storia culturale italiana del primo Novecento* // ARI, VI. T. 2. P. 99-105.

⁷ Луиджи Байло (Luigi Bailo, 1835-1932) – аббат, основатель и хранитель городского музея в Тревизо, спас ряд фресок, в частности, древнейшие фрески в разрушенной церкви Santa Margherita degli Eremitani, перенес их в музей. Сейчас этот городской музей назван его именем.

⁸ В письме от 16 июня Шор писала: “Очень, очень хочу с Вами повидаться. Лидия писала, что Вы не можете приехать в Павию. Почему? Но если не можете, то я приеду туда, где Вы будете в Veneto” (FSFC). В следующем из сохранившихся писем Синьорелли к Шор от 24 июля изложен план встречи в Азоло: Синьорелли собиралась встретить Шор, подъехав на машине к ближайшей к Азоло железнодорожной станции Капельфранко 30 июля (РАИ). Однако встреча эта не состоялась, как явствует из письма Шор к Синьорелли от 2 августа 1931 г. отчасти из-за болезни Вяч. Иванова, отчасти из-за неисправности почты, на которой затерялись ответные открытки Шор (FSFC).

53

О. Синьорелли – Вяч. Иванову

1 сентября <1931>

Capri, Hôtel Splendide

Дорогой Вячеслав Иванович,

не зная Вашего адреса, пишу Вам в Павию и надеюсь, что мое письмо будет переслано Вам в Швейцарию.¹

По приезде на Капри, почти месяц тому назад, написала Ольге Александровне,² и все это время, изо дня в день, напрасно ожидала ответ. Молчание Ольги Александровны меня очень тревожит, потому что такие явления в моем, но не в ее духе!

Хотелось узнать и кое-что про корректуру. Послали ли Вы ее Giuseppe Sarabba? Остались ли довольны переводом? Это два вопроса, которые меня сильно тревожат.

Напишите мне и про Вас, и про Диму. Как теперь его здоровье, какие его планы, чем он занимается и чем интересуется? И напомните меня и ему и Лидии.

Я останусь на Капри до 10-го сентября, потом поеду в Рим. Мария поедет в Германию в начале октября. Осенью я должна быть в Милане и тогда непременно и Вас навещу.

Вышла книга Колоколова “Мед и Кровь” в издательстве Мондатори.³ Не послала Вам ее, так как Вам не было бы интересно читать ее по-итальянски. Публике нравится. Крепко и сердечно жму Вашу руку.

Ваша Ольга Ресневич Синьорелли

Адрес в Риме: Via XX Settembre 68⁴

¹ Иванов получил это письмо в Давосе (см. ниже его ответное письмо № 55 от 20 октября 1931 г.).

² Писем Синьорелли с Капри за август 1931 г. в фонде Шор (РАИ) обнаружить не удалось.

³ Речь идет о книге: *Kolokolov N. Miele e sangue / Traduzione di Olga Resnevic. Milano: Mondadori, 1931.* Обсуждение этого романа Колоколова см. в письме Синьорелли № 13 от 13 февраля 1929 г. и ответном письме Иванова № 14 от 17 февраля 1929 г.

⁴ Вписано на верхнем поле первой страницы.

54

О. Шор – О. Синьорелли

8 сентября 1931 г., <Павия>¹

Дорогая Ольга Ивановна, не знаю, где Вас поймает эта открытка; потому что лишь несколько слов, чтобы поблагодарить Вас за ласковую тревогу обо мне и успокоить о судьбе корректуры и о моей собственной. “Переписка”, кот<орую> согласно Вашему желанию В. И. читал с итальянцами-стилистами и в кот<орой> стихами перевел все поэтические цитаты, поехала к Карабба с начертанием точнейшего адреса Giuseppe, им самим в печатном виде к корректуре приложенного. Простите, родная, что долго не писала; у меня было много неприятностей за это время, а я не люблю писать друзьям, чувствуя себя душевно беспокойно. Когда мне удастся, наконец, вырваться из Павии – не знаю; очень мне этого хочется, но я задержана здесь от меня не зависящими обстоятельствами.² Вяч. Ив. и Лидия давно уже в Швейцарии у Димы, кот<орый> сильно похудел, но врач говорит, что ничего плохого пока нет. Дай Бог! Когда уезжает Мария?

Напишите о себе, дорогая, на мой здешний адрес. Сердечные приветы Вашим. Обнимаю Вас нежно. Ваша Ольга

¹ Открытка с видом: Pavia – Basilica di San Michele.

² Шор уехала на Ривьеру с Вяч. Ивановым только 15 октября (см. об этом ниже. в письме Иванова к Синьорелли № 55 от 20 октября 1931 г.)

55

Вяч. Иванов – О. Синьорелли

20. X. <19>31
Noli (Savona)
Albergo Europa

Дорогая Ольга Ивановна,

Простите меня, что только теперь откликаюсь на Ваше милое письмо, полученное мною в Давосе.¹ Я был там очень, очень занят: нужно

было срочно послать мое сообщение о Петrarке для Congresso Petrar-chesco in Arezzo.² С 15 окт<ября> мы с Фламинго на Ривьере. Сегодня пришло Ваше письмо к Фламинго³ вместе с письмом Carabba.⁴ Вы спрашивали меня, “остался ли я доволен переводом”. О, да! – в общем... Многое в нем очень удачно, многое неточно или стилистически небрежно. Он неровен. Но за это время вышел в свет французский перевод, блестящий⁵ (который, однако, я так же изменил во многом!). В том переводе многие места переписки, не подававшиеся точному переводу, нашли свою окончательную форму, которую нужно было воспользоваться и для итальянского издания. “Переписка” вообще стала настолько ответственной во всех своих деталях, была оценена столь высоко (см. напр. рецензию в Nouvelle Revue Française за май,⁶ также рецензию Don De Luca в Vita e Pensiero),⁷ что нужно было приложить к ней все возможное внимание, взвесить каждое слово и оборот речи, сделать более ясными и отчетливыми многие места, не достаточно точно передающие мысль авторов в оригинале, что неизбежно повлекло за собою многочисленные изменения в набранном тексте. Фламинго со своей стороны должна была исправить многое в своем предисловии. Текст целиком был выверен еще со стороны языка при помощи ученых итальянцев.⁸ Мало того: мне захотелось дать многочисленные поэтические цитаты (чаще всего из моих стихов) в стихотворной форме, что, разумеется, делает перевод более красивым. Одним словом, было в моих глазах безусловно и во что бы то ни стало необходимым придать “Переписке” в ее итальянской одежде вид достойный серьезной книги, рассчитанной не на моду дня, а на длительное существование, и перед этим внутренним долгом отошли на задний план все другие соображения. На этом я и *стою*. Carabba прав: такие изменения (раньше их по многим причинам нельзя было предпринять) при *машинном* наборе дают ему убыток. Чтобы помочь горю я со своей стороны *отказываюсь* от всякого гонорара в том случае, если он, Carabba, будет печатать книгу немедленно. Но если он отложит ее выход опять надолго, я ни от чего не отказываюсь, а он, ничего не выгадывая, будет действовать против своих же интересов, так как *теперь* “Переписка”, выходящая отдельной книгой и по-французски, будет лучше покупаться.

Вам, как переводчице, могут показаться насильственно навязанными многие выражения, которые, Вам, быть может, не по душе: поэтому Вы можете, если хотите, дать в заголовке не одно свое имя, но вместе с моим: “traduzione di Olga Signorelli e V. I.”.⁹ – Если Carabba хочет тянуть, может быть, он отдаст свои права другому издательству, которое я без труда подыщу и которое окупит его издержки на набор. Прошу Вас немедленно написать ему и выяснить дело. Договора я с ним не заключал, и не могу лично переписываться. Акции мои на лите-

ратурной бирже сильно поднялись, мое имя становится и в Италии известным, и мои авторские интересы страдают от задержки издания.

Я провел с Димой и Лидией очень счастливо 1½ месяца в Швейцарии. Состояние здоровья Димы вполне удовлетворительно. Теперь они оба в Энгельберге, где он учится, а Лидия продолжает свои сложные и большие музыкальные работы. Они оба просили нежно приветствовать Вас, когда я буду Вам отвечать.

Передайте мой сердечный привет Вашему мужу. Марии я должен письмо и буду писать в Берлин из Павии, где буду опять в первых днях ноября.¹⁰

С глубоким уважением. Сердечно Вам преданный

Вячеслав Иванов

P. S. Не забудьте обещания заехать в Павию из Милана!¹¹

¹ Ответ на письмо № 53 от 1 сентября 1931 г.

² Судя по письму Иванова к Дю Босу от 15 декабря 1931 г., конгресс состоялся 12 октября 1931 г. (*Zarankin J., Wachtel M. The correspondence of Viacheslav Ivanov and Charles Du Bos // ARI, III. P. 522*). Текст доклада под названием "Il lauro nella poesia del Petrarca" был опублик.: *Annali della Cattedra Petrarcesca. Vol. IV. Firenze 1932*.

³ В фонде Шор это октябрьское письмо Синьорелли не обнаружено.

⁴ Писем Карабба в итальянской части переписки Иванова не сохранилось, но по письму детям от 9 ноября 1931 г. можно понять его содержание: "Ольга Ив. переслала почти что ругательное письмо Караббы, который говорит, что в корректуре ему прислали новый текст и что он несет через это огромные издержки, при машинном наборе, и что этого можно было избежать, исправив текст в рукописи (в чем он конечно прав, но что было, увы, неосуществимо по тысячи причин. Из коих главная – фатальная женщина Ольга Ивановна). Я написал ей, что со своей стороны отказываюсь от гонорара. Если Карабба книгу не задержит (как он грозит и, видимо осуществит) и могу найти без труда другого издателя, кот<орый> выкупит книгу и с ним расплатится. Ответа от спиритуальной <так!> дамы – нет... б. м. она уже в Берлине у Марии" (Символ. № 53-54. С. 612).

⁵ Речь идет о первой журнальной публикации "Переписки". Судя по письму О. Шор Синьорелли № 61 от 14 декабря 1931 г., отдельное издание вышло в декабре 1931 г.

⁶ Рецензия Габриэля Марсея была опубликована в журнале "Nouvelle Revue Française" (1 Mai 1931).

⁷ Отзыв Don De Luca на журнальное издание переписки во французском переводе см. в его статье "A proposito di 'Vigile'" (Vita e Pensiero. 1931. Vol. XXII. P. 589).

⁸ Речь идет, в первую очередь, об Уго Ойетти (Ugo Ojetti, 1871-1946) – писателе и журналисте (о его помощи в правке стиля "Переписки" см. в письме Шор к Синьорелли № 71 от 12 февраля 1932 г.), а также о ректоре Колледжа Борромео Дон Нашимбене, который, судя по письмам Иванова, делал стилистическую правку итальянских текстов Иванова; см. о его редакции доклада Иванова о Петрарке в письме Иванова Шор от 9

октября 1931 г. (ARI, III. P. 431); о стилистической правке предисловия Шор Леопольдо Рибольди см. в преамбуле к наст. публикации.

⁹ Перевод Ольги Синьорелли и В. И. (ит.).

¹⁰ Судя по письму Шор к Синьорелли от 20 октября, письмо Синьорелли содержало сведения о жизни Марии в Берлине.

¹¹ В этот же конверт было вложено письмо О. Шор № 56 от 20 октября 1931 г. (см. ниже).

56

О. Шор – О. Синьорелли

20 октября 1931

Noli Ligure (Savona), Albergo Europa

Дорогая Ольга Ивановна, спешу откликнуться на письмо Ваше, пересланное мне из Павии. Насчет Carabba ответил Вяч. Ив. Марии обязательно напишу. Очень рада, что ей хорошо. Вместе с этим письмом отправляю письмо двоюродному брату во Фрейбург, где прошу его познакомить Марию с интересными для нее людьми. Сделала это на всякий случай, ибо не знаю, на какой адрес Вы послали ему письмо; ведь он давно переменил квартиру. Теперь он живет: Freiburg i/ Breisgau Schlierbergstr. 12. На днях напишу о Марии своим друзьям в Дрезден и Мюнхен.

Ваше обещание приехать к нам в Павию нас глубоко обрадовало. Даже писать не хочется ввиду близкого свидания. Теперь главное не потерять друг друга в разъездах.

Мы пробудем в Noli до 5-го, самое позднее 7-го ноября. Затем едем в Павию. Там могу ждать Вас сколько угодно, но сообщите, пожалуйста, хотя бы приблизительно время, когда рассчитываете там быть. Возможно, что в конце ноября я поеду во Флоренцию, но это еще не наверное. Очень прошу Вас сейчас же черкнуть несколько строк о своих планах. Сердечный привет всем Вашим.

Обнимаю и крепко целую Ваша Ольга

57

О. Шор – О. Синьорелли

29. XI.<19>31

Pavia, Albergo Gambarana

Дорогая Ольга Ивановна,

спешу откликнуться.¹ Надеюсь, что в ваших “скитаниях” Вы в самом деле и до нас, наконец, доберетесь, чему очень рада. Я пока в Павии; если Вы окажетесь где-нибудь поблизости, то с радостью приеду

на свидание к Вам, но была бы, конечно, счастлива иметь Вас своим гостем. В надежде на скорую, долгую беседу, перехожу к Вашим вопросам. Советую Вам прежде всего дойти до S. Michele,² там одиноко над морем висит домик, гостиница Cuba. Мы прожили в ней несколько дней зимою 28/9 года. Имеются там все удобства, но это отнюдь не роскошный Hôtel; кормят (кормили, по крайней мере) первоклассно; был повар французской школы. Мы платили тогда за пансион, отопление (и, кажется, даже servizio было включено) 27 лир. Теперь цены пали и должно быть еще дешевле. Если Вы любите уединенность и бёклиновский,³ несколько жуткий романтический пейзаж, то лучшее место для долгого пребывания найти трудно. Мне там не нравится вид; но это – моя идиосинкразия: люблю открытое море или, далеко убегающие, тающие горы как в Умбрии и порою в Тоскане; закрытые бухты и долины в скалах на меня наводят дикую, тюремную тоску. Я поэтому вообще не люблю Rivier'ы Levante. Spotorno и Noli, особенно Noli мне гораздо больше по душе. В Spotorno мы жили в Hôtel Hesperia и платили 20 лир (sic!)⁴ за полный пансион и отопление. Гостиница имеет все удобства; горячая вода проведена во все комнаты. Вышел какой-то скандал, и эта гостиница временно закрыта, кажется; но там есть другая в этом же роде. Кстати: это Вам для ориентировки в ценах. В том же Spotorno имеется роскошный, англазированный Hôtel для forestier'ов⁵ – Palace Hôtel. Там берут 30 лир за полный пансион и отопление (и это без всяких любезностей). Видите, дорогая, что Ваша “цена маленького пансиона” нам представляется бешеной. Но, конечно, Портофино – дорогой курорт, кот<орый> мне столь же мало нравится, как и Вам, хотя я, как и вы, готова объективно признать, что там очень красиво.

Наконец, Noli. Наша “Европа” – примитив. Мы там жили очаровательно, т. к. снимали вдвоем целый этаж с балконами и чувствовали себя дома. Платили мы 15 лир за помещение, утренний завтрак и обед (вечером же ужинали по-своему, пили чай с закусками, что много вкуснее). Но там уж никакого комфорта: ни проведенной воды, ни ванны – ничего. Servizio представлено толстенной, премилой девушкой, кот<орая> весело убирает комнаты и служит стол. И ей по желанию дают на чай – вот и все.

Вид открытый, слева в ясные дни открывается весь Генуэзский залив, до Специи – красиво, без всякой приторности. Поблизости, из моря вырастает островок – не островок, а пирамида; она-то, вероятно, и пленила Фламингино сердечко. Городок старый, со смешными, милыми башнями и декоративными рыбацкими сетями, кот<орые>, кажется, не моложе башен...

Если проедете до Noli, поклонитесь ему от меня и напишите мне, понравилось ли Вам там.

Спешу кончить. Вы, конечно, читали рецензию на Ваш перевод “Мед и кровь” в “Italia che scrive”,⁶ мне показал его Грициотти;⁷ я была очень рада за Вас, дорогая.

В. И. шлет Вам сердечнейший привет. Он очень просит, чтобы Carabba ему обязательно прислал вторую корректуру, в кот<орой> он обязуется ничего не менять.

Как Ваши все? Довольна ли Мария?

Обнимаю Вас нежно. Ваша Ольга

¹ Ноябрьского письма Синьорелли с вопросами о генуэзских гостиницах и достопримечательностях в фонде Шор не обнаружено.

² Местечко в окрестностях Rapallo.

³ Имеется в виду знаменитая картина швейцарского художника-символиста Арнольда Бёклина (1827-1901) – “Остров мертвых” (1880).

⁴ Помета в тексте.

⁵ Иностранцев (*ит.*).

⁶ Речь идет о рецензии за подписью “L. Kociemski” в журнале “Italia che scrive” (1931. №. 11. P. 317).

⁷ Бенвенутто Грициотти (Benvenuto Griziotti, 1884-1956) – профессор экономических наук Павийского университета, директор института финансов в Павии. О. Шор какое-то время служила ради заработка его секретаршей, занимаясь реорганизацией экономического института Павийского университета. В фонде Иванова сохранилось 8 писем Грициотти (РАИ, f. 3, № 66).

6 декабря 1931

<Павия>

Пишу наугад, дорогая Ольга Ивановна; авось открытка эта еще станет Вас на Ривьере. Надеюсь, что письмо мое до Вас дошло. Теперь же вот что спешно: Carabba прислал корректуру “Переписки”. Много опечаток и выпущенных строчек; придется просить еще одну корректуру. Получили ли Вы другой экземпляр? Если нет и хотите посмотреть текст сами, то, пожалуйста, напишите мне об этом немедленно. В. И. зачеркнул, конечно: “Rivista d<all>’autore”...¹ Во-первых, неизвестно, каким из двух авторов просмотрено; а потом – редактировать Ваш перевод и в этом расписываться на обложке – это было бы незаслуженно и неблагодарно грубо по отношению к Вам; у Вас слишком большое и хорошее имя. В. И. Вам предлагал, если Вы в корне не согласны с его

изменениями, написать, что перевод сделан Вами с ним сообща – это же совсем другое дело!* Но лучше, если Вы не возражаете, ничего об его участии не писать; сам он только в примечании написал, что переделал немного “оригинальный”, т.е. русский текст и перевел свои стихи. И еще одно: на конверте Караббовском написано: R. Carabba. Как же теперь следует адресовать ему пакеты, чтобы не вышло недоразумений?² За немедленный ответ буду Вам очень признательна. В-у И-у не хочется задерживать рукописи. Он Вас сердечно приветствует.

Обнимаю вас нежно. Ваша Ольга

* И это лишь для того, чтобы не делать *Вас* ответственной за какие-нибудь *его* вольности, которые Вам не придутся по вкусу.

¹ Просмотрено автором (*um.*).

² Шор в предыдущих письмах указывала, что адресовала вычитанную промежуточную корректуру на имя Giuseppe и боялась почтовой ошибки, так как издательство носило имя его покойного отца Rocco Carabba.

59

О. Синьорелли – О. Шор

9. XII. <19>31

S. Margherita

Дорогая Ольга Александровна,

возвращаясь из С. Ремо, получаю Ваше письмо и открытку. Спасибо за первое и за второе. Мне кажется напрасным читать корректуру, так как я совершенно подчиняюсь Вячеславу Ивановичу, но *insisto*¹ и *прошу*,² чтобы на обложке было напечатано *rivisto da Venceslao Ivanov*,³ так как это соответствует правде, и так как это на итальянском языке и есть самая простая, самая обычная форма выражения. Если Вяч. Ив. находит более удачной другую форму выражения для фактического нашего сотрудничества, я ему представляю полную свободу. Пусть не думает ни о каком моем *имени переводчицы*. У меня есть полное отсутствие такой гордости, и если можно было бы жить и действовать без проявления своего имени, я бы всегда действовала безыменно. Во всем, что я делаю, меня интересует не то, что *я делаю*, но чтобы то, что я люблю было выражено и проявлено самым подходящим способом.

Я написала “*rivisto dall'autore*”, так как Гершенсона нет в живых, и жив только автор Вяч. Иванович.

Во всяком случае пусть Вяч. Ив. делает как он находит нужным, но только чтобы и его имя было на обложке, и это для Carabba, которому я писала, чтобы это было так сделано.

Мне говорили все, что *Carabba прав*, и что *ни один итальянский издатель* не позволяет *изменений* на *bozze di stampa*,⁴ так как это им стоит несколько сотен лир.

Кланяюсь сердечно Вяч. Ив. и обнимаю Вас нежно. Ваша Ольга

¹ Настаиваю (*ит.*).

² Подчеркнуто дважды.

³ На титуле книги указано: “Traduzione dal russo di Olga Resnevic, riveduta da Venceslao Ivanov” (Перевод с русского Ольги Синьорелли, просмотрено Вячеславом Ивановым).

⁴ Корректурa (*ит.*).

60

О. Синьорелли – О. Шор

14 дек<абр>я 19>31

S. Margherita

Дорогая Ольга Александровна,

и я получила корректуру “Переписки”, но мне кажется напрасным послать ее Карабба, так как Вячеслав Иванович пошлет свою. Если там есть пропущенные строки, то конечно, виноват Карабба, и также за отпечатки, но если Вячеслав Иванович опять кое-что изменяет, тогда прав Карабба.

Мне говорили итальянские писатели, что все издатели требуют, чтобы рукопись была законченная, и на корректурах можно исправлять только такие ошибки, которые не требуют прибавления новых строк, или отпечатки. И это и понятно, так как теперь почти все набирают машинами, и за одну букву приходится набирать изнова <так!> целую строчку, и в нашем случае Карабба должен был набрать вторично всю книгу. И Вы поймете, что за книгу, которая стоит 5 лир, и издается в 1000-2000 экземплярах, это ему не совсем-то приятно.

Мне говорил один американский писатель, что Gordon Craig¹ напечатал на свой счет свою книгу, чтобы поправлять сколько ему угодно, и потом дал ее издателю.

Но что же делать? Главная вина-то моя, что я взялась за перевод, который мне не по силам, и некоторые поправки Вячеслава Ивановича в самом деле необходимы. Вижу, что Вячеслав Иванович поправил “*se il seme non muore*” в “*se il grano non muore*”,² и он прав, *но до известной степени*. Если б я читала корректуру после него, я бы настояла на *granello di frumento*,³ так как *grano* по-итальянски говорится как *getreide*⁴ и не как *зерно*. К *смыслу* *зерно* *ближе* *seme*, чем *grano*. Но это, конечно, мелочи, и об этом и говорить не стоит. Но я очень прошу,

чтобы на обложке было напечатано *rivisto da Venceslao Ivanov*, и прошу Вас сообщите мне, что оно так и есть.

К сожалению, мне не удалось к Вам собраться, так как погода была скверная, и я захватила простуду, а теперь, дня через три, поеду в Рим.

Сердечный привет Вячеславу Ивановичу и сердечно обнимаю и целую Вас. Ваша Ольга

Я нашла себе чудное место для весны.⁵

¹ Гордон Крейг (Gordon Craig, 1872-1966) – английский театральный деятель, режиссер и художник; корреспондент Синьорелли. Их опубликованная переписка содержит 39 писем Синьорелли к Крейгу, 52 письма Крейга к Ольге Синьорелли, 20 писем к Марии Синьорелли, 2 письма Ольге и Анджело и 3 письма Вере Синьорелли (см.: Carteggio Craig-Signorelli / A cura di M. Signorelli // Teatro Archivio. 1989. № 12).

² “Если семя не умрет” и “если зерно не умрет” (*ит.*). Оба выражения являются переводом библейской цитаты “Если пшеничное зерно не умрет...” (Ин. 12: 24). По-итальянски слово *seme* обозначает более абстрактное понятие (злак), тогда как “grano” обозначает именно зерно.

³ Пшеничное зернышко (*ит.*).

⁴ Злак (*нем.*).

⁵ Приписка на верхнем поле первой страницы письма.

61

О. Шор – О. Синьорелли

14-ое декабря 1931

Pavia

Albergo Gambarana

Дорогая моя Ольга Ивановна,

спасибо Вам за хорошее письмо Ваше. Хотелось бы писать о многом, но, не теряя надежды Вас скоро увидеть и обо всем переговорить, ограничиваюсь опять необходимым и деловым. Итак:

Вчера из Парижа прибыло новое издание “Переписки” отдельной книжечкой.¹ Вяч. Ив. спрашивает, куда Вам его можно выслать; или Вы, быть может, приедете сюда и возьмете его сами?

Книжечка получилась очень изящной. К старому тексту “Переписки” прибавлено письмо В-а И-а к Du Bos’у (Вы его знаете по “Vigile”).² Оно так *необходимо* заканчивает основной текст, так богато существенно новыми мыслями, затрагивает такие злободневные темы, что В.-у И.-у показалось нелепым его отсутствие в итальянском издании. Думается, что Carabb’е лишь выгодно его поместить.

Ведь в письме том говорится об отношении православной церкви к католической в настоящий момент и о смысле русской революции. Письмо это очень ответственное; В. И. для скорости и точности готов сам его перевести. (Оригинал имеется только по-французски).

Вот какая к вам просьба, дорогая: запросите, пожалуйста, Carabb'у, согласен ли он прибавить к "Переписке" еще это новое письмо, кот<о-рое> уже отмечено было французской критикой и наверное обратит на себя внимание и здесь; оно увеличит размер книжки страниц на 10-15 всего.

Сделать это, конечно, нужно незамедлительно, родная; иначе будет поздно.

Напишите мне, пожалуйста, скорее, что Вы сами об этом думаете. И еще одно: это уже касается лично меня:

Я подписала свое предисловие нейтральным псевдонимом: О. Deschartes. Ради Бога не говорите *никому*,³ кто его автор. Это должно остаться абсолютным секретом, особенно, если появится письмо В. И. к Du Bos'у. Прошу Вас об этом как о дружеской услуге.

Что касается имени В. И. на обложке, то, раз Вы настаиваете, чтобы оно было выставлено, В. И. исполняет Ваше желание и напишет, что перевод сделан Вами и им.

Корректурa уехала к Караббе до Вашего письма, т. к. это последнее сильно запоздало, и В. И. решил, что Вы уехали неведомо куда. Свое имя он там вычеркнул без всякой мотивации. Но В. И. просил Carabba еще об одной корректуре, которую, как и эту, вернет немедленно; в этой третьей корректуре он изменит обложку в желательном для Вас смысле.

В. И. не сомневается, что Carabba прав. Но уж таково свойство этого писателя, что он только в корректуре впервые обретает объективное отношение к своей вещи и придает ей окончательную форму. Этой манерой работать он себе много в жизни вредил, но ее, конечно, никогда не изменит. Между прочим: здесь он не один; так работал, кажется, Толстой и многие другие.

Спешу кончить. Обнимаю Вас нежно. Ваша Ольга.

В. И. Вас сердечно приветствует.

¹ V. Ivanov et M. O. Gerschenson. Correspondance d'un coin à l'autre / Précédée d'une introduction de G. Marcel et suivie d'une lettre de V. Ivanov à Ch. Du Bos. Traduction du russe par Hélène Isvolski et Ch. Du Bos. Paris: Editions Roberto A. Corrêa, 1931.

² Шарль Дю Бос был издателем этого журнала. Здесь, вероятно, речь идет о публикации письма Вяч. Иванова Дю Босу в качестве приложения к французскому переводу "Переписки" в журнале "Vigile".

³ Подчеркнуто тремя чертами.

62

О. Синьорелли – О. Шор

<15 декабря 1931>

<S. Margherita>¹

Дорогая, получила Ваше милое письмо.² Вчера писала Вам в очень грустном настроении.³ Прочла несколько страниц корректуры, и мой перевод меня не удовлетворяет. Слишком красив и звучен оригинал. Ни один перевод не стоил мне столько труда и ни один так мало не удовлетворял. Я в Margherita еще дня два, пошлите книжку до вторника. Обнимаю Ольга

¹ Датируется по почтовому штемпелю. Место (Лигурия) установлено по содержанию письма. Открытка с видом маяка в порту Генуи.

² Вероятно, письмо Шор от 14 декабря (№ 61), так как Синьорелли откликается здесь на вопрос корреспондентки, куда послать отдельное издание “Переписки” на французском языке.

³ См. выше письмо Синьорелли от 14 декабря (№ 60).

63

Вяч. Иванов – О. Синьорелли

16 декабря <19>31

<Павия>

Дорогая Ольга Ивановна,

Посылаю Вам “Correspondance” и пишу спешно только два деловых слова.

Во второй корректуре, отосланной мною в Lanciano (Casa Editrice R. Carabba Collana “Cultura dell’Anima”, al Sig. Giuseppe Carabba) уже 7 декабря, я внес исключительно типографские поправки (некоторые строки выпали из набора) и прибавил одно примечание, которого не было раньше, а именно важную цитату из рецензии на “Переписку” Gabriel Marcel’я (Nouvelle Revue Française за май).¹ Если бы он действительно спешил выпустить книгу к Рождеству, он давно бы мог это сделать.

Разумеется, мне было бы приятно и было бы полезно проверить, как внесенные мною поправки выполнены.

Если Карабба безусловно спешить выпустить книжку сейчас, я его одобряю вполне. Если же он вовсе не торопится выпуском книги в Рождественские дни, то можно думать о том, не выиграет ли итальянское издание в полноте, если в конце будет прибавлен перевод моего

письма к Charles Du Bos, как это сделано во французском издании. Я со своей стороны отнюдь на этом не настаиваю, тем более что во вступлении есть цитаты из этого письма.² Как Вы думаете? Важнее всего не задерживать выпуска книги. Уведомьте меня, стоит ли переводить письмо; тогда я сам могу здесь с помощью друзей это скоро выполнить.

Карабба напечатал на заглавном листке бессмысленно: *Corrispondenza etc. rivista dall'autore*, traduzione di Olga R.,³ – т. е. *Corrispondenza rivista*, а не *traduzione rivista*.⁴ И притом авторов два, так что *dall'autore*⁵ возбуждает у всех смех. Я вычеркнул *rivista dall'autore*⁶ и объяснил на полях: “Ce ne sono due, da quale dunque? Bisognerebbe dire ‘da V. Ivanov’, e questo mi pare brutto. Cancelliamo dunque queste parole e aggiungiamo all’annotazione a p.1: “Il testo delle lettere di V. I. è stato riveduto per la presente edizione dall’autore”.”⁷

Но если Вы хотите непременно (зачем однако?) оговорить, что *traduzione* была просмотрена мною, нужно было бы сказать “*traduzione rivista da V. Ivanov di Olga R., ciò che è bruttissimo*”,⁸ или лучше просто: “*traduzione autorizzata di O.R.*,”⁹ или наконец: “*traduzione di Olga R. e V. Ivanov*”.

Крепко жму Вашу руку.

Душевно Ваш и благодарный

В. И.

¹ Это примечание с большой цитатой из рецензии Габриэля Марсея сделано к тексту предисловия О. Дешарт (9-10).

² На всякий случай Иванов запросил разрешение у корреспондента ввести в предисловие текст письма Дю Боссу (см. письмо от 15 декабря 1931 г. – ARI, III. P. 521). Письмо Дю Босу упоминается в окончательном варианте предисловия Шор (9); цитата из него дана в примеч. (см.: 29-30).

³ Переписка просмотрена автором, перевод Ольги Р. (*ит.*).

⁴ Переписка просмотрена, а не перевод просмотрен (*ит.*).

⁵ Автором (*ит.*).

⁶ Просмотрено автором (*ит.*).

⁷ У книги два автора, поэтому которого из двух? Надо бы сказать *Иванова*, что не кажется мне вполне корректным. Лучше зачеркнуть все это и добавить к сноске на 1-й стр.: “Перевод писем В. И. был проверен для настоящего издания автором” (*ит.*).

⁸ “Перевод просмотрен В. Ивановым Ольги Р., но это звучит ужасно” (*ит.*).

⁹ Авторизованный перевод О. Р. (*ит.*).

Вяч. Иванов – О. Синьорелли

16 декабря <19>31

<Павия>

Дорогая Ольга Ивановна,

Еще два слова в дополнение к сегодняшнему письму. Из Вашего письма к О. А. нельзя догадаться, которая корректура у Вас в руках – 2-ая или 3-ья? Возможно, что Carabba успел исправить все, мной отмеченное во 2-ой корректуре и прислал Вам окончательно исправленный текст, вместо того, чтобы направить его мне, потому что меня он знать не хочет, и ждет от Вас на корректуре помету “печатать!” Если это 2-ая корректура, отошлите ее Караббе немедленно, без всяких поправок (ибо таковые уже сделаны), но отошлите, п. ч. он может ждать ее и без Вашего утверждения не печатать книги. Но сделайте помету: исправить по указаниям В. Иванова.*

Если же это 3-ья корректура, то – также немедленно – перешлите ее мне для проверки, все ли поправки хорошо выполнены, и я через несколько часов отошлю ее Караббе с надписью “si può stampare”.¹ Как видите, я сам очень заинтересован выходом книги теперь же на Рождестве, и думаю даже, что о Письме уже поздно и не стоит больше думать – это неважно.²

Но Вы спросите: как же отличить 2-ую корректуру от 3-ей. Вот Вам признаки:

Если на заглавном листке есть слова “rivista dall'autore”, значит это 2-ая корректура; если же их нет, то это 3-ья корректура.

Другой признак: в 3-ей корректуре должно быть, в начале введения, стр., должно быть, 3 после слов текста “la hantise de la tabula rasa”³ – новое примечание под текстом с длинной французской цитатой из статьи Gabriel Marcel'я, напечатанной в Nouvelle Revue Française. Если этого длинного примечания о Gabriel Marcel нет, то у Вас 2-ая, а не 3-ья корректура.

Итак, 3-ью корректуру посылайте немедленно мне, а 2-ую немедленно же Караббе (без всяких поправок, как ту, так и другую), а вместо возврата 2-ой написать espresso Караббе, чтобы он исправил по моему и прислал 3-ью коррект<уру> мне.

По-моему, оставьте на обложке просто “traduzione di O.R.-Signorelli”. Если же Вы упрямитесь, то или “traduzione autorizzata di O.R.-S.” или “traduzione di Olga Resnevic e V. Ivanov” (как и на обложке французской книжки: “traduction de Hélène Izwolski et Charles du Bos” – последний немного редактировал перевод Елены Извольской).

Вот такая суматоха и спешка! Простите.

Ваш сердечно

Вяч. Иванов

Карабба так невежествен, что не присоединяет к корректуре текста предыдущей корректуры, на основании которого сделаны поправки: так что ничего нельзя понять!

*Нет, если это 2-ая корректура, просто напишите Караббе (как советует Фламинго), чтобы исправил по моей 2-ой корректуре.

¹ Можно печатать (*ит.*).

² Речь идет о письме Дю Босу.

³ Навязчивая идея о *tabula rasa* (*ит.*). В книге сноски к указанному месту проставлена (9).

65

О. Синьорелли – Вяч. Иванову

20 декабря <19>31

S. Remo

Дорогой Вячеслав Иванович,

получила Ваше письмо и французское издание “Переписки”, за которое Вас очень благодарю, тронутая до глубины души и смущенная посвящением.¹ Написала Карабба еще из С. Маргериты и предложила Ваш перевод письма к Де Босу, которое, по-моему, очень значительно и дополнило бы книжку. Писала ему, чтобы он ответил Вам немедленно.

Та корректура, которая у меня – это та же, которую он послал и Вам, и третья будет набрана по той, которую Вы ему послали обратно.

Французское издание вышло очень хорошо, а с нашим я как-то еще не могу смириться.

Была бы Вам очень благодарна, если бы Вы послали экземпляр французского издания Марии. Могла бы послать ее и сама, но Мария будет счастлива получить ее от Вас. Ее адрес: Ludvigkirchstr. 10, bei Fr. Dr. Gutman, Berlin W. 15.

Очень хотелось повидаться с Вами и с Ольгой Александровной, но выйдет это только весной, когда опять буду в этих краях.

Завтра еду в Рим и после Рождества поеду, может быть, в Германию.

С лучшими поздравлениями к праздникам жму сердечно Вашу руку.

Ольга Ресневич

Что касается l'intestazione² “Переписки”, составьте ее в таком порядке, чтобы видно было, что Вы просмотрели перевод. Обыкновенно говорится rivisto³ или riveduto⁴ (autorizzato не подходит). Если хотите, поставьте: переведена Вами и мною.⁵

¹ Этого экземпляра французского перевода “Переписки из двух углов” с инскриптом Иванова Синьорелли обнаружить не удалось.

² Заголовок, запись (*ит.*)

³ Просмотрено (*ит.*)

⁴ Просмотрено (*ит., архаическая форма*).

⁵ Последний абзац вписан на верхнем поле первого листа.

66

О. Синьорелли – О. Шор

21. XII <19>31

S. Remo

Дорогая Ольга Александровна,

перед отъездом в Рим пишу вам две строчки, чтобы поздравить Вас с Рождеством. Писала Вяч. Ивановичу по поводу “Переписки”, и мне кажется, что было бы очень хорошо поместить письмо и Де Босу, о чем и писала Караббе.

Мне очень нравится французское издание, и, по правде сказать, я предпочитаю перевод стихотворений в такой форме, каковы они во франц<узском> издании и какими они были в первоначальном переводе Вяч. Ивановича.¹

Жалко, что и мы не поместили целиком стихотворение Goethe.²

Обнимаю Вас и целую нежно.

Ваша Ольга

¹ Речь идет о следующих произведениях Иванова: стихотворениях “Пращур”, “Кочевники красоты”, “Земля”, “Taedium Phaenomenae”, поэме “Сон Меланпа” и трагедии “Прометей”, цитаты из которых были включены в “Переписку”: см. письма IX, XI и XII (Вячеслав Иванов и М. О. Гершензон. Переписка из двух углов. Пб. 1921. С. 43-44, 55, 56, 57, 60). Во французском переводе и в первоначальном итальянском варианте стихи были переведены прозой, затем Иванов сделал стихотворный перевод (80, 93-94, 99).

² Речь идет о стихотворении Гете “Selige Sehnsucht” (Святая тоска). См. соображения об этом замечании в ответном письме Иванова № 67 от 31 декабря 1931 г. и в примеч. 12 к нему.

67

Вяч. Иванов – О. Синьорелли

31 декабря 1931

<Павия>¹

Дорогая Ольга Ивановна,

Желаю Вам счастливого нового года – плодотворного, радостного и гармоничного. Прошу Вас передать мои сердечные новогодние пожелания всего светлого и радостного Вашему мужу и дочерям.

Перевод “Письма” отправлен Giuseppe Carabba. Распорядитесь, пожалуйста, чтобы он послал мне с корректурой “Письма” и окончательную корректуру (3-ью) всей “Переписки” (вместе со 2-ой корректурой для облегчения правки – это очень важно). Прочтя 3-ью корректуру я поставлю на ней *imprimatur*.² Относительно титульного листа я бы желал Вашего согласия на следующее:

1) Так как Вы настаиваете, чтобы мое участие в окончательной редакции перевода было отмечено в самой заглавии книги (хотя я лично считаю это совершенно излишним и напрасным, и во всех отношениях нежелательным), то я не вижу другого решения этой трудной (по форме) задачи, как выставить:

traduzione di

Olga Resnevic e V. Ivanov.³

2) Заглавие, длинное, тягучее, неудачное для легкого и скорого усвоения читателями, и притом не достаточно острое и возбуждательное и оригинальное (“*fra due angoli della stessa camera*”⁴) я бы хотел заменить коротким, острым, неожиданным:

Corrispondenza

da un angolo all’altro.⁵

Как по-французски: “*d’un coin à l’autre*”. По-французски это звучит превосходно. Но все итальянцы, литературные знатоки, с которыми я здесь советовался, утверждают, что и по-итальянски это вполне хорошо и выразительней, и советуют сказать так, а не как прежде, с ненужным пояснением: “*della stessa camera*”. Чем своеобразнее заглавие, тем лучше: пусть будет оно удивлять, только бы было коротко и *frappant*.⁶ Поэтому я настаиваю на этой перемене и беру всю ответственность за него <так!> на себя. Мы согласились на прежнее заглавие под впечатлением немецкого перевода: *zwischen zwei Zimmerwinkeln*.⁷ Но по-немецки *Zimmerwinkel* одно слово.

Не понимаю почему Carabba не хотел выпустить книгу к Рождеству, имея к тому все возможности. Крепко жму руку и остаюсь дружески преданный.

Вяч. Иванов

Была лекция по радио о моей поэзии (*L'amor divino e l'amor umano nella poesia di V.I.*⁸) в вечер Рождества – очень удачная: в ней цитировалось “Письмо”⁹ – в самом деле оно будет поднимать интерес книги. Но оно уже обошлось мне в 25 лир *come anticipo*,¹⁰ поэтому Карабба должен был бы за него прибавить *una mancia*.¹¹

“*Selige Sehnsucht*”¹² приводить целиком не нужно, у меня выписаны в примечании две нужные строфы. Конечно, было бы не беда выписать и все стихотворение, но ведь теперь Карабба уже конечно пагинировал (т. е. распределил по страницам) весь текст, такое приложение можно было сделать только в гранках, а теперь невозможно! Да и не нужно вовсе, п. ч. итальянцы боятся немецких текстов столь же, сколь цитаты французские <так!>.¹³

¹ Конверт с типографским колонтитулом *Collegio Borromeo*.

² В печать (*лат.*)

³ Перевод Ольги Синьорелли и В. Иванова (*ит.*).

⁴ Из двух углов той же комнаты (*ит.*).

⁵ Переписка из одного угла в другой (*ит.*).

⁶ Поражающе (*фр.*).

⁷ Переписка между двумя углами комнаты (*нем.*). Речь идет о заглавии немецкого перевода: “*Briefwechsel zwischen zwei Zimmerwinkeln*” / M. Gerschenson und W. Iwanow. [Übersetzung von Nicolai von Bubnoff] // *Die Kreatur*. Jahrgang I, heft 2. Sommer 1926. S. 159-99.

⁸ Любовь божественная и любовь земная в поэзии В. И. (*ит.*).

⁹ “Письмо Дю Босу”.

¹⁰ Как аванс (*ит.*).

¹¹ На чай (*ит.*).

¹² “Святая тоска” (*нем.*) – название стихотворения Гете (1819). Две строки первого четверостишья и целиком последний катрен из него приведены в сноске к третьему письму Иванова Гершензону (76). Одно из любимых стихотворений Иванова, ставших для него программным. Парафраз этого последнего стиха приводится в шестой главке статьи Иванова “О русской идее” (1909); целиком в прозаическом переводе Иванова стихотворение включено в статью “Гете на рубеже веков” (1912).

¹³ Весь абзац вписан на верхнем поле.

Дорогая, пишу Вам лишь открытку, т. к. не знаю, застанет ли она Вас – странницу – дома. Откликнитесь, родная! Каковы Ваши планы?

Куда, когда едете? Надеюсь, с Вами, наконец, увидаться и обо всем лирическом поговорить. А сейчас очень прошу Вас хоть односложно ответить на следующие вопросы:

(1) Что Вы делаете с “Письмами Огарева”.¹ Если они Вам не нужны для работы, то очень прошу Вас прислать их мне. То же относится и к книге Эрна.² Если будете посылать, то ради Бога, заказным паке- том, т. к. книги эти, особенно Эрна, невозможно будет получить вновь.

(2) Где же “Мед и Кровь”? Я жду Вашу работу с большим нетерпением!

(3) Что слышно о Carabbe? В. И. просит вас спросить как Вы отно- ситесь к тому, что он Вам в последний раз написал?

(4) Если вы еще с месяц пробудете в Риме, разрешите ли Вы мне направить к Вам одну немецкую даму, делающую *Italianische Reise*. Она принадлежит к лучшему немецкому обществу, и – кто знает? – быть может Марии окажется почему-нибудь интересным знакомство с нею. Она никого в Риме не знает и, направляя ее к Вам, я не имею ни- какой иной цели, кроме желания согреть ее той светлой и умной лас- кой, которую Вы щедро дарите людям. Но, ради Бога, если Вам по- чему-нибудь сейчас не хочется новых знакомств, то не насилуйте себя, родная. Жертвы приносить в данном случае совсем не стоит. Я лично эту Frau Josephine von Trotta знаю только по письмам.³ Она знакома с одной моей тетей, сделала мне маленькую любезность, на которую я ей ответила указанием адресов гостиниц – вот и все. По письмам она очень мила и обожает искусство. Если Вам не скучно с ней встретиться, черкните мне словечко, а я ей дам Ваш адрес. Она сейчас во Фло- ренции, где пробудет недели 2, потом едет в Рим.

(5) Мне писала Лохова и спрашивала про Вас. Я не знаю, что ей отвечать.

Надеюсь, что у Вас все хорошо, чего от души желаю. В. И. сердеч- но Вас и Ваших приветствует.

Всем поклоны. Вас нежно целую. Ваша Ольга.

¹ Имеется в виду издание “Архив Н. А. и Н. П. Огаревых” (см. о нем в письме О. Шор к Синьорелли № 49 от 18 декабря 1930 г.).

² О какой книге Эрна идет речь неясно. Возможно, о книге “Философия Джоберти” (М. 1916), полученной Синьорелли (см. ее письмо № 18 от 31 августа 1929 г., примеч. 5), возможно от О. Шор или для пересылки ей; кроме того, в библиотеке Вяч. Иванова сохранились еще две книги Эрна: “Розмини и теория знания: Исследование по истории итальянской философии XIX столетия” (М. 1914) и “Борьба за Логос” (М. 1911).

³ Личность не установлена.

О. Синьорелли – Вяч. Иванову

30 января <19>32

Рим-Флоренция

Дорогой Вячеслав Иванович,

пишу Вам по дороге в Берлин, куда еду навестить Марию. Простите, что так поздно отвечаю на Ваше письмо, но Вы знаете, как куда-то, и сама не знаю куда, утекает в Риме мое время. От души Вам благодарна за поздравления и желаю и Вам от всего сердца всего наилучшего.

Что касается заглавия “Переписки”, то поставьте как Вы это желаете. Мне важно то, чтобы было напечатано, что перевод сделан или мною вместе с Вами, или, что я нахожу лучшей формой, *riveduto*¹ Вами. Но поставьте, как хотите.

По правде сказать, я была несколько огорчена некоторыми Вашими поправками, и² если бы мы работали вместе, я бы ни за что не могла бы позволить *il Goethe, il Nietzsche*.³ L'articolo⁴ в таких случаях это не позволительная ошибка⁵ в современном языке. Можно сказать, *semmai*,⁶ l'Ivanov, говоря о Всеволоде Иванове, но не о Вячеславе Иванове и тем менее <так!> о Гете. Если можно вычеркните это на корректуре, мне кажется, что можно делать на 3-ей кор<ректуре> такие маленькие поправки. На 3-ей странице очень некрасиво *mercè*⁷ вместо *grazie* (благодаря) и некрасиво тоже *lotte intestine*.⁸ Это такие ошибки, которые мне попадались случайно, но всей корректуры я не читала.

Французский перевод превосходен. Все кто читали книгу в восторге от нее. Один мой знакомый, восторженный антропософ,⁹ советовал эту книгу в Дорнахе и просил меня послать Вам приложенный каталог, и если Вас интересует какая-либо из этих книг, пишите, и она Вам будет выслана бесплатно.

Ольге Ал. я напишу из Берлина и пошлю ей Эрна и Гершенсона, когда вернусь, недели через три. Привет Ол. Ал.

Жму крепко Вашу руку. Ольга Ресневич

Адр<ес> в Берлине:

bei Fr. Gerda Lenel, Kurfürstendamm 93 – Berlin – Halensee.¹⁰

¹ Просмотрено (*ut.*). Именно таким образом Иванов упоминался на титуле книги.

² Ошибочно союз написан по-итальянски: *e*.

³ Использование артикля при фамилиях было распространено на севере Италии. Это написание встречается и в “Предисловии” Шор: напр., “il Du Bos” (9), “il Goethe” (13), “del Nietzsche” (31) и т. д.

⁴ Артикль (*ut.*)

⁵ Подчеркнуто дважды.

⁶ На худой конец (*ит.*).

⁷ Милосердие, милость (*ит.*).

⁸ Внутренние распри (*ит.*). Выражение, не понравившееся Синьорелли, вполне литературно. Те же возражения см. в письме Синьорелли к Шор № 70 от 31 января 1932 г.

⁹ Здесь впервые упоминается большой друг Синьорелли, антропософ и мистик Марко Спаини (см. о нем в письме Синьорелли к О. Шор № 73 от 20 мая 1932 г., примеч. 5). О его близких отношениях с семьей Ивановых дает представление дальнейшие письма в наст. переписке. См. также примеч. 1 к письму № 76 от 16 июля 1932 г.

¹⁰ Адрес приписан на вернем поле первой страницы письма.

70

О. Синьорелли – О. Шор

Воскресенье

31-го января <19>32

Дорогая Ольга Александровна, пишу Вам в поезде между Halle и Берлином. Скорый бежит, как “*più folle*”,¹ и простите меня за дрожащий почерк. Как видите, и в поезде я скорее в состоянии написать, чем в Риме, где мое время как-то утекает, сама не знаю как и куда.

Я все собиралась к Вам захватить, но не вышло. Надеюсь, что это мне удастся теперь, весною.

Пробуду в Берлине недели две-три, и весною опять поеду на север. Мне очень жалко, что вряд ли смогу быть полезной даме, про которую Вы мне писали, но если она еще <будет> в Риме после моего приезда, то очень рада буду ее видеть.

Относительно Эрна и писем Маццини² я все собиралась их использовать,³ но при лучшем желании до сих пор не вышло, так как показались другие более спешные работы.

Silvio D'Amico,⁴ критик “*La Tribuna*”⁵ издает театральный журнал⁶ и просил давать ему кое-что по поводу книг театрального содержания, выходящих в России. Сделала для первого номера короткую заметку о книге Захава “*Вахтангов и его творчество*”⁷ и написала открытое письмо D'Amico по поводу одного его вопроса относительно Гоголевского “*Ревизора*”.⁸ Обе эти заметки ему понравились и будут напечатаны в первом номере. Напишите в Россию, чтобы мне прислали, если есть интересное что-нибудь по поводу театра. Я не видела первого номера этого журнала, который выйдет на этой неделе, и пришлю Вам его по приезде и пришлю тоже “*Мед и Кровь*”.

По поводу “*Переписки*” Вяч. Иваныча, я должна Вам сказать, что я очень огорчена некоторыми его поправками, так что не смогла читать

корректур. Мне кажется, что Вячеслав Иванович должен был поправить смысл перевода, но потом его должен был бы прочесть человек литературный с литературным вкусом современного языка, а не люди академические и тем менее еклезиастические. Итальянский язык такой чуткий, что малейшая неточность – это пятно на хрустале. Как можно простить переводчику Создателя <так!> русского символизма такое слово как *mercè* вместо *grazie*, или *lotte intestine* или *Goethe con l'articolo* (*il Goethe, il Nietzsche*). Это или незнание языка, или провинциализм, но для итальянцев это очень большой грех. Все, кто читали перевод (по совету De Luca я дала его и одному из лучших литераторов), и все находили его превосходным относительно языка и делали тоже кое-какие поправки. Но прошу Вас не говорить, что *Don Gius<eppe>* читал перевод, так как он, по понятным причинам, делал это из дружбы ко мне, но никто не должен знать этого. Но так как теперь уже поздно для кое-каких изменений, напрасно тут роптать и огорчаться. Я писала Вяч. Ивановичу, чтобы он вычеркнул *il*, переменил *mercè* – слоны, которые мне попались, а остального не знаю, так как не читала внимательно. Я бы предпочла стихи в прозе: “amor novel”⁹ теперь звучит вроде *petrarchist*’ов прошлого века.¹⁰

Не могу тоже писать Карабба и требовать кое-что за письмо,¹¹ так как я сама ему писала и предложила и письмо и предисловие, которые не повысят цену книги, а печатание ее обойдется ему дороже. Виноваты тут только мы с Вяч. Ив. Я, потому что, зная условия Карабба, дала ему этот труд, и Вяч Ив. – потому что не отсоветовал. Но *basta con queste miserie*,¹² книга понравится, несмотря на то, что могла быть и лучше, и люблю Вяч. Ив. по-прежнему, несмотря, что он такой *testardo*.¹³ Пишите мне в Берлин: bei Fr. Gerda Lenel, Kurfürstendamm 93 – Berlin – Halensee.

В Halle должна была переселиться в другой вагон, так как наш, который вез меня из Рима, чуть не загорелся.

Целую крепко Ольга

¹ Настоящий сумасшедший (*ut.*).

² Джузеппе Мадзини (Giuseppe Mazzini, 1805-1872) – итальянский революционер. Речь идет о его письмах Н. А. Огаревой-Тучковой, опубликованных в издании “Архив Н. А. и Н. П. Огаревых” (М.-Л. 1930. С. 17-33).

³ См. просьбу Шор вернуть эти книги выше, в ее письме № 68 от 25 января 1932 г.

⁴ Сильвио Д’Амико (Silvio D’Amico, 1887-1955) – крупный театральный деятель, один из организаторов Национальной академии театрального искусства, поклонник театральной эстетики К. С. Станиславского. Его шесть писем (1932-1952) хранятся в фонде Синьорелли (ARI, VI. Т. 1. Р. 32).

⁵ “La Tribuna” – ежедневная римская газета (1883-1946). Сильвио Д’Амико вел в ней театральную рубрику с 1925 по 1940 гг.

⁶ Сильвио д'Амико с 1932 г. начал издавать в Милане театральный журнал "Scenariò".

⁷ Речь идет о книге Бориса Евгеньевича Захавы (1896-1976), актера и режиссера театра Вахтангова, "Вахтангов и его студия" (Изд. 2-е, доп. М. 1930). Рецензия Синьорелли была опублик.: Scenariò. 1932. № 1. Р. 60-61.

⁸ См.: Resnevic O. Sul Revisore di Gogol // Scenariò. 1932. № 1. Р. 64.

⁹ Новая любовь (*um.*); устаревшая форма.

¹⁰ Здесь термин "петраркизм" (*petrarchismo* – *um.*) употребляется в переносном значении, не как направление в итальянской поэзии XVI века, а как своего рода литературный маньеризм.

¹¹ Имеется в виду "Письмо Дю Босу". Эта фраза явилась ответом на шутовское замечание Иванова в письме к Синьорелли № 67 от 31 декабря 1931 г. о том, что Карабба за это письмо должен был бы прибавит Иванову на чай.

¹² Хватит этих мелочей (*um.*).

¹³ Упрямец (*um.*).

71

О. Шор – О. Синьорелли

12 февраля 1932, <Павия>

Дорогая Ольга Ивановна,

время так летит, что не успела оглянуться, как прошли почти 2 недели со дня отправки Вашего письма, и теперь приходится спешить, чтобы поймать Вас еще в Берлине. С нетерпением буду ждать Ваших рецензий; очень рада, что Вы погружаетесь в театральный мир; театр – родная Вам стихия; Вам нужно писать о театре. Что слышно с книгой Вашей о Дузе? Как счастливо, что Вы попали в Германию; немецкий театр даст Вам наверное большой материал. В Россию я, конечно, напишу о книгах для Вас. А Вам, дорогая, советую переговорить с Блохом, Яковом Ноевичем, которого рекомендовал Оттокар¹ как отлично посредника по части получения книг из России. Даю Вам его адрес: J. Bloch. Pfalzburgstr. 83-III. Berlin № 15. Сошлитесь на Николая Петровича Оттокара, и Блох Вам все устроит.²

Очень хочется знать о жизни и творчестве Марии, которую нежно люблю, но не стану ни о чем Вас сейчас спрашивать. Надеюсь, что Вы, наконец, приедете к нам, и мы с Вами обо всем хорошо поговорим.

Поэтому – как уж столько раз за последнее время – перехожу прямо к делу: Вяч. Ив. вместе с сердечнейшими приветами Вам и Марии просит передать следующее:

От Carabba ничего пока нет. Будьте добры написать ему, чтобы он прислал В-у И-у корректуры, на которых Вы уполномочиваете В. И. поставить "Imprimatur".³

Заглавие, согласно Вашему желанию, В. И. предлагает изобразить следующим образом:

Corrispondenza da un angolo all'altro.

Tradotta dal russo in collaborazione con V. Ivanov
da Olga Resnevic-Signorelli⁴

или, если Вам больше нравится, просто:

tradotta a cura di Olga Resnevic-Signorelli e V. Ivanov⁵

Возьмите ту форму, которая Вам больше нравится, и сообщите свое решение Carabba. Все формы с “просмотрена” невозможны из-за двух женских существительных: поставленное около Вашего имени “просмотрена” звучит фривольно, а – около слова “Переписка” – стилистически неудобосказуемо.

Что касается стиля – то В. И., действительно testardo.⁶ “I” перед Goethe и Nietzsche он ни за что вычеркивать не соглашается. Он говорит, что такое “незнание итальянского языка или провинциализм” он разделяет с одним (напр<имер>) из лучших современных итальянских стилистов – с Ugo Ojetti,⁷ статью которого отнюдь не устарелую, ибо написанную 31.I.<19>32, он передал мне для пересылки Вам.⁸ Если же какие-нибудь ультра-футуристы и считают такой стиль полным “непростительных ошибок”, то ему, т. е. В-у И-у, это – не указ. Слово мерсё там, где оно поставлено, ему нравится больше малокровного grazie. Lotte intestine только на ухо медика звучит грубо;⁹ это старинное латинское, а не устарелое итальянское выражение и потому оно вполне благородно. Слова В. И. передаю доподлинно и предоставляю Вам, родная, оспаривать его дальше. Я, конечно, никакого суждения по вопросу итальянской стилистики иметь не могу и лишь передаю то, что мне велят от Вас – В-у И-у и от В-а И-а Вам – совершенно механически. Конечно, лучше всего было бы Вам вместе с testardo, который Вас очень любит, прочесть последние корректуры. Но удастся ли это? Когда Вы рассчитываете попасть на Ривьеру? Искусственно задерживать выход книги дальше, пожалуй, не стоит. Ведь может опять случиться, что Carabba ее отложит еще на год. Это уже скучно.

Мария живет там же, где и Вы? В. И. никак не может разыскать того Вашего письма, где Вы сообщали ее адрес.¹⁰ Мария остается в Берлине?¹¹

Желаю Вам счастливого пути и радостного возвращения в Италию.

Жду Вашего письма. Марию сердечно приветствую.

Вас крепко целую. Ваша Ольга.

¹ Об Оттокаре см. в преамбуле к его письмам во втором томе наст. издания.

² Яков Ноевич Блох (1892-1968) – переводчик итальянской литературы, журналист; издавал с Мейерхольдом журнал “Любовь к трем апельсинам”. Шор рекомендует Синьорелли для заказов книг из России посредничество Я. Н. Блоха, как владельца издательства “Петрополис” (1925-1938), которое имело отделения в Берлине, Лондоне и Париже и занималось дешевой доставкой книг из Советской России, имея контракт с Госиздатом. См. подробнее: Залевский В., Голлербах Е. Распространение русской печати в мире. 1918-1939: Справочник. СПб. 1998. С. 103.

³ Предназначено к печати (лат.).

⁴ Переписка их одного угла в другой. Переведено с русского Ольгой Ресневич-Синьорелли в сотрудничестве с В. Ивановым (ит.).

⁵ Переведено и отредактировано Ольгой Ресневич-Синьорелли и В. Ивановым (ит.). Этот вариант заглавия книги и подписи переводчика был предложен Ивановым в письме № 67 от 31 декабря 1931 г. (см. выше); заглавие было принято издателем, а что касается формулировки участия Иванова, то на титуле книги было в конце концов указано: “Traduzione dal russo di Olga Resnevic. Riveduta da Venceslao Ivanov” (Перевод с русского Ольги Ресневич-Синьорелли. Просмотр Вячеслава Иванова”).

⁶ Шор цитирует слово из письма к ней Синьорелли, где “упрямым” назван Иванов.

⁷ Современники называли Уго Ойетти “элегантным *арбитром* вкуса двух буржуазных поколений” (Montale E. Il secondo mestiere. Prose 1920-1979. Milano: Mondadori, 2006. Т. 1. Р. 671). Он сотрудничал в газете “Corriere della Sera” (с 1921 г.) и в журналах “Illustrazione italiana” (с 1904 по 1908 гг.) и “Dedalo”; возглавлял журнал “Pegaso” (основан в 1929 г.); с 1929 г. был редактором отдела искусства в “Enciclopedia italiana”. Подробнее о его связях с Россией см.: Пикколо Л. Уго Ойетти и Россия // Безпокойные музы. Т. 2. С. 253-279.

⁸ О какой статье идет речь установить не удалось: в папке с письмами Шор (FSFC) ее нет.

⁹ Намек на имеющееся в итальянском языке близкое по звучанию слово *intestino* – кишечник.

¹⁰ Адрес Марии Ольга Синьорелли сообщила Иванову в письме № 65 от 20 декабря 1931 г. (см. выше). Он нужен был Иванову, чтобы послать Марии свою немецкую книгу о Достоевском.

¹¹ Мария оставалась в Берлине в связи с подготовкой выставки (см. ниже).

Дорогой Вячеслав Иванович, только что вернулась из Берлина и вижу, что “bozze” от Карабба пролежали тут почти месяц. Нашла тоже письмо от Карабба, где он справляется о причине задержки и просит спешить, чтобы опять не продлить на год появление книги. Вера просмотрела корректуру, и кое-что поправляла. Вместо того, чтобы читать

корректуру, посылаю ее Вам, и я уверена, что таким образом Карабба получит ее обратно дня через два. Я ее подписала, и на последней странице подпишите ее и Вы. Делайте, как находите подходящим относительно заглавия и, если считаете достаточным упоминание о Вашем сотрудничестве как это сказано в примечании, то пусть будет и так. Помоему, нельзя сказать ни “in collaborazione con V. Ivanov da Olga Resnevic”,¹ ни “tradotta a cura di Olga Resnevic e V. Ivanov”,² так как при совместном сотрудничестве я оспаривала бы мое мнение и настояла бы на своем, что считаю ненужным и напрасным делать письменно, и Вы совершенно свободны делать как хотите.

Мария получила Вашу книгу о Достоевском³ и просила Вас поблагодарить сердечно. После открытия ее выставки (которая откроется 13-го марта)⁴ она Вам напишет сама. Сердечный привет Вам от всех нас и сердечно целую Ольгу Александровну.

Ваша Ольга Ресневич

¹ “<Перевод> Ольги Ресневич в сотрудничестве с В. Ивановым” (ит.)

² “Переведено и отредактировано Ольгой Синьорелли и В. Ивановым” (ит.).

³ Имеется в виду книга Иванова: *Ivanov V. Dostojewskij. Tragödie – Mythos – Mystik.* Autorisierte Übersetzung von Alexander Kresling. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1932.

⁴ Выставка Марии открылась 13 марта 1932 г. в Galerie Gurlitt (Berlin, Matthäikirchstr. 27); в ее организации принимал деятельное участие Е. Д. Шор (см. об этом в его письмах). На выставке было представлено 70 “фигурин” Марии, их репродукции воспроизведены в газете “Berliner Börsen-Courier” (10 April 1932). В журналах появилось множество рецензий на нее: *Dr. Helln Hohenemfer-Steglich.* Die Puppen der Maria Signorelli // *Reclams Universum* (Leipzig). 11 Februar 1932; *Bilder und Puppen. Frauen als Künstlerinnen* // *Volkszeitung* (Berlin). 16 März 1932 (без автора); *Westecker Wilhelm* // *Berliner Börsen-Zeitung*. 17 März 1932 (без заглавия); *Lemte Karl* // *Neue Beit* (Charlottenburg). 18 März 1932 (без заглавия); *Glaser Curt.* Junge Künstler // *Berliner Börsen-Courier*. 18 März 1932; *J. E.* Puppen bei Gurlitt // *Berliner Tageblatt*. 31 März 1932; *Berliner Lokal-Anzeiger*. 30 März 1932 (аннотация); *Bei Gurlitt* // *Vossische Zeitung* (Berlin). 4 April 1932 (без автора); *Maria Signorelli.* Galerie Gurlitt, Berlin // *Die Welt Kunst*. 27 März 1932 (без автора). На выставку откликнулась и итальянская пресса: “Bragaglia sulle rive della Sprea. Elogio degli attori italiani. Una artista moderna: Maria Signorelli” (Брагалья на берегах реки Шпрее. Хвала итальянским актерам. Современный мастер: Мария Синьорелли) // *Il Resto del Carlino*. 30 maggio 1932; *Bambole teatrali* (Театральные куклы) // *L'Ambrosiano*. 15 luglio 1932. За эти сведения выражаем признательность Джузеппине Вольпичелли.

О. Синьорелли – О. Шор

20 мая <19>32
Camogli (Genova)

Дорогая Ольга Александровна,

целый век не видались, и уже так давно ничего не знаю от Вас, что визит Лидии меня очень обрадовал, и очень обрадовало меня знакомство с Дон Рибольди,¹ от которого мы все остались в большом восторге, и даже Вера, человек еще более скрытный, чем я, пожелала его еще видеть и сказала, что это человек, которому она все могла бы сказать и доверить. Родосский губернатор,² который был у меня, когда Лидия пришла с Дон Рибольди, тоже был в большом восторге от него и пожелал, чтобы и его жена с ним познакомилась.³

Дон Рибольди справлялся о “Переписке”, и я ему жаловалась на Вячеслава Ивановича, но, поделившись с ним впечатлениями, все остатки моей “злости” прошли.

Я наконец-то выбралась из Рима, и никак не могла выбраться, так как все и долго и по несколько раз переболели инфлуенцией.

Живу тут в маленькой деревушке около Camogli, и эта жизнь мне по духу. Непременно хочу к вам поехать, и пишите мне (Olga Resnevic Camogli, Genova) в Павии ли Вы и Вячеслав Иванович, и как долго? Мне Лидия говорила, что Вячеслав Иванович желал бы некоторые книги Штейнера.⁴ Пусть он или напишет желаемую книгу или почеркнет в каталоге, который я ему послала, и пошлет Sig. Marco Spainì, Casino Municipale, S. Remo, и он все получит. Человек этот – директор Casino и в высшей степени интересная личность.⁵ При свидании Вам про него расскажу.

Пишите мне. Обнимаю нежно Ольга

¹ Дон Леопольдо Рибольди (Don Leopoldo Riboldi, 1880-1966) – в 1920-1927 гг. ректор Collegio Borgomeo; впоследствии монах доминиканского ордена. О его участии в работе над предисловием к “Переписке” см. в преамбуле к наст. публикации.

² См. выше первое упоминание Марио Лаго (Mario Lago, 1878–1950) в письме Шор Синьорелли (№ 19) от конца января 1930 г.

³ Ottavia Lago, жена Марио, также, как и ее муж, близкая приятельница семейства Синьорелли. 79 ее писем хранятся в архиве Синьорелли (ARI, VI. T. 1. P. 47).

⁴ Напомнить Синьорелли об “антропософских книжках” Иванов просил Лидию 27 апреля 1932 г. (Символ. № 53-54. С. 615).

⁵ Марко Спаини (Marco Spainì, 1887-1969), антропософ и мистик. В Центральном государственном архиве в Риме хранятся документы итальянской полиции, которые свидетельствуют о его “симпатиях к фашизму” (письмо из Prefettura di Imperia к Dire-

zione Generale Pubblica Sicurezza от 23 июля 1933 г. // Archivio Centrale dello Stato di Roma, Ministero dell'Interno, DGPS, G1, busta 28, fascicolo 317) и “преклонении перед Дуче, несмотря на то, что он не был членом партии” (письмо из Questura di Imperia к Direzione Generale Pubblica Sicurezza от 4 декабря 1938 г. в личном деле Марко Спаини // Archivio Centrale dello Stato di Roma, Polizia Politica, busta 1292, fascicolo personale Spaini Marco). О дальнейшем сближении Спаини с Шор и Ивановым свидетельствует наст. переписка. См. также примеч. 1 и 2 к письму № 76 от 16 июня 1932 г.

74

О. Шор – О. Синьорелли

23-ого мая 1932 г.

<Павия>

Дорогая моя Ольга Ивановна, спешу откликнуться. Вяч. Ив. и я счастливы вас наконец увидеть и ждем Вас с нетерпением. К нам, родная, приезжайте, когда Вам удобно; предупредите только за денек, чтобы мы случайно куда-нибудь не ушли. Заняты мы только (будем вне Павии) от пятницы 27-го мая до вторника 31-го мая. За исключением этих дней, всегда дома и Вам всегда рады. Ввиду близкого свидания не хочется писать; наговоримся, даст Бог.¹

Нежно обнимаю и целую. Ваша Ольга.

¹ В последних числах мая или в первых числах июня Синьорелли посетила Ивановых в Павии. См. упоминание о ее поездке в следующих письмах и в письме Е. Д. Шора к Синьорелли от 16 июня 1932 г. во втором томе наст. издания.

75

О. Синьорелли – О. Шор

8 июня <1932>¹

Camogli

Дорогая Ольга Александровна, простите, дорогая моя, что все эти дни не написала вам и не известила о моем благополучном возвращении сюда. Но по приезду была завалена работой, и вчера и третьего дня бушующее море кругом, и оркестр ветра в пиниях, в кустах и в траве были такой захватывающей красоты, что я была превращена в глаза и уши, и не была в состоянии ни думать, ни писать.

Теперь все вернулось к нормальному порядку, море спокойно, светло, и я светла, распределяю ритмически мою жизнь, работаю, читаю, вспоминаю друзей и пишу им даже, хотя слишком редко...

Я очень счастлива моей поездкой в Павию, и вместо того, чтобы Вас благодарить, мечтаю о новой поездке. Все было так хорошо – и было очень хорошо и для меня.²

Вижу Вячеслава Ивановича, вдали, и Вас за поездом, махающею платком... И чем больше время отходит, тем яснее все вижу и вспоминаю....

Вернулась благополучно, хотя море бушевало, и я приехала сюда вся мокрая! Но “Отоне”,³ встречая меня, сказал, что соскучились по мне и видно хотел довести во что бы то ни стало. Питают меня слишком хорошо. Отоне толст и хочет, чтобы и гости толстели. Но “Отоне” строг. Просила его разменить сто лир, но он ответил, что денег не надо менять, а то они расходятся. И одолжил мне 10 лир, так как “в Samogli тратить не на что”. Как быть: Вячеслав Иванович упрекает меня, что еду в III классе, Отоне хочет, чтобы денег не тратила, и таким образом приеду к Вам в I классе!

Обнимайте от меня Вяч. Ив., и целую Вас крепко-крепко О.

¹ Датируется по содержанию.

² Сохранилось еще одно небольшое письмо от 18 июня 1932 г., в котором Синьорелли снова возвращается к этой встрече: “Вспоминаю дни вашего гостеприимства как чудный оазис духовного общения, и вспоминаю их с горячей тоскою” (РАИ).

³ По всей видимости, хозяин пансиона в Камольи.

76

О. Шор – О. Синьорелли

16 июня 1932

<Павия>

Дорогая Ольга Ивановна,

спасибо за письма и внимание. Благодарность Вашу за Павийские дни могу принять лишь в одном случае, – если она выразится в том, что Вы пожалуете еще раз; я же Вас благодарю сердечно, поскольку вообще можно благодарить за дружбу и ласку. Замечательные письма Ваших друзей (Спаини – святой человек) хотелось бы переслать вам заказным,¹ но не знаю можно ли это сделать в Samogli. Научите меня. Если прикажите, то, конечно, пошлю простым письмом.

Посылаю вам этот снимок центрального корабля Чертозы, куда мы не попали, для того, чтобы подстегнуть Ваше желание приехать. В. И. несказанно тронут изысканной добротой Спаини.² Вас благодарит и сердечно приветствует. Нежно целую. Ваша Ольга.

¹ Речь идет о дружеском кружке антропософов и писателей из Сан-Ремо, организаторах “Понедельников литераторов” – Спаини, Пастонки и Кавикийоли. Со Спаини летом 1932 г. у Иванова завязывается переписка и личное знакомство. Во многом, благодаря их усилиям Вяч. Иванов 8 апреля 1933 г. был приглашен в Сан-Ремо с чтением лекции под названием “Направления современного духа” на так называемые “Литера-

турные понедельники” (см. об этом ниже). Спаини было посвящено стихотворения Вяч. Иванова “Дикий колос” в “Свете вечернем” и “Велисарий-слепец” в “Римском дневнике 1944 года” (Иванов Вячеслав. Собр. соч. Т. III. С. 546 и 594). Большой корпус писем Спаини сохранился в фонде Синьорелли (ARI, VI. Т. 1. Р. 68). В фонде Иванова выявлено 50 писем (1932-1943) Спаини к нему и два поздних (1950-х гг.) к Шор, но указанных июньских “писем друзей” нет: первое письмо Спаини датировано 20 июня 1932 г. (РАИ, f. 6, № 142).

² Имеется в виду те знаки уважения и почитания, которые Иванов описал в письме Димитрию от 15 июля 1932 г.: “...вследствие знакомства с Ольгой Ивановной Синьорелли <Спаини> узнал ‘Переписку из Двух Углов’ и прислал мне большое количество антропософических книг, письма о желании со мной познакомиться и огромный ящик с целым садом ривьерских роз...” (Символ. № 53-54. С. 616).

77

О. Синьорелли – О. Шор

21 июля <1932>¹Punta Chiappa²

Дорогая Ольга Александровна,

должна еще поблагодарить Вас и Вячеслава Ивановича за любезность и ласку к Марии. Она была очень тронута вашим вниманием, и я уверена, что проезд через Павию кое-что то означает в ее духовной жизни. Это ведь бывает так со всеми.

Я тоже очень довольна моим пребыванием на этом Punta, которую, к сожалению, придется покинуть в конце этого месяца.

Я бы очень хотела еще с вами повидаться, и напишите мне, будете ли Вы в Павии 29 или 31 июля?

Спаини написал мне очень восторженное письмо о беседе с Вячеславом Ив.,³ которая очень много означает в его духовной жизни, как он пишет, “как мера того врага, который живет в нем самом и который называется эгоизмом”.

Погода почти всегда дождливая, пасмурная, но я люблю эти серые дождливые дни, которые обостряют духовное зрение. Прохлада была совершенно северная, и море за эту последнюю неделю доходило почти до моих окон, по крайней мере брызгом волн, и очки, и подсвечник около кровати покрывались налетом соли!

Привет Вячеславу Ивановичу, и целую и обнимаю Вас нежно

Ваша Ольга

¹ Датируется по содержанию: Мария Синьорелли заезжала в Павию к Ивановым по дороге из Берлина в начале июля 1932 г. (о ее поездке в Павию Синьорелли упоминает в письме к Е. Д. Шору от 15 июля 1932 г. – см. переписку с ним во втором томе наст. издания).

² Деревня рыбаков на Лигурийском побережье недалеко от Camogli.

³ Об этой встрече Иванов сообщал Димитрию в письме от 15 июля 1932 г.: “Сейчас приезжает ко мне *Signor Marco Spaini*, директор *Casino* в *San-Remo*, апостол антропософии...” (Символ. № 53-54. С. 616).



Вячеслав Иванов с Марией Синьорелли.
Павия. Июль 1932 г.

78

О. Синьорелли – О. Шор

27 июля <1932>¹
Portofino Vetta²

Дорогая, не получив ваших известий до сегодняшнего утра, думала, что вы уже уехали, и мои дела теперь сложились так, что не могу быть у вас <иначе> как 31.³ Не могу уехать до 30-го, а 30-го и 1-го августа должна быть в Милане. Приехала бы из Милана 31-го утром, и могла бы уехать 31-го вечером. Если Вам это не подходит, то известите или Portofino Vetta (Riviera di Levante) или Albergo Loreto Milano, что-

бы быть уверенной, что можно уехать, так как море все бушует со вчерашнего дня, я тут, на Portofino Vetta, около Ruta.

Обнимаю Вас нежно Ольга

¹ Год установлен по почтовому штемпелю.

² Городок на том же Лигурийском побережье рядом с Камольи.

³ Речь идет о второй поездке в Павию; возможно, ее упоминает О. Шор в следующем письме от 22 августа, говоря о разговоре в миланском поезде.

79

О. Шор – О. Синьорелли

22. VIII. <19>32

Ortisei Val Gardena

Pensione Orlo del Bosco

Дорогая моя Ольга Ивановна,

все ждала от Вас весточки, но она не пришла; совершенно не знаю, где Вы теперь и пишу наугад в Рим, надеясь, что письмо *espresso* сейчас же перешлют. Ездили ли Вы к Станиславскому?¹ Что решили? Очень хочется узнать о Вас что-нибудь определенное.

Черкните мне словечко, родная. До первого сентября я нахожусь здесь, т. е. Ortisei. Val Gardena. Pensione Orlo del Bosco. Затем дней 5 пробуду в Павии, после чего, вероятно, поеду к Вячеславу Ивановичу.²

Мне было жаль, что наш вдруг вспыхнувший на большой душевной глубине разговор прервался приездом в Милан; авось, Бог даст, нам суждено будет его скоро продолжить. Каковы Ваши планы?

Теперь же спешно обращаюсь к Вам с большой просьбой. Дело в том, что Дима, дотянув с пневмотораксом³ до последней минуты, остался без всяких медицинских инструкций и рекомендаций; В. И. никого не знает в Больцано из врачей. Ради Бога, пришлите в “*Assunta. Sopra Bolzano. Casa Zallenger. Ivanov*” телеграмму с именем и адресом врача, к которому можно было бы обратиться от имени Вашего или Вашего мужа. Простите, дорогая, что тревожу Вас такой срочной просьбой, но тут важен каждый день, а письма идут медленно.

Кончаю, чтобы не задерживать письма. Не сердитесь на меня за постоянно причиняемое беспокойство.

Сердечнейший привет всем Вашим.

Нежно Вас целую. Ваша Ольга.

¹ Встреча со Станиславским состоялась, см. о ней ниже в письмах Синьорелли № 81 от 30 августа 1932 г. к О. Шор (и примеч. 8 к нему) и письмо от того же числа к Вяч. Иванову (№ 82).

² Эти вакансии (до ноября 1932 г.) Иванов проводил с сыном Димитрием в провинции Больцано в восточных Альпах, в местечке Ассунта (итальянский Тироль). В августе Шор отдыхала вместе со своей подопечной молодой контессой Анной Марией Кальви (см. о ней в примеч. 7 к письму № 90 от 12 декабря 1932 г.), недалеко (Ортизей – курортный городок в Тиролевских горах), но отдельно от Ивановых.

³ Один из способов лечения туберкулеза: наполнение легких воздухом.

80

О. Шор – О. Синьорелли

25 VIII <19>32
<Ortisei, Val Gardena>¹

Дорогая Ольга Ивановна,

не знаю дошло ли до Вас мое письмо, не знаю дойдет ли эта открытка. Спешу сообщить Вам, что Дима случайно встретил в Больцано Мендеса² и получил от него рекомендательное письмо. Простите, что обеспокоила Вас; надеюсь, Вы ничего еще не успели сделать. Спасибо за все. Жду весточки. Откликнитесь, родная, и черкните 2 слова о себе и своих. Здесь очень хорошо. Думаю, что Вам понравилось бы. В Павию на короткое время вернусь в первых числах сентября. Сердечные приветы Вашим. Нежно вас обнимаю. Ваша Ольга.

¹ Открытка с видом: Val Gardena, Marmolada e Gruppo del Sasso Lungo.

² Гвидо Мендес (Guido Mendes, 1876-1965) – директор санатория итальянского Красного Креста “Cesare Battisti” в Риме, где до переезда в Швейцарию лечился Д. В. Иванов. См. его письмо Иванову о состоянии Димитрия от 20 июня 1928 г. (РАИ, ф. 4, № 94). О Мендесе подробнее см. Dizionario Biografico degli Italiani. 2009. Vol. 73.

81

О. Синьорелли – О. Шор

30.VIII. <19>32
Капри, Hôtel Splendid

Дорогая Ольга Александровна, простите, что так поздно отвечаю на Ваше письмо, но получила только вчера письмо и открытку, которые пролежали в Риме до возвращения мужа.¹

Я никого не знаю в тех краях из врачей, но там они, говорят, все хороши, так как эти места обыкновенно организованны очень хорошо. Во всяком случае я справилась тут у одного врача, директора dell'Isti-

tuto eliotropico a Cortina D'Ampezzo,² и мне советовали il Dr. Mario Casonati a Merano, или еще лучше и подходящее, al sanatorio città di Bresanone³ Dott. Centosculdi. Во всяком случае сообщаю Вам это, несмотря на то, что Мендес уже дал адреса. Авось может пригодиться.

Я очень ждала от Вас весточки и хотела уже писать в Павию. Я узнала, что Лидия не добралась до Гуи,⁴ и может быть я могу ей помочь в этом. Он очень добрый человек, один из самых близких друзей покойного Онофри,⁵ и я его знаю. Сообщите мне его адрес, и я ему напишу.⁶ Он очень дружен тоже с Папини, и может быть можно было обратиться и к Папини, который теперь находится в Albergo "Tre Croci" Cortina D'Ampezzo. Хотя Папини человек, который вряд ли беспокоится для другого, во всяком случае можно ему написать. Может быть он захочет сделать кое-что для Вячеслава Ивановича.

Гуи – человек гораздо более духовный, чем Респиги,⁷ и я не знаю, в каких они отношениях между собою.

Мне тоже очень жалко, что наша беседа прервалась, и надеюсь, что она продолжится и что мы опять увидимся.

Я была у Станиславского и может быть еще к нему поеду. Осталась в восторге от нашей встречи.⁸ К сожалению, надо было вернуться, чтобы не портить планы моих семейных, и может быть еще к нему вернуться. Напишите мне Ваши планы.

Если Вы будете в Павии, может быть, можете выслать ту "Leggenda Aurea",⁹ которую я когда-то дала Вячеславу Ивановичу и которая нужна Марии.

Если увидите Don Riboldi, попросите его, чтобы он простил меня, что я не ответила на его письмо, и объясните ему, что я не умею писать писем.¹⁰ Можно писать или совершенно незнакомым, или только очень близким людям. Вы ведь один из самых близких мне людей, и то, видите, как скромна наша переписка. Но мне очень хочется с Вами увидеться. Я с трудом пишу тоже Вячеславу Ивановичу. Мне кажется, что если знаешь человека, знаешь его не умом, а тем настоящим глубоким знанием, единственным имеющим значение, то достаточно и полслова, чтобы знать все о нем. А если этого знания нет, то можно написать целые тома, которые все-таки не сблизят людей. Обыкновенно люди надеются спасать других словами, убеждением, и часто этим осложняют и делают еще тяжелее уже тяжелую жизнь. Мне кажется, что мы спасаем ближнего только пониманием, любовью, молитвою, как это делаете Вы.

Обнимаю Вас нежно Ольга

¹ Ответ на письмо Шор от 22 августа (№ 79) и на ее же открытку от 25 августа (80).

² Институт гелиотропизма в городке Кортина д'Ампеццо (ит.).

³ Санаторий города Брессаноне (ит.).

⁴ В письме Иванову от 8 сентября 1932 г. Шор писала, что она не просила Синьорелли о Лидии и что об этой несостоявшейся встрече с Гуи “очевидно написал милый тиран” (т.е. дон Рибольди) (РАИ, оп. 5, карт. 14, папка 2, л. 5).

⁵ О друге О. Синьорелли Артуро Онофри см. в письме Синьорелли Иванову № 13 от 13 февраля 1929 г., примеч. 4.

⁶ Витторио Гуи (Vittorio Gui, 1885-1975) – дирижер, активный участник флорентийских музыкальных и театральных сезонов. Судя по письму Иванова к Синьорелли № 85 от 20 сентября 1932 г., она написала рекомендательное письмо Гуи о музыкальных произведениях Лидии и, получив от него ответ, переслала оба письма (свое и Гуи) Ивановым (см. ниже). И в дальнейшем Ольга Синьорелли всячески старалась содействовать установке творческих связей между Лидией Ивановой и этим известным музыкальным деятелем. В письме к ней от 17 июля 1933 г. Лидия писала: “Gui кажется собирается включить мои вариации в программу будущего года”, и далее: “И это тоже Ваша помощь” (FSFC).

⁷ Отторино Респиги (Ottorino Respighi, 1879-1936) – композитор, профессор Национальной академии Санта Чечилия в Риме, педагог Лидии Ивановой.



Фотография К. С. Станиславского.
17 сентября 1932 г.

⁸ Синьорелли посетила Станиславского в начале августа 1932 г. Сохранилось ее письмо к К.С. Станиславскому от 1 августа 1932 г. из Варезе, в котором она просит о встрече с ним в Баденвейлере (где отдыхало семейство Станиславского), “хотя бы на несколько минут”, чтобы переговорить “об одном маленьком деле”, указывает, что “по получении разрешения” готова “выехать немедленно” и просит уведомить о возможности встречи телеграммой с одним словом ‘да’” (Архив Музея МХАТа, фонд К.С. Станиславского, № 2817/1). Письмо она пересылает через сына Станиславского Сергея Константиновича (см. записку к нему: Там же, № 2817/2).

⁹ См. об этой книге в письме Синьорелли Шор № 27 от 14 марта 1930 г., примеч. 5. “Золотая легенда” упоминается в письме Амфитеатрова Иванову от 7 ноября 1931 г., с просьбой прислать ему эту книгу для одной работы. В письме от 8 мая 1932 г. Иванов пишет Амфитеатрову: “принужден просить захватить с собою в Павию ‘Золотую Легенду’, не мне принадлежащую”. Вероятно, речь шла именно об экземпляре Синьорелли (см.: *А. В. Амфитеатров и В. И. Иванов. Переписка / Предисловие и публ. Дж. Мальмстада // Минувшее. 1997. Вып. 22. С. 503*).

¹⁰ В фонде Синьорелли сохранилось 5 писем Рибольди (ARI, VI. Т. 1. Р. 65). Переписка с ним началась в 1932 г. Шор по просьбе Синьорелли передала через Иванова извинения за задержку ответа Рибольди, чем вызвала несправедливые нападки Иванова на Синьорелли в ответном письме к Шор (от 9 сентября 1932 г.): “Приветы же Рибольди не делают менее грубым и типично-заносчивым ее <Синьорелли> нежелание ответить на его письмо” (ARI, III. Р. 434).

82

О. Синьорелли – Вяч. Иванову

30 августа <1932>¹

Capri

Hôtel Splendid

Дорогой Вячеслав Иванович,

поздно, по возвращении мужа в Рим, получили Вашу открытку,² и Мария сердечно благодарит вас всех и собирается писать и Вам и Don Riboldi³ из Рима, куда мы вернемся 5-го сентября.

Здесь в этом году жара совсем африканская, и можно жить только в воде.

Я Вас должна поблагодарить еще раз за Ваше милое письмо к Станиславскому,⁴ который был очень мил и любезен со мною и кланяется Вам сердечно. К сожалению, наша встреча была очень короткая, т. к. я должна была вернуться в Рим, чтобы не заставить моих семейных откладывать их поездку на взморье. Очень возможно, что в сентябре еще заеду к Станиславскому.⁵

Как долго вы пробудете в горах? Как здоровье Димы, которому, вместе с Лидией, передадите мой сердечный привет. Я узнала в Риме о неудаче Лидии с Гуи. Знает ли она его адрес? Я хотела бы ему напи-

сать. Он был одним из самых близких друзей покойного Оноффри, и я его тоже знаю. Он мне раз сказал, что мой перевод “Степи” Чехова⁶ помог ему для интерпретации “Степи” Бородина.⁷ И он и его жена люди в высшей степени симпатичные, и я думаю, что его заинтересуют работы Лидии. Я не помню его адреса, и надо, чтобы Лидия мне его прислала.⁸ Папини большой друг его и живет теперь поблизости от вас: Albergo “Tre Croci” Cortina D’Ampezzo.⁹

Если поеду к Станиславскому, заеду и к вам.

Пока обнимаю вас всех сердечно

Ольга Ресневич Синьорелли

¹ Датируется по содержанию.

² Эта открытка Вяч. Иванова в фонде Синьорелли не сохранилась.

³ Вероятно ответ на письмо Рибольди к Марии, сохранившееся в фонде Синьорелли (ARI, VI. T. 1. P. 65).

⁴ В письме к Станиславскому от 1 августа 1932 г., с просьбой посетить его, Синьорелли писала: “Прилагаю письмо Вячеслава Ивановича, которого только что посетила в Павии и который просил Вам сердечно кланяться” (Архив Музея МХАТа, фонд К. С. Станиславского, 2817/1). Письмо Вяч. Иванова К. С. Станиславскому от 31 июля 1932 г., с рекомендацией Синьорелли, см.: Там же, № 8450).

⁵ Об этой второй поездке Синьорелли к Станиславскому в 1932 г. см. ниже, в ее письме № 87 от 4 октября 1932 г.

⁶ Перевод повести Чехова “Степь”, сделанный Синьорелли, многократно переиздавался; впервые: *Cecof A. La steppa.* / Trad. dal russo da Olga Resnevic. Firenze 1920.

⁷ Вероятно, речь идет о “Половецких плясках” из оперы “Князь Игорь” (1869-1887) А. П. Бородина (1833-1887).

⁸ Сохранилось письмо Лидии Ивановой к Синьорелли от 7 сентября 1932 г., где она сообщала флорентийский адрес Гуи и писала: “Я была очень тронута, узнав из Вашего письма, что Вы собираетесь написать Gui, чтобы рекомендовать ему меня. Это, действительно, мне очень ценно, т. к. в Июле мне не удалось его повидать, а кроме того, письма, которые написал ему для меня Респики, я уже не имею. Дело в том, что когда я была во Флоренции, в конце Июля и начале Августа, я это письмо отправила для Gui городским espresso еще прежде, чем позвонить ему по телефону и узнать, что его нет. Мне сказали, что письмо ему передавали куда-то – но во время его путешествия оно могло затеряться, и теперь, если я к нему приду, он, может быть, не будет знать, с кем имеет дело. Кроме того это письмо так горячо рекомендует меня, что мне было бы очень обидно, если бы оно пропало. <...> На всякий случай прилагаю копию с письма Респики, чтобы Вам ясно было, о чем идет речь. Я была бы очень счастлива, если бы Gui сам продирижировал мою вещь, т. к. я очень люблю его, как дирижера <...> С Gui могла бы повидаться сейчас же, остановившись по дороге в Рим” (FSFC). В Рим Лидия планировала ехать через 10 дней.

⁹ Альпийский курорт.

83

О. Синьорелли – Вяч. Иванову

30-го августа <1932>¹

Capri

Дорогой Вячеслав Иванович,

Вам напишет и к Вам попросит заехать наш друг Giovanni Rocca.²
Примите его, слушайте его, помогите ему духовно и душевно.

Благодарю Вас и крепко и сердечно жму Вашу руку

Ольга Ресневич-Синьорелли

¹ Датируется по содержанию.

² Джованни Рокка (Giovanni Rocca), хороший знакомый Синьорелли, врач; сохранилось 9 его писем к Синьорелли 1931-1932 гг. (ARI, VI. Т. 1. Р. 63). 7 сентября Лидия писала Синьорелли: "С Рокка уже списались и ждем его к 12-му числу" (FSFC), в фонде Иванова (РАИ) сохранилось два письма, а также телеграмма (от 10 сентября, подтверждающая приезд), открытка с благодарностью за прием (15 сентября), а также 4 поздравительные открытки (с Пасхой и Рождеством). В первом письме от 28 августа 1932 г. Рокка выражает желание познакомиться, а во втором (от 4 сентября) объясняет, чем вызвано его желание встретиться: он хотел бы показать Иванову свои картины и драму (РАИ, ф. 5, № 129).

84

О. Синьорелли – Вяч. Иванову

18 сент<ября> <19>32

Рим

Дорогой Вячеслав Иванович,

посылаю Вам письмо Гуи и прошу переслать его Лидии. При лучшем желании больше не могла добиться. Буду во Флоренции в октябре и тогда его отыщу и с ним лично поговорю.

Но до того, надеюсь Вас еще увидеть т. к., должно быть, буду в Ваших краях.

Как прошла встреча с Рокка? Он мне писал и благодарил. Надеюсь, Вы меня простите за все эти беспокойства, но Вы ведь знаете, что я врач, и не могу видеть равнодушно страдания людей.

Жму сердечно Вашу руку, привет Диме, Лидии, Ольге Александровне.¹ Ваша Ольга Ресневич

¹ О. Шор с середины сентября 1932 г. жила вместе с Вяч. Ивановым в Больцано (см.: ARI, III. Р. 438-439).

85

Вяч. Иванов – О. Синьорелли

20. IX. <19>32

L'Assunta sul Renon

25, casa Zallinger sopra Bolzano

Дорогая Ольга Ивановна,

Горячо благодарю Вас за доброе участие в деле Лидии с Gui и за Ваше письмо с приложенной копией ответа Gui на Ваше обращение к нему по поводу Лидии.¹ Этот ответ мне очень понравился своим хорошим, серьезным тоном, и больше нечего желать, если он даже любезно обещает рассмотреть Лидину партитуру в первую очередь. Ваша дружеская поддержка оказалась, следовательно, очень действенной...

Итак, мы надеемся видеть Вас в скором времени на нашей милой деревенской даче?² Вот будет радость!

Фламинго прилетела в этот отъезд Лидии в Рим. Дима пробудет здесь до 2 или 3 октября. Он Вас горячо приветствует.

Сердечно преданный и благодарный Вам

Вячеслав Иванов

Росса с женой – очень милые люди, были у нас, и мы подружились.

Благодарю Вас за *Legenda Aurea*,³ которую по моей просьбе выдали О. А-е из моей комнаты в Collegio. Cari saluti a Maria.⁴

¹ Писем Gui в Римском архиве Иванова не выявлено.

² Так Иванов называет их домик в Больцано.

³ Учитывая благодарность Иванова за книгу "*Legenda Aurea*" контрастирует с раздраженным тоном письма его к О. Шор в ответ на ее просьбу разрешить ей забрать эту книгу из его комнаты в Collegio, чтобы вернуть Синьорелли (письмо Шор от 8 сентября 1932 г. – РАИ, оп. 5, карт. 14, папка 2, л. 2): "*Нет ОТНЮДЬ не разрешаю*. В мою комнату нельзя врываться: а чтобы быть допущенным, необходимо предварительное уведомление о том от меня, обращенное в Collegio. Притом мгновенные причуды синьореливской семьи принципиально не должны быть принимаемы во внимание и исполняемы в спешном порядке, ибо не заслуживают поощрения. Возмутительна бесцеремонность, с которою обращаются к Вам в мое отсутствие с целью изъятия из моей запертой комнаты в Collegio понадобившихся внезапно книг, которые не требовали три года, – как будто у нас все общее, даже моя комната в монастыре. Поучительно будет для О. И. разъяснение ее заблуждения, и в этом разъяснении я лично весьма заинтересован" (ARI, III. P. 434).

⁴ Нежные приветы Марии (*um.*).

86

О. Шор – О. Синьорелли¹

20. IX. <19>32

Assunta (prov. Bolzano)

casa Zallinger

Дорогая Ольга Ивановна,

простите, что не сразу ответила на Ваше хорошее письмо. Не могла писать из-за руки.² Будучи пролетом в Павии, послала Вам (т. е. Марии по Вашей просьбе) “Leggenda Aurea”. Надеюсь, что она благополучно доехала.

Мои планы таковы: до 31-го октября пробуду здесь в Assunte, если, Бог даст, все будет благополучно. Далее – вероятно, вернусь в Павию, если отец не вызовет меня к тому времени в Берлин.³ Далее – ничего не знаю.

Будем бесконечно рады Вашему приезду к нам. Когда Вы собираетесь к Станиславскому? Что решили с ним?⁴ Мы живем тут по-деревенски, живописно и очень уютно – вот увидите. Приезжайте, родная.

Надо билет взять до Bolzano. Дайте знать о дне приезда. Итак, ждем. Ввиду близкой встречи не хочется писать. Обо всем поговорим и помолчим при свидании.

За письмо Ваше не благодарю – Вы знаете, что за такую ласку нельзя благодарить.

А за Gui и за всю Вашу сердечную активную отзывчивость спасибо душевное.

Итак до скорой встречи. Сердечные приветы Вашим.

Нежно Вас целую Ваша Ольга

¹ Это письмо хранится в папке “Dimitrij Ivanov” (FSFC).

² Об этом постоянном недуге Шор см.: *Иванова Л.* Воспоминания. С. 214, а также в публикуемых письмах Шор от 12 августа 1928 г. и 25 августа 1930 г.

³ Отец Шор не смог уехать из СССР.

⁴ О встрече со Станиславским см. следующее письмо.

87

О. Синьорелли – О. Шор

4 октября <19>32

Badenweiler-Schwarzwald

Дорогая, вот я тут уже 3 дня и пробуду еще несколько дней. Видаю Станиславского,¹ наслаждаюсь почти русской осенью. Здесь чудно. Ле-

са очаровательны. Знаю, что вышла, наконец-то, наша знаменитая книга, но я ее не видала до отъезда и представитель Караббы в Риме ничего о ней не знал!! Пишите мне. Обнимаю Вас нежно. Привет Вяч. Ив. Ваша Ольга

¹ К. С. Станиславский с М. П. Лилиной отдыхали в Баденвейлере с сентября до конца октября 1932 г. (см.: *Виноградская И.* Жизнь и творчество К. С. Станиславского. Летопись: В 4 т. 1863-1938. Т. 4. 1928-1938. М. 1976. С. 289-293).

88

О. Шор – О. Синьорелли

7 XI <19>32

Pavia

Дорогая Ольга Ивановна,

пишу наугад в Рим. Авось открытка Вас там застанет или будет Вам переслана. Рада Вашей дружбе со Станиславским; понимаю как много Вам должна дать эта встреча. Переводите ли его книгу?¹ Напишите о Худ<ожественном> Театре; теперь у Вас имеется интересный материал. Видела я в последней книжке “Согора” письма Rilke;² в них много значительного о Дузе; Вам их советую прочесть, дорогая; ведь Вам душевно близка его речь.

Купила в Милане “Переписку”. Хотелось бы поскорее получить следуемые нам экземпляры. От Carabba ни слуху, ни духу. Будьте добры, родная, исхлопотать у сего monsieur все что полагается Вячеславу Ивановичу и Гершензону. И еще к вам большая просьба. На днях В. И. получил запрос из Турина об О. Дешарт. Согласно моему желанию он ответил, что не уполномочен давать каких бы то ни было сообщений “об уважаемом авторе вступительной статьи”. Ради Бога, дорогая, не забудьте, что псевдоним ни в каком случае не должен быть раскрыт. Это – наш с Вами секрет. Возможно, что туринцы обратятся и к Вам (люди, кажется, там юркие)³ – ответьте, пожалуйста, им той же фразой, что и В. И. Знаю, дорогая, что тайны Вы хранить умеете, как мало кто, и потому совершенно спокойна.

Каковы Ваши планы? Не занесет ли Вас благая судьба опять к нам, павийским отшельникам? Черкните словечко о себе и своих. Да, – пришлите мне книжки Гершензона, кот<орые> я у Вас оставила и “Письма Огарева”, кот<орые> послала Вам в прошлом году. Все его вещи, особенно “Огарев”,⁴ мне очень нужны. Пока остаюсь в Павии; хотелось бы шмыгнуть в Рим недельки на две. Во всяком случае напишите, когда там будете в течение этой зимы. В. И. сердечно приветствует.

Нежно обнимаю и целую. Ваша Ольга

¹ Синьорелли собиралась переводить главы из книги Станиславского “Моя жизнь в искусстве” (1926). В архиве О. Шор сохранилась открытка к Синьорелли от 28 октября 1932 г. с Тирольских гор (вероятно, вернувшаяся назад), где она просила о том же: “Напишите о свидании со Станиславским; я очень рада, что вы подружились. Переводите ли его книгу или пишете о Худ. театре?” (РАИ).

² Имеются в виду четыре письма (1912-1913) австрийского поэта Райнер Мария Рильке (Rainer Maria Rilke, 1875-1926) к его близкому другу, немецкой аристократке, писательнице, автору воспоминаний о нем – княгине Марии фон Турн унд Таксис (Maria von Turn und Taxis, 1855-1934), которые были опубликованы в журнале “Corona” (1932. Hef 1. Oktober. S. 82-97); значительная часть первого из них (от 12 июля 1912) посвящена Дузе, о которой также речь идет и во втором письме (от 3 августа 1912). За указание этих сведений выражаем благодарность К. М. Азадовскому.

³ Шор намекает на запрос Льва Гинзбурга, который в письме из Турина от 15 октября 1932 г. писал, что собирается по поводу перевода “Переписки” и книги о Достоевском, изданной по-немецки, написать небольшую статью в Туринский журнал “Pegaso”, под заглавием “Rivendicazione di Venceslao Ivanov”, причем под rivendicazione <отстаивание, требование – *ит.*> он подразумевает отстаивание Иванова для итальянской культуры. “Мы бы все хотели, чтобы Вы не должны были публиковать Ваши статьи только в ‘Vigile’ и Ваши книги только в Tübingen’e”, – писал Гинзбург и прибавлял: “Для этой моей статьи мне было бы необходимо знать что-нибудь об О. Deschartes, авторе предисловия ‘Переписки’ в итальянском переводе” (РАИ, оп. 5, карт. 2, папка 17).

⁴ О посылке книги “Архив Н. А. и Н. П. Огаревых” (М. 1930) см. в письме Шор Синьорелли № 49 от 18 декабря 1930 г., примеч. 4. Из библиотеки О. Шор у Синьорелли оставались “Письма к брату” (М. 1927), а также еще какая-то книга Гершензона, что явствует из письма № 92 от 16 марта 1933 г.

...же

Вам хорошо говорить “напишите о русском театре”. Но для этого надо, чтобы это было кому-нибудь и нужно, и чтобы нашелся к этому издатель.

Уже два месяца как предлагаю Мондадори² “Моя жизнь в искусстве”,³ но не могу добиться ответа. Будь это какой-нибудь желтый роман, ответ был бы уже давно здесь. И смотрите пример нашей знаменитой “Переписки”, которой я не могла добиться в Риме, несмотря что написала Карабба, чтобы он прислал мне деньги и те 5 экземпляров, которых он мне обещал, но не только не получила никакого ответа, но не могла добиться книжки, заказав ее и у Treves⁴ и у “Modernissima”⁵ в Риме. Оба говорят, что несмотря на то, что они потребовали книжку, Карабба ее не высылает!!! Я совсем не знаю, чем это объяснить, так как

в Генуе я купила эту книгу 2 месяца тому назад, и Вяч. Ив. купил ее в Милане.

И тут Вы мне говорите про долги к Вяч. Иванычу со стороны Карабба. Об этом, конечно, и говорить нечего, так как об этом надо было бы условиться вначале, и Карабба ведь писал мне, что я ему должна буду платить за вторичный набор после корректуры первого набора.

Что Карабба не платит авторские – это я знала, и обыкновенно в эту коллекцию входят вещи, которые свободны от авторских прав. Если я получу те пятьсот лир, которые я должна получить за перевод, то, конечно, поделюсь с Вячеславом Иванычем, но очень возможно, что он мне пришлет свои “счета” (шучу, не думаю, чтобы дошло до того, но теперь, где большинство газет и журналов не платят, и то возможно).

Что касается предисловия, “я нема как рыба”, но знаю, что многие знают автора, и это не по моей вине. В Риме мне Вас называли m-me Piccolo⁶ и Spainì⁷ (подруга m-me Piccolo), и в Милане в моем присутствии об этом говорила Григорович.⁸ Я ничего не сказала, что надо об этом молчать, так как думала, что она это знает от Вас же.

В С. Ремо говорила с Пастонки⁹ о Вяч. Ив. и уговаривала его непременно пригласить настойчиво Вяч. Иваныча.¹⁰ Эти доклады будут очень интересны, и было бы очень хорошо, если бы среди эстетов – Paul Valery,¹¹ Bontempelli,¹² Margherita Sarfatti¹³ – прозвучал бы духовный тимбр Вячеслава Иваныча. Притом, кроме гостеприимства, за доклад, кажется, дают 1000 лир.¹⁴

Когда увидимся? Теперь ведь существует соблазнительная скидка 70%, и я могу Вас приютить – приезжайте. Буду очень *счастлива*.¹⁵ И тогда возьмете Гершенсона!!

Обнимаю Вяч. Иваныча и целую Вас крепко. Ольга

¹ Начало письма в фонде Шор не выявлено. Датируется по содержанию.

² Mondadori – известное миланское издательство.

³ Этот перевод в печати не появился.

⁴ Тревес – крупное издательство в Милане (1861-1939). Речь идет об одноименном книжном магазине в Риме.

⁵ Модерниссима – название книжного магазина в Риме.

⁶ Елена Пикколо (Elena Piccolo) – переводчица, корреспондентка О. Синьорелли (см. два ее письма от 1938 г. в архиве Синьорелли – ARI, VI. Т. 1. Р. 59), знакомая Ивановых. Сведений о ней обнаружить не удалось. В одном из писем Иванову в Рим (от 12 ноября 1934 г.) Шор просит передать привет от нее “милой Пиккола и всем друзьям” (РАИ, оп. 5, карт. 14, папка 4, л. 13 об.).

⁷ Вероятно, имеется в виду Роза Спаини (Rosa Spainì, урожд. Pisanescu) – жена писателя и переводчика Альберто Спаини; 25 ее писем (1922-1955) имеются в фонде Синьорелли (ARI, VI. Т. 1. Р. 69).

⁸ Елена Юстиниановна Григорович (1872-1953) – писательница, переводчица, антропософка. См. статью о ней: *Гапетто* Э. Елена Григорович – художница, антропософка, бывшая террористка // “Персонажи а поисках автора”: Жизнь русских в Италии XX века. М.: Русский путь, 2011. С. 59-71, а также статью с обзором ее писем к Синьорелли в наст. томе.

⁹ Джузеппе Пастонки (Giuseppe Pastonchi, 1874-1953) – итальянский поэт и литературный критик; почетный профессор итальянского языка и литературы в университете Турина (с 1935). О роли Пастонки в организации лекций в Казино, его взаимоотношениях с Ивановым и их переписку см. в публикации: *Giuliano G. Il sole, “signore del limite”*: Lettere di Francesco Pastonchi a Vjačeslav Ivanov // ARI, VIII. P. 105-138.

¹⁰ Переговоры о лекциях в Сан-Ремо начались раньше (см. письмо Пастонки Иванову от 14 июля 1932 г. – Там же. P. 131). 22 июля Иванов писал Димитрию: “Получил из San Remo приглашение прочесть зимой публичную лекцию, что весьма лестно” (Символ. № 53-54. С. 617).

¹¹ Поль Валери (Paul Valéry, 1891-1945) – французский поэт, эссеист, философ. Вместе с поэтессой Еленой Вакареску (Elena Văcărescu, 1864-1947) он 6 марта 1932 г. выступил в Казино с чтением “Поэтического диалога”.

¹² Массимо Бонтемпелли (Massimo Bontempelli, 1878-1960) – итальянский писатель, основатель журнала “Novecento”, автор трактата “Литературный новечентизм”, в котором предлагается формула “магического реализма”. Выступил в Казино 14 марта 1932 г. с докладом “La mia magia innocente” (Моя наивная магия).

¹³ Маргарита Сарфатти (Margherita Sarfatti, 1880-1961) – журналистка, искусствовед, коллекционер, любовница Муссолини, автор первой биографии о нем (“Dux”, 1926), сыграла определенную роль в культурных предпочтениях раннего итальянского фашизма. 30 января 1932 г. выступила в Казино с докладом “Conversazione sulla pittura contemporanea italiana” (Рассуждение о современной итальянской живописи).

¹⁴ Доклад Иванова, под заглавием “Orientamenti dello spirito moderno” состоялся 10 апреля 1933 г.; см. об этом в переписке О. Синьорелли с Е. Д. Шором во втором томе наст. издания, а также в приложении к указанной переписке Вяч. Иванова с Пастонки (ARI, VIII. P. 136-138). Впоследствии под заглавием “Discorso sugli orientamenti dello spirito moderno” доклад был опубликован в журнале “Convegno” (1933/34. № 8-12. P. 428-347), и в переводе О. Шор, под заглавием “Размышления об установках современного духа” текст был издан в: *Иванов Вячеслав. Собр. соч. Т. III. С. 453-484*. В газете “L’eco della Riviera” (Sanremo, 8-9 April 1933. № 28. P. 1) помещен анонс этого выступления, а после доклада опубликована статья о нем: *C. B. Lunedì Letterario: La conferenza di Venceslao Ivanov su “Orientamenti dello spirito moderno” al Casino Municipale di San Remo // L’Eco della Riviera. 13 Aprile 1933. № 31. P. 1*.

¹⁵ Слово подчеркнуто дважды.

О. Шор – О. Синьорелли¹

12. XII.<19>32

Pavia

albergo Gambarana

Дорогая моя Ольга Ивановна,

надеялась, что не писать Вам, а говорить с Вами буду вот теперь, в этот час. В ответ на Ваше ласковое приглашение (спасибо Вам, дорогая) хотела действительно приехать в Рим. Но по многим причинам, из которых главная – инфлюэнца Вяч. Ив. – не смогла вырваться. Про Вяч-а Ив-а, т. е. что он хворал, Лидии, пожалуйста, не говорите. Я ей не писала об этом, а теперь, когда все прошло, ее жаль волновать зря. Все же не теряю надежды Вас скоро увидеть; об очень, очень многом хочется с Вами переговорить. Напишите о своих планах. Будете ли Вы в Риме после Рождества? Скажите дружески откровенно, родная, не затрудню ли Вас своим заездом? Ведь девочки Ваши все дома – я очень боюсь Вас стеснить. Вы не церемоньтесь с Птицей-Фламинго, дорогая; птица ведь может и к Лидии под небеса взлететь. Но если Вас совсем, совсем не стесню, то с радостью проживу с Вами несколько дней; буду очень счастлива Вас видеть.²

В это письмо вкладываю две газетных вырезки, которые б. м. заинтересуют Марию. Делаю это на всякий случай; думаю, что она уже знает давно и об “Аиде”³ и о Рейнхарте.⁴ Собирается ли она участвовать в конкурсе della Scala?⁵

Получила я письмо от двоюродного брата из Берлина. Он пишет: “мой интерес к искусству Марии не убавился, только исключительно неблагоприятные обстоятельства помешали мне закончить работу. В ближайшее время снова берусь за нее и надеюсь скоро довести до конца. На днях напишу и Ольге Ивановне и Марии. Передай им мой сердечнейший привет”.⁶

Если книга Гершензона Вам нужна для работы, то какая же может быть речь о спешном возвращении. Держите ее, родная, сколько Вам нужно. Но когда не будет больше нужна она Вам, тогда, пожалуйста, пришлите. Мне тут предлагали об ней написать и ее частично издать по-итальянски. Не знаю выйдет ли из этого что-нибудь, но Вы понимаете, что я не хочу сама, своими руками портить дело моего покойного друга; хочу, конечно, сделать все от меня зависящее, чтобы ему помочь – потому и попросила Вас о скором возврате.

А вот, дорогая, на что мне хочется просить Вас ответить незамедлительно: что собою представляет пансион, в котором жила Мария в Берлине? Дело в том, что одна молоденькая графиня (23 года),⁷ существ-

во исключительно очаровательное – получила “премию” на поездку в Берлин для научных работ. По-немецки она не знает, никогда не жила одна и даже почти никогда без матери на улицу не выходила. Она, несмотря на весь свой ум и научные заслуги, – маленькая девочка, которую надо заботливо устроить, и за нее все решить. Мне бы хотелось ее сразу ввести в центр университетской жизни. Не может ли Ваш друг – Frau Cassirer⁸ дать совет. Хотелось бы на первое время найти серьезный (аристократический, если не по крови, то по духу) дом, где бы хоть немного говорили по-итальянски; иначе она будет чувствовать себя беспомощной и потерянной. За скорый ответ буду Вам бесконечно благодарна. Как хорошо было бы, если б кто-нибудь из Kassirer'ов или из их друзей сдавал бы комнату с пансионом! Простите вечные к Вам приставанья, дорогая!

Что касается Carabba, то что же тут писать? Уверена, что Вы для В. И. и без всяких просьб сделаете все, что сможете и всякие слова мои излишни. О деньгах же он спросил Вас потому, что Вы и ему и мне говорили и писали, что Carabba на этот раз делает исключение и, т. к. “авторов два”, заплатит, кроме Ваших переводческих 500 лир, еще 500 лир гонорара им обоим вместе; за предисловие же ничего не заплатит – об этом Вы тоже писали. Глуп ли просто Carabba или имеет свои хитрые расчеты – не знаю. Во всяком случае из того, что книгу люди ищут высунув язык по всему Риму и Милану, а издатель ее не дает в магазины, можно сделать любой вывод, кроме только того, что книга никому не нужна. Впрочем, я заказала 7 экземпляров у Treves, которому пришлось выписать их из Lanciano,⁹ т. к. имевшиеся у него экземпляры “все разошлись” (!), и они пришли через 8 дней благополучно. Думаю, что Carabba держит книжку из-за каких-то коммерческих соображений – никаких таинственных причин тут нет.

Кончился лист,¹⁰ и абсолютно истощилось мое свободное время; а хотелось бы еще поговорить с Вами. Ну, Бог даст, так или иначе, скоро увидимся. Сердечные приветы всем Вашим. Спасибо Вам за все. В. И. кланяется дружески.

Целую Вас нежно Ваша Ольга

¹ Это письмо хранится в FSFC, в папке “Dimitrij Ivanov”.

² В письме от 8 января 1933 г. Шор писала: “Выеду завтра и буду в Риме к 12-ому января. Остановлюсь у Лидии, но сейчас же прибегу к Вам, чтобы хоть коротко повидаться с Вами перед Вашим отъездом” (FSFC).

³ О чем идет речь установить не удалось. В Италии “Аида” ставилась ежегодно и многократно, а вырезки в фонде Синьорелли не сохранились.

⁴ Макс Рейнхардт совершил турне по Италии в 1933 г. и поставил в Флоренции (Giardino di Boboli) “Сон в летнюю ночь” и в Венеции “Венецианский купец” Шекспира.

⁵ Мария не участвовала ни в одном из конкурсов Ла Скала, начало ее сотрудничества с этим театром относится к 1940 г.

⁶ Под неблагоприятными обстоятельствами подразумевается, по всей вероятности, болезнь жены Е. Д. Шора. Указанное письмо Е. Д. Шора к О. Шор не выявлено. Об особом интересе Е. Д. Шора к кукольному творчеству Марии Синьорелли, о деятельности по устройству ее выставок и лекций о ней, а также о работе над книгой “Die tragische Kunst Maria Signorelli” см. в его письмах к Синьорелли во втором томе наст. издания (особенно в письме Е. Д. Шора к Синьорелли от 15 декабря 1932 г.); см. также его письмо В. И. Иванову от 18 марта 1932 г. (Символ. № 53/54. С. 367).

⁷ Имеется в виду графиня Анна Мария Кальви (Anna Maria, contessina Calvi di Torgiano), которой в это время помогала и покровительствовала Шор и с которой она провела каникулы в Верхнем Больцано на вилле Кун в августе 1932 г. (Ivanov Vjač. Dichtung und Briefwechsel aus dem deutschsprachigen Nachlass / Hrsg. Michael Wachtel. Mainz: Liber Verlag, 1995. S. 133). Позже профессорствовала в Кальери (Сардиния) в 1933-1935 гг. Там весной 1934 г. отдыхала Шор. Свои впечатления от Сардинии Шор описала в письме Иванову от 25-26 мая 1934 г. (ARI, III. P. 442).

⁸ Эва Кассирер (Eva Cassirer, урожд. Solmitz, 1885-1974), жена Курта Ханса Кассирера, корреспондентка Рильке; в архиве Синьорелли хранятся 50 ее писем (ARI, VI. T. I. P. 28). О ней подробнее см. в статье о немецких корреспондентах Синьорелли: Bertelé M. I carteggi in lingua tedesca di Olga “von Trastevere” // ARI VI. T. I. P. 347-368.

⁹ Т. е. из издательства Carabba, находившегося в этом городе.

¹⁰ Эта переписка сделана на верхнем поле.

91

О. Шор – О. Синьорелли

6. II. <1933>¹

<Павия>

Дорогая Ольга Ивановна, авось открытка эта Вас застанет еще в Риме. Если не будет опровергающих сообщений, то Вы 8-ого будете в С.Ремо, и значит я Вам туда через день, как мы условились, напишу. Ведь адрес Ваш – Hôtel Miramare – не правда ли? И я с грустью вспоминаю наши оборванные беседы, кот<орые> так хотелось бы продолжить. Надеюсь, что не состояние Марииного здоровья задержало Вас в Риме! Адрес Штейнера: Dr. Herbert Steiner. Winkelweise 5. Zürich (Zurigo).² Он от Вас в восторге. Я позволила себе ему сказать, что у Вас очень интересный материал о Дузе. В этом каюсь. Но я ничего конкретно не рассказывала, и Вы вольны делать или не делать дальнейших признаний. Мне по совести говоря, очень хотелось бы видеть Ваше имя среди участников “Corona”.³ Ведь в этом журнале печатаются только знаменитости; если б там появилось несколько выдержек Ваших “Воспоминаний”, то дальнейшая судьба книги была бы блестяще обеспечена,⁴ а к тому же “Corona” щедро оплачивает манускрипты.

Адреса Бердяева еще не нашла; не знаю куда запропастился; Вяч. Ив. его тоже потерял. Но дня через 3-4 я Вам его смогу узнать и пришлю в С. Ремо. Зовут его Николай Александрович.⁵ В сущности, того обрывка адреса, кот<орый> я помню, достаточно для письма, но т. к. Вам адрес нужен для специальных целей,⁶ то уж лучше раздобыть полный.

Вяч. Ив. Вам и Вашим кланяется. Сердечнейшие приветы всем Вашим. Обнимаю Вас нежно. Ваша Ольга.

Большое спасибо за адреса в Берлине.⁷ Сейчас девочка⁸ находится в Heidelberg'e, но в Берлин позднее все же поедет. Спасибо Вам. Еще целую. О.

¹ Год установлен по содержанию. На открытке ошибочно: "32".

² Герберт Штейнер (Herbert Steiner, 1892-1966) – литературный критик и писатель, основатель и издатель цюрихского журнала "Corona", где печатались переводы произведений Иванова.

³ Сотрудничество Синьорелли с этим журналом не состоялось.

⁴ Имеется ввиду книга о Дузе.

⁵ Вероятно, Синьорелли забыла имя Бердяева, с которым была знакома еще с 1923 г., когда вместе с мужем помогала устройству в Риме осенью 1923 г. цикла лекций русских философов, организованных по инициативе Итальянского Комитета помощи русской интеллигенции совместно с Институтом Восточной Европы (см. о этом в заметке "От редакции"). Адрес Бердяева Шор сообщила в следующем письме от 20 февраля 1933 г.: "...сообщаю Вам адрес Бердяева: 14, Rue de St. Cloud. Clamart (S.)" (FSFC).

⁶ Адрес Бердяева нужен был Синьорелли для того, чтобы оповестить философа, что Муссолини прочел и "очень заинтересовался" его книгой "Un nouveau Moyen Âge" (Paris: Plon, 1927). И далее Синьорелли пишет: "Он <Муссолини> высказал желание познакомиться и с 'Душой России' и с интересом справлялся о Вас. Если бы Вы прислали ему что-нибудь Ваше, было бы очень любезно. Можно послать просто: S. E. V. Mussolini Palazzo Venezia – Roma. Он читает тоже по-немецки" (см. письмо Бердяеву от 5 марта 1933). Аудиенция Синьорелли у Муссолини состоялась 11 января 1933 г. В FSFC сохранилась телеграмма из Секретариата Дуче, которая подтверждает назначенную встречу.

⁷ Письмо Синьорелли с берлинскими адресами в фонде Шор не обнаружено.

⁸ Речь идет об Анне Марии Кальви.

Дорогая, простите меня, что опять так долго молчала, но после Вашего отъезда опять простудилась и, как со мною бывает в таких слу-

чаях, железы в легких распухли и повыш<енная> температура не хотела оставить меня. Все это было так скучно и досадно, что не хотелось ни думать, ни писать, ни говорить об этом, тем более, что это совпало с таким моментом в моей жизни, где больше, чем когда-либо, хотелось быть сильной и здоровой.

Наконец-то уехала, и теперь, сегодня неделя, как я приехала сюда, чувствую себя бодро и хорошо, и с следующей недели, надеюсь, взяться за работу.

До моего отъезда послала Вам две книжки Гершенсона. Простите за задержку и большое Вам спасибо за них. Задержала с собою его письма, так как книжка мне нужна из-за письма о Дузе,¹ но если желаете, могу Вам послать книгу и списать это письмо.

Большое Вам спасибо за Ваше последнее письмо, и за то, что Вы говорили о моей работе Штейнеру. Если кое-что подойдет к его журналу из моей работы, буду очень рада, если будет там напечатано. Но обо всем этом поговорим при Вашем приезде, и я уже с большим нетерпением начинаю ждать Ваш приезд и приезд Вячеслава Иваныча. В понедельник была на докладе Casella,² народу было очень много (около 900-1000), сала великолепна, оратор весь в цветах, после доклада подаются очень вкусные вещи (и оратору толстый конверт). Casino³ – это “gran signore”.⁴ Casella читал доклад в “giacca blu” da strada.⁵ Напишу Вам как будет одет француз следующего понедельника⁶ и Ugo Ojetti. Очень жалко, что после доклада мне придется уехать, т. к. выставка Марии открывается во Флоренции 12-го апреля.⁷

Почти забыла Вам написать, что Zanotti Bianco⁸ отнес “Переписку” Principessa di Piemonte,⁹ и она очень заинтересовалась Вяч. Иванычем. Хочу написать Zanotti, чтобы он говорил ей о Лидии.

Привет Вячеславу Иванычу и обнимаю Вас нежно

Ваша Ольга Ресневич

¹ Речь идет о письме М. О. Гершензона к брату Александру от 20 ноября 1891 г., где подробно описывается его впечатление от игры Дузе в спектакле “Дама с камелиями” (Гершензон М. О. Письма к брату. С. 55-56).

² Композитор Альфредо Казелла выступил в Казино 13 марта с темой “Musica di ieri e di oggi” (Музыка вчера и сегодня). О нем см. в примеч. 6 к письму Синьорелли Вяч. Иванову № 13 от 13 февраля 1929 г.

³ Литературные понедельники, о которых идет речь, происходили в Сан-Ремо в зале театра и в Казино.

⁴ Щедрый господин (*ит.*).

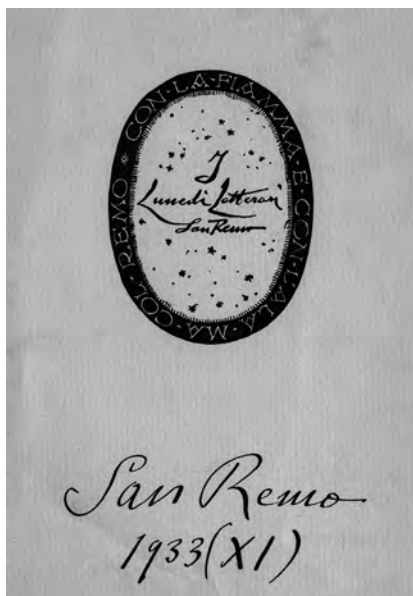
⁵ Темно-синий уличный (повседневный) пиджак (*ит.*).

⁶ В следующий понедельник 20 марта выступал швейцарский писатель Роберт де Траз (Robert de Traz, 1881-1951) с докладом “Il fanciullo” (Подросток).

⁷ Выставка Марии проходила в Sala d'Arte de "La Nazione" во Флоренции с 12 по 23 апреля 1933 г., а затем была включена в рамки ежегодного фестиваля музыки и балета – "Il maggio fiorentino" (Флорентийский май) и продлена до конца мая. Предисловие к каталогу выставки написал Джузеппе Унгаретти. Рецензии на нее см.: Mostra Signorelli a Firenze // Il Tevere. 15 aprile 1933; Sala d'Arte de "La Nazione" // La Nazione. 16 aprile 1933; Basevi G. Sala d'Arte de "La Nazione". Pitture e pupazzi // Il Nuovo Giornale. 19 aprile 1933; Espressioni d'arte moderna // La Nazione. 20 aprile 1933; Picchi G. Mostra Pincherle-Setti-Barilli-Settimelli // Il Giornale d'Italia. 29 aprile 1933; I "fantocci" di Maria Signorelli // Il Secolo XIX. 6 maggio 1933.

⁸ Умберто Дзанотти-Бьянко (Umberto Zanotti Bianco, 1889-1963) – общественно-политический деятель, публицист, археолог и филантроп; пожизненный сенатор (с 1952). Основал в 1910 г. Associazione Nazionale per gli Interessi del Mezzogiorno d'Italia и стал ее президентом (до 1951). В 1922 г. как член Комитета помощи голодающим был в России, чтобы организовать доставку продовольствия в Крым, на Украину и Поволжье. Страшные впечатления об этой поездке нашли отражение на страницах его дневника (*Zanotti Bianco U. Diario dall'Unione Sovietica 1922* // Nuova Antologia. Marzo-Aprile-Maggio 1977. № 2115-2116-2117. P. 377-489). В 1923 г. участвовал в деятельности Итальянского комитета помощи русской интеллигенции. О помощи России и русской эмиграции см. обширные сведения в его корреспонденциях: *Zanotti Bianco U. Carteggio 1919-1928*. Bari: Laterza, 1989. В годы фашизма находился под наблюдением и был арестован в 1941 г.

⁹ Речь идет о принцессе Бельгии Марии Хосе (Maria José, 1906-2001), жене Умберто II, последнего короля Италии. До воцарения Умберто ее звали "принцессой Пьемонте".



Афиша "Литературных понедельников".
Сан-Ремо 1933 г. РАИ.



Программа “Литературных понедельников” в Сан-Ремо, 1933. РАИ

93

О. Шор – О. Синьорелли

18 марта 1933 г.

Павия

Дорогая моя Ольга Ивановна,

очень обрадовалась, увидев Ваш милый почерк на конверте, прилетевшем из San Remo. Спешу ответить; потому пишу на лету и кратко, совсем не так, как хотелось бы разговаривать с Вами. Надеюсь, родная, что море, солнце и нежный воздух унесут все Ваши хворости, и Вы опять начнете жить, как хотите, и работать вволю.

Спасибо за книги Гершензона. Нет, нет, мне не нужны его “Письма”.¹ Держите их, сколько хотите, родная. Спасибо также за разрешение говорить со Штейнером² о Вашей работе. Он обещался приехать весной. Как весело было бы “пустить” Вашу Дузе в “Corona”! К сожалению, я далеко не уверена, что нам удастся увидеться в ближайшее время. Боюсь, что на доклад В. И.³ мне вырваться не удастся,⁴ но мне этого очень хочется, надежду все же еще имею. В своем последнем письме В-у И-у Спаини⁵ любезно звал меня в S. Remo. Меня глубоко

тронуло его изысканное внимание; пожалуйста, поблагодарите его за меня сердечно, скажите ему, родная, что мое совершенно неприличное молчание объясняется только тем, что мне не хочется отвечать ему коротенькой отпиской на его милое, еще летом мне присланное письмо,⁶ и лишь формально благодарить за подарок – книги Штейнера,⁷ – кот<орые> мне давно хотелось иметь и кот<орые> он подобрал со свойственной ему душевной чуткостью. Книги – две я прочитала и промедитировала – это для Спаини, вероятно, важнее моих благодарений. Если нам со Спаини дано будет увидеться – тогда существенно поговорим. К сожалению, на его просьбу прислать или указать, вернее, книгу о католичестве, я могла лишь ответить присылкой книги, данной мне В-ом И-ем, книги, кот<орая> и В-у И-у самому не очень-то нравится, но он в этом роде не нашел другой.⁸ Я бы с радостью подарила Спаини книгу Флоренского “Столп и утверждение Истины”⁹ – но, к сожалению, средостенье языка непреодолимо. В письме Спаини к В. И. были изумительной тонкости замечания о “Братьях Карамазовых”.¹⁰ Спаини обладает не только головным, но и сердечным умом, что еще гораздо больше. Во всяком случае: если б дело Рудольфа Штейнера ограничилось тем, что ему удалось сформировать хотя бы одну такую человеческую душу как Ваш санремовский друг, то Штейнер уже гениален.

Спасибо за сведения о докладах и туалетах в С. Ремо. С нетерпением жду дальнейших сообщений.

Получили ли мою открытку, посланную в С. Ремо с адресом Бердяева?¹¹ Надо кончать. Уже опоздала. Как здоровье Марии? Кончила “Фауста”?¹² На выставке во Флоренции будет и он? От души желаю триумфа.

Рада, что, наконец, знаю точно Ваш адрес и могу вернуть Вам с благодарностью свой римский долг.¹³ Как видите, родная, по дате, я этот чек таскаю больше месяца в ожидании Ваших указаний, куда его направить. Спасибо Вам за все. Вяч. Ив. просит передать Вам сердечный привет; он очень тронут, что Вы заботитесь о “Переписке” и думаете о Лидии. Рад, что Вас скоро увидит; тогда обо всем с Вами поговорим.

Не забывайте своего Фламинго и пишите ему хоть изредка.

Крепко и нежно целую Вас. Ваша Ольга¹⁴

¹ См. упоминание об этой книге в письме Синьорелли № 92 от 16 марта 1933 г.

² Речь идет о владельце журнала “Corona” Герберте Штейнере (см. о нем в письме Шор № 91 от 6 февраля 1933 г., примеч. 2).

³ Доклад Иванова состоялся 10 апреля 1933 г. См. примеч. 14 в письме Синьорелли Ольге Шор № 89 после 7 ноября 1932 г.

⁴ О. Шор удалось приехать в Сан-Ремо на доклад Иванова.

⁵ Речь идет о письме Марко Спаини от 17 февраля 1933 г. (РАИ, ф. 6, № 142).

⁶ Это письмо в фонде О. Шор не обнаружено.

⁷ О каких именно книгах Рудольфа Штейнера (1861-1925) идет речь, сказать сложно: в немецкой части римской библиотеки Иванова имеются две книги, подаренные Спаини (с его надписями), но обе более позднего времени (см.: <http://www.v-ivanov.it/literatura/biblioteca-vyach-ivanova/knigi-i-zhurnaly-na-nemeckom-yazyke>); в итальянской части имеется пять работ этого автора (см.: <http://www.v-ivanov.it/literatura/biblioteca-vyach-ivanova/knigi-i-zhurnaly-na-italyanskom-yazyke>), однако только одна из них, не содержащая инскрипта Спаини, издана до 1933 г. (Steiner R.. La concezione goethiana del mondo / Trad. di U. Tommasini. Lanciano: Carabba. 1925). Возможно, имеются в виду оттиски статей Штейнера, в большом количестве сохранившихся среди писем М. Спаини Иванову (РАИ, ф. 6, № 142).

⁸ О чем идет речь установить не удалось.

⁹ Флоренский П. А. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М. 1914.

¹⁰ Речь может идти о письме Спаини от 9 июля с анализом книги Иванова о Достоевском (РАИ, ф. 6, № 142).

¹¹ Открытка от 22 февраля 1933 г. (FSFC).

¹² Марионетки – персонажи из “Фауста”. В письме Е. Д. Шору от 31 декабря 1932 г. О. Синьорелли так описывала эти куклы: “Мария теперь работает над Фаустом, и это и есть самое замечательное, что она сделала до сих пор. Кончены пока Faust, Wagner, Valentino и Margherita spensierata, Margherita, когда влюблена и беременна, и Margherita в тюрьме и студента. Вчера кончила Мефистофеля, который ей причинял сильные мучения, но зато он вышел обаятельным. Он весь черный, в серых туфлях и весь покрыт нерегулярными кусочками зеркала, которые при освещении загораются то синими, то красными огнями, и в Саба, и при ведьме он весь горит красными пламенами. Его плащ тоже очень интересен, и лицо у него красивого светского человека. Как жалко, что нельзя Вам все это показать” (см. это письмо во втором томе наст. издания).

¹³ В письмо вложен чек на 200 лир.

¹⁴ На верхнем поле первой страницы надпись рукой Шор: “Вложен чек на 200 лир”.

Дорогая, получила Ваше милое письмо и cheque в 200 лир. Письмо Ваше меня очень обрадовало, но и огорчило тем, что Вы не уверены, приедете или нет на доклад Вячеслава Иваныча. Маленькая надежда все-таки есть, и я надеюсь, надеюсь от всей души, что в течении этих двух недель она вырастит в конкретную возможность.

Какая же может быть причина Вашего сомнения? Постарайтесь ее устранить. Как же можно не быть на докладе Вячеслава Иваныча в

С.Ремо? Добрый Спаини меня опередил, приглашая Вас. Вячеславу Иванычу уже назначена чудная комната в “Miramare”, и Вас поселим тут же близко. Доклад днем в театре, никакого особого туалета не нужно. В прошлый понедельник француз Роберт De Traz тоже читал в темной giacca. У Вячеслава Иваныча ведь есть черный костюм: это подходит и для доклада, и вечером для обеда, который будет дан в его честь в Casino, и на котором будем и мы: Спаини, я, Вы. Я бы Вам могла дать вечернее платье: у меня есть черное платье, которое для меня немного коротко, и материя такая эластичная, что оно идет и мне, и Марии, и Вере. Оно будет сидеть хорошо и на Вас.

Надеюсь, что Вяч. Иваныч и Вы приедете не позже субботы, чтобы отдохнуть, посмотреть и выбрать салу.

Спаини был тронут Вашими словами и послал Вам книгу Штейнера и показал мне, что она у него в двух экземплярах, так что Вы не должны смутиться его посылкою. Он мне одолжил “Das Antlitz von Venedig” Häusler’a.¹ Я как раз искала кое-что в этом роде о Венеции. Он спросил, не желаете ли и Вы ее посмотреть потом? Он с большим удовольствием Вам послал бы ее. Сегодня мы с Спаини едем слушать Шаляпина в Борисе Годунове в Monte-Carlo.²

Получила адрес Бердяева и написала ему.³ Выставка Марии от 12-23 апреля, и, к сожалению, я должна уехать не позже, чем во вторник вечером. Но, надеюсь, повидать Вас и Вяч. Иваныча до доклада. И кроме того я вернусь из Флоренции дней через пять.

Тут выписали в книжном магазине 20 экземпляров итальянского изд<ания> “Переписки” и 10 экз. французского издания.

Карабба такой жулик, что право того не стоит.

Жду Вас, жду Вас, жду Вас и обнимаю нежно

Ваша Ольга

¹ “Образ Венеции” (нем.). Имеется в виду книга баварского антропософа Фридриха Хауслера (Friedrich Häusler) “Das Antlitz von Venedig” (Basel 1932).

² В итальянских источниках имеются сведения о выступлении Шаляпина в театре Казино Монте-Карло 23 марта 1933 г., но название спектакля уточнить не удалось.

³ См. письмо О. Синьорелли Н. А. Бердяеву от 6 марта 1933 г. в наст. томе.

Дорогая, приехала сюда недавно, довольно усталая после Флоренции, и взялась за мою работу, чтобы довести ее до некоторого этапа,

т. к. скоро опять должна вернуться во Флоренцию. Поеду туда около 21-го и очень возможно, что заеду к Вам в эту субботу. Выезжаю из Сан-Ремо в пятницу, и очень возможно, что использую 50%, и поеду из Генуи в Милан. Это зависит от одного письма из Милана. Если туда поеду, тогда на обратном пути загляну к Вам (если это разрешит 50%).

Доклад Вяч. Иваныча остался во Флоренции у госпожи Нальди, которая перед тем, чтобы уступить бесплатно “Frontespizio”,¹ хотела хлопотать в “Pegaso”² и у “Cultura”, которая выходит в Милане.³ Надеюсь, что когда вернусь во Флоренцию, все будет уяснено, и если ничего не вышло, то передам в “Frontespizio”, где очень рады напечатать. Не видела Gui,⁴ который был очень занят в те дни, и увижу его теперь. Очень, очень хотелось бы с вами повидаться.

Мария имела очень большой успех и ее выставку продлили до конца мая.⁵

Жму руку Вячеславу Иванычу и обнимаю Вас нежно.

Ваша Ольга.

¹ “Frontespizio” – флорентийский католический журнал (1929-1938), выходивший под редакцией Пьеро Барджеллини, при ближайшем участии Д. Папини. В его сентябрьском номере в 1930 г. были опубликованы стихотворения Иванова (см. об этом выше в письмах Шор к Синьорелли № 23 от 8 марта 1930 г. и Синьорелли к Шор № 27 от 14 марта 1930 г. и в примечаниях к ним).

² “Pegaso” – литературный журнал (1929-1933), основанный Ugo Ojetti; выходил во Флоренции.

³ “La Cultura. Rivista di filosofia, letteratura, storia” – литературный, исторический и философский журнал, издававшийся в Риме с 1881 г. Руджеро Бонги; с мая 1933 г. издательство переехало в Милан. Один из самых влиятельных органов периодической печати в Италии XX в.

⁴ О желании встретиться с Гуи, чтобы хлопотать о Лидии Синьорелли сообщала в письмах к Шор и к Иванову, написанных одновременно, 30 августа 1932 г. (№ 81, 82).

⁵ О выставке Марии во Флоренции см. примеч. 7 к письму Шор № 92 от 16 мая 1933 г. Фраза вписана на верхнем поле первой страницы.

Дорогая Ольга Ивановна,

пишу в S. Remo – куда же еще Вам писать? – но вовсе не уверена, что письмо Вас там застанет, и потому лишь несколько слов. Уверена, что выставка Марии прошла с большим, для нее обычным, успехом, но

хотелось бы от Вас узнать, как все там было. Дима в Риме видел Веру и Елену, но ничего не умел рассказать о Марии. А вы сами как себя чувствуете? Надеюсь, – хорошо. Черкните, родная, хоть несколько слов о себе и своих. Вячеслав Иванович, кот<орый> просит передать Вам сердечный привет, с нетерпением ждет от Вас сообщений о судьбе его санремовского доклада. Что Вы с ним сделали? Показывали <в> S. Remo ли кому-нибудь? Он был бы Вам очень признателен за скорый ответ. Насчет писем Дузе я Е.Д.² давно написала, и он известил меня, что Вам их высылает. С радостью вспоминаю нашу короткую, но как всегда внутренне существующую встречу. Сердечный привет милым санремовским друзьям. Нежно вас обнимаю. Ваша Ольга

¹ Почтовая открытка, отправленная до получения письма от Синьорелли от 15 мая.

² Речь идет о копиях писем Дузе, хранящихся в архиве Рильке, которые Е. Д. Шор копировал для Синьорелли (см. об этом подробнее в письмах Е. Д. Шор к Синьорелли во втором томе наст. издания).

97

Вяч. Иванов – О. Синьорелли

24 мая 1933

Pavia

Collegio Borromeo

Дорогая Ольга Ивановна,

Пока Вы еще во Флоренции, спешу уведомить Вас, что мне вовсе не по душе видеть мою статью напечатанной в “Cultura”.¹ Что касается “Pegaso”, я был бы очень рад, если бы она появилась на его страницах. Но так как она, мне кажется, не вполне соответствует его направлению,² я предполагаю, что редакция, взяв статью для прочтения, или отвергнет ее по происшествии некоторого, быть может значительного времени, или будет тянуть дело, отговариваясь изобилием материала. Все это мне не нравится, почему я и просил Вас в S. Remo показать ее Папини и услышать немедленно его совет и решение. Если Вам не удалось это сделать и если в “Pegaso” не дали тотчас утвердительного ответа, а просили ждать, – другими словами, если там не были ей рады, – я прошу Вас немедленно передать ее в мой “Frontespizio”, будь то через Папини, или же прямо в руки Piero Bargellini,³ с которым Вам хорошо было бы познакомиться.

Очень надеюсь увидеться с Вами через немного дней в Павии. Скажите Марии всю мою любовь и поздравления с серьезным и важным успехом во Флоренции. Передайте, пожалуйста, мою дружескую память и глубокий сердечный привет г<оспо>же Нальди. Если увидите

Папини, скажите ему, как я его люблю, как восхищен его новой книгой (о Данте), поздравьте его от меня с почестями, которые ожидают его через четыре дня,⁴ – и что я сам ему пишу.

Не обманите наших – т. е. моих и Фламинго – надежд и навестите нас в Павии. Желаю Вам доброго здоровья и всего светлого.

Преданный Вам всецело
Вячеслав Иванов.

Фламинго очень просит Вас известить ее телеграммой о дне и приблизительном часе Вашего приезда, как только Вы сами будете это знать, для соответствующего распределения ее времени и прочих мероприятий, причем нежно Вас и Марию обнимает.⁵

¹ Причины резкого отказа печататься в этом органе не совсем понятны; возможно, они были совершенно личными, а именно активное участие в нем писателя и переводчика Льва Гинзбурга, с которым у Иванова были сложные отношения.

² Видимо, Иванов считал, что статья не подходит для журнала Ойетти "Pegaso", который был скорее не религиозно-философского, а критико-художественного направления.

³ Пьеро Барджеллини (Piero Bargellini, 1897-1980), писатель, главный редактор журнала "Il Frontespizio".

⁴ Папини за книгу "Живой Данте" (*Papini G. Dante vivo*, Firenze: Libreria Editrice Fiorentina, 1933) 28 мая 1933 г. была вручена только что учрежденная награда "Premio Firenze". Эту премию великодушно посоветовал дать Папини сам Муссолини, вместо намечавшейся на эту премию его собственной книги "Vita di Arnaldo" (см. об этом: *Ridolfi R. Vita di Giovanni Papini*. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 1996. P. 160).

⁵ Приписка Иванова на полях. Сбоку рукой О. Шор: "С подлинным верно. Фламинго" (над подписью рисунок птицы).

12 июня <1933>

Сан-Ремо

Дорогая, простите, как всегда, мое молчание. Я вернулась сюда уже неделю тому назад, но погрузилась в работу и еще не успела Вам написать.

Флоренция меня утомила, билет кончался, и я не могла к вам захватить, хотя обещала мой визит к Галарати Скотти.¹ Так и не удалось мне увидеть Гуи; он был очень занят, так как принимал участие во многих предприятиях флорентийского мая.

Рукопись Вячеслава Иваныча я передала Папини. Это потому, что это желал Вячеслав Иваныч. Я, лично, предпочла бы передать лично

очень симпатичному директору “Frontespizio”.² Пусть Вячеслав Иванович ему напишет, и я тоже ему напишу, чтобы он взял рукопись у Папини.

Надеюсь все-таки заехать к вам до поездки в Рим. Поеду в Рим в начале августа.³ А до того буду здесь.

Привет сердечный Вяч. Ив. Обнимаю Вас нежно, как люблю
Ваша Ольга

¹ Герцог Томмазо Галларати Скотти (Tommaso Gallarati Scotti, 1878-1966) – поэт, писатель и политик, автор воспоминаний об Иванове в Колледжо Боррмео (см.: *Шинкин А.* Вячеслав Иванов и Италия // *ARI*, I. P. 521-522). О несостоявшейся встрече Синьорелли с ним и Ивановыми в Павии в начале июня, куда она собиралась заехать после закрытия выставки Марии во Флоренции, см. ниже, в письме Иванова Синьорелли № 99 от 21 июня 1933 г.

² Piero Bargellini.

³ Эта поездка не состоялась.



Вяч. Иванов в Сан-Ремо. Апрель 1933 г. РАИ

Вяч. Иванов – О. Синьорелли

21 июня 1933
Almo Collegio Borromeo
Pavia

Дорогая Ольга Ивановна,

Как жаль, что не пришлось увидаться с Вами до Вашего возвращения в San Remo!

Где же Мария? Итак, выставка в Милане отложена?¹

Il duca G<allarati> S<cotti> был у меня в тот день, когда, судя по Вашему письму из Флоренции, он рассчитывал застать Вас в Павии. Я предполагал, по его приглашению, завтракать или обедать у него с Вами в тот день, когда я приехал бы в Милан на выставку Марии.

Благодарю Вас за Вашу заботу о моей статье, о которой уже писал мне Piero Bargellini; она появится во Frontespizio.

Herbert Steiner настоятельно просил мне сообщить ему Ваш адрес, но я не знал, где Вы. Откликнетесь на его зовы по адресу: Herr Dr. Herbert Steiner, c/o Frl. Würtenberger, Dr. Fünkh-Gang, Schloss Schönbrunn, Wien, XIII, Austria.

В настоящее время хлопоты Лидии о cittadinanza italiana в такой стадии, что влиятельная рекомендация неотложно нужна, даже необходима. И она просит Вас не отказать ей в Вашей доброй помощи и написать о ней Вашему другу, губернатору о. Родос² (Arpinati³ ушел). Я со своей стороны поддерживаю перед Вами, наш добрый бесценный друг, ее просьбу.

Спаини пишу одновременно: он бесконечно добр.⁴ Кланяйтесь от меня сердечно Cavicchioli,⁵ которому вскоре напишу много.

Желаю Вам доброго здоровья, душевной светлости и плодотворной работы над Вашей нетерпеливо ожидаемой книгой.

Ваш всем сердцем Вячеслав Иванов

О какой Antologia dei poeti russi, ed. Treves, пишет мне Спаини?⁶ Может быть это второе издание книжки Нальди?

¹ Сведениями об этой предполагавшейся выставке мы не располагаем.

² Речь идет о Марио Лаго. О помощи Синьорелли в получении Лидией гражданства см. в преамбуле к наст. публикации.

³ Леандро Арпинати (Leandro Arpinati, 1892-1945) – ближайший сподвижник Муссолини, глава Олимпийского комитета и Федерации футбола Италии, с 1927 г. владелец спортивного журнала "Il Littoriale"; подеста (глава администрации) города Болоньи до

1929 г и секретарь Министерства внутренних дел; в 1933 г. был устранен Муссолини от должности и политики и сослан на остров Lipari.

⁴ Со времени возвращения Иванова из Сан-Ремо Спанин послал ему 6 писем, первое из которых сопроводил собранием стихотворений Р. Штейнера "Bein Läuten der Glocken"; в последующих письмах также оказывал ему знаки внимания и почтения (РАИ, ф. 6, № 142).

⁵ Джованни Кавикьоли (Giovanni Cavicchioli, 1894-1964) — поэт, романист, литературный критик, антропософ. Автор воспоминаний об Иванове: *Cavicchioli G. Venceslao Ivanov: 1866-1949 // L'albero. 1957. № 13-16. P. 71-82.* О нем, его русских контактах, а также публикацию его наиболее значимых писем к Иванову см. в работе: *Garzonio S., Sulpasso B. "Cresce la messe di cui ella sarà falciatore": Lettere di Giovanni Cavicchioli a Vjačeslav Ivanov // ARI, VIII. P. 141-168;* здесь же републикованы воспоминания Кавикьоли об Иванове (Р. 169-181). Один из ближайших "санремовских" друзей Синьорелли: в ее фонде (APES) сохранилось около 600 его корреспонденций. Подробнее о роли Кавикьоли в жизни Синьорелли см. *Rizzi D. Olga Signorelli nella storia culturale italiana della prima metà del Novecento // ARI, VI. T. 2. P. 76-77, 84-90.*

⁶ Об этом Спанин пишет в письме от 18 июня 1933 г. (РАИ, ф. 6, № 142). Речь идет о первом и единственном издании антологии "Antologia dei poeti russi del XX secolo", вышедшей под редакцией Р. Олькеницкой-Нальди (Milano: Fratelli Treves, 1924).

100

О. Шор — О. Синьорелли

19.VII. <19>33

<Павия>

Дорогая Ольга Ивановна,

спасибо Вам за Ваше милое письмо.¹ Хотелось на него ответить толком, но это желание, к сожалению, выразилось лишь тем, что я задержала Вам ответ, а письма так и не написала. Дни летят дико; ничего не успеваешь. Но дня через два занятия поредеют,² и тогда напишу Вам толком; сейчас же лишь на лету хочу сказать Вам, что Вас никогда не забываю и нежно держу в сердце. Ждали мы Вас здесь, ждали, а вы так и обманули наши мечты. Когда теперь увидимся? Б. м. летом удастся встретиться где-нибудь? Верочка кончила университет или кончает в октябре? Сердечный ей привет.³ Прочла некоторые рассказы Кавикьоли;⁴ очень хорошо; у него большой изобразительный дар; тонкий и беспощадный глаз; отличное мастерство. В. И. ему кланяется и обещает написать. Он, как всегда в это время года, себя не очень хорошо чувствует. Уедет, вероятно, в начале августа, еще неизвестно куда.

Спанин бесподобен. Стоит о чем-нибудь подумать, как он моментально отвечает присылкой книги Штейнера на эту тему. Очень хотелось бы его повидать. Поблагодарите его сердечно за меня, родная; скажите, что не пишу ему, т. к. не удастся сказать точно то, что хоте-

лось бы сказать, а приблизительно говорить не хочется. Лидия сама даст Вам все сведения о себе.⁵ В. И. Вас благодарит и дружески приветствует.

Обнимаю и люблю нежно. Ваша Ольга.

¹ Это письмо от конца июня или начала июля 1933 г. в фонде Шор не обнаружено.

² Шор преподавала в Экономическом институте Павийского университета. В письме от 16 июля 1933 г. она просит Лидию обратиться к Анджело Синьорелли, чтобы он выхлопотал ей продление визы и сообщает о себе сведения, в частности, пишет, чтобы Анджело не упоминал “то, что Флом в Фин<ансовом> Институте сидит – <...> вся работа по подготовке птенцов – благотворительная и только отнимает у Флома время и силы” (РАИ, оп. 5, карт. 14, папка 3, л. 10об.). В одной из сохранившихся открыток Шор к директору Экономического института Павийского университета Б. Грициотти (от 29 апреля 1935 г.), она называет себя его ассистентом, вероятно, ассистируя на его занятиях и экзаменах (РАИ).

³ В письме № 102 от 2 августа 1933 г. (см. ниже) Синьорелли подробно отвечает на этот вопрос.

⁴ Речь идет о рассказах из сборника “Le nozze di Figaro” (“Женитьба Фигаро”, 1932), который был подарен Иванову автором и с датой 26 апреля 1933 г. (см. ее в библиотеке Иванова <http://www.v-ivanov.it/literatura/biblioteca-vyach-ivanova/knigi-i-zhurnaly-na-italyanskom-yazyke>).

⁵ Речь идет о помощи Синьорелли в получении Лидии Ивановой итальянского гражданства. Вероятно, в несохранившемся письме Синьорелли содержалась просьба к О. Шор прислать необходимые анкетные данные Лидии. Сведения о себе Лидия Иванова сообщает Синьорелли на отдельных листах, при письме от 17 июля 1933 г., где она горячо благодарит Синьорелли “за желание помочь в этом деле” (FSFC). Однако получение итальянского гражданства затянулось из-за задержки справок из России. К хлопотам были подключены разные именитые люди, в частности, граф Манони и бывший посол в России граф Аттолико. В письме к Синьорелли от 13 сентября 1934 г. Лидия писала: “Дело в том, что если до 1 Октября я не итальянка, моя симфония, которую вы брали в Augusteo не может быть исполнена. Папа пишет, что может быть следует обратиться к самому Муссолини” (FSFC).

Дорогая моя Ольга Ивановна,

спасибо за весточку. Очень рада была услышать хоть издалека Ваш милый голос.

Несколько дней тому назад прочла оссоргинское <так!> описание Вашего “салона”; посылаю Вам вырезку, хотя Вы, вероятно, видели уже эту статью.² Жаль, что она не по-немецки написана, а то я послала

бы ее Вашему поклоннику Г. Штейнеру, кот<орый>, к слову сказать, в каждом письме спрашивает Ваш адрес и просит Вас приветствовать.

Надеюсь увидеть Вас в Риме, где думаю быть в середине сентября. Вяч. Ив. сердечно благодарит вас за Вашу верную дружбу и заботу об Лидии и просит передать Вам и Вашим душевный привет. Мы очень огорчились, что судьба опять провела Вас мимо нас, теперь, Бог даст, встретимся в Риме. Лидия наняла дом в Альбано, куда и В. И. и Дима отправляются на днях.

Мечтаю о тихих долгих беседах с Вами, дорогая, а пока что в ожидании их пристаю к Вам согласно своему ужасному обыкновению с чужими просьбами и делами.

Вероятно, Вы уже получили письмо Евсея Давидовича с просьбою исплопотать ему краткосрочную визу.³ Как обстоит дело с книгой о Марии, Вы знаете, вероятно, лучше, чем я.⁴ Во всяком случае, Е. Д. хочет ее сейчас закончить, снабдить всеми нужными фотографиями, чтобы она была готова к печати. Для этого ему необходимо увидеть фигуры. В Риме он хочет быть естественно тогда, когда и Вы там будете, значит в сентябре. Если он будет хлопотать о визе в обычном порядке, то ему в Италию раньше ноября не попасть: ужасная волокита. Поэтому к Вам покорнейшая просьба нажать своей магической ручкой нужные пружинки для ускорения визной процедуры. И прежде всего ответьте, родная, на след<едующие> вопросы:

1) нужно ли Е. Д. подавать анкеты в Берлине или Вы можете разрешение для него получить и без того?

2) хотите ли Вы, чтобы он указал как цель своей поездки в Рим работу над книгой о Марии, или это Вам почему-нибудь нежелательно. Он без Вашего разрешения этого делать не хочет и потому медлит с подачею анкет.

3) может ли сослаться на Вас в пункте "Referenze in Italia"⁵?

На всякий случай прилагаю посланный им мне опросный лист; б. м. сведения там указанные Вам пригодятся.⁶

Буду Вам бесконечно благодарна за немедленный, хотя бы лишь принципиальный ответ. Очень весело было бы всем встретиться в Риме и провести вместе недели две. Пойдем вместе на Верочкин докторский экзамен, кот<орый> наверное будет блестящим.

Второе дело – это Ваш старый protégé – Ганчиков.⁷ Он выдержал конкурсный экзамен на штатное место в лицее и теперь дрожит, что его пошлют к черту на куличики. Он собирается получить приват-доцента и делать научную карьеру, почему для него отъезд из Милана и разрыв связи с католическим университетом – "смерти подобен". Вот он и полагает свою судьбу в Ваши добрые руки и просит замолвить за

него кому надо словечко, чтобы ему дали место лучше всего в Ломбардии, если нельзя, то в Пьемонте, но не дальше; тогда он сможет поддерживать отношения с Университетом. Его имя пишется Dr. Leonida Gancikoff (vincitore dell'ultimo concorso di Filosofia e Storia).⁸

Простите, дорогая, что причиняю Вам столько беспокойства. Откликнитесь! Мне из Павии раньше половины сентября не выбраться. Поэтому теперь и еще долго можно писать сюда. А затем надеюсь обнять вас реально, что пока горячо и нежно делаю заочно.

Целую Марию и Елену; мужу Вашему сердечный привет.

Душевно Ваша Ольга

¹ Месяц установлен по почтовому штемпелю и содержанию письма (см. ссылку на статью М. А. Осоргина). На письме указан год фашистской эры: "XII".

² Имеется в виду статья: *Осоргин Мих.* Встречи: Итальянцы // Последние новости. 30 июля 1933. Отправленная Шор вырезка сохранилась в архиве Синьорелли (FSFC). Цитату из этой статьи, с характеристикой салона, см. в преамбуле к письмам Михаила Осоргина во втором томе наст. издания.

³ В переписке Синьорелли с Е. Д. Шором упоминается о предстоящей поездке в Италию, но июльское письмо с просьбой о визе отсутствует.

⁴ См. подробнее о работе над монографией в преамбуле и в переписке Е. Д. Шора с Синьорелли во втором томе наст. издания. Из-за вынужденной эмиграции из Германии книга не была закончена и издана.

⁵ Имена людей, которые могут его рекомендовать (*ит.*).

⁶ В фонде Синьорелли этот опросный лист не сохранился.

⁷ Судя по письмам Вяч. Иванова к Шор, Ганчиков потерял в сентябре 1932 г. работу в миланском лицее, поэтому ему пришлось участвовать в общем конкурсе на преподавательское место.

⁸ Победитель последнего конкурса по философии и истории (*ит.*).

Дорогая, получила Вашу открытку и опять очень затосковала с Вами поведаться. Напишите мне, когда Вы уезжаете из Павии, где будете летом? Я еду в Рим 5 или 6 августа, и 9 едем на Капри. Если Вы еще в Павии, не исключается, чтобы я не заехала к Вам.¹ Напишите мне сейчас об этом. Кавикиоли едет через Милан в Cortina D'Ampezzo² и очень хотел бы поговорить с Вячеславом Ивановичем, т.е. выслушать его мнение в одном вопросе, который мучает его, и он не знает, с кем посоветоваться, кроме Вяч. Ив.

Жду, значит, Вашего ответа, чтобы решить.

Вера кончила все экзамены и даст свой тезис в октябре. Как жалко, что Вы и Вяч. Ив. так далеко... В Риме нет почти никого, кто бы мог ее посоветовать, и она работает почти одна. Она очень развилась за этот год и стала очень трогательной и умной. Она прожила у меня тут две недели, и все очень полюбили ее. Она останется в Риме на лето, т. к. получила место библиотекариши в доме Keats'a.³ Я буду на Капри до конца августа, в Риме за весь сентябрь, и в октябре опять тут.

Обнимаю Вас нежно и жму руку Вяч. Ив. Ваша Ольга

¹ Судя по письму Шор от 24 августа 1933 г. (РАИ), Синьорелли не смогла и на этот раз заехать в Павию.

² Курортное место в Альпах.

³ Имеется в виду дом-музей Джона Китса (John Keats, 1795-1821) в Риме на Piazza di Spagna, где поэт провел последние годы своей жизни. Среди писем Синьорелли к Иванову сохранилась октябрьская открытка от Веры Вяч. Иванову с фотографией дома Китса; здесь она пишет, что успешно защитила дипломную работу. В этом музее Вера работала всю жизнь.

103

О. Синьорелли – О. Шор

4 августа <1933?>,¹ С. Ремо

Дорогая, спасибо за Ваш немедленный ответ, но, к сожалению, еще раз придется откладывать поездку. К<авикьиоли> раздумал остановиться теперь и хочет передвинуть свою поездку до осени, чтобы быть более “готовым” для тех вопросов, кот<орые> хочет ставить В. И. Я тоже должна быть в Риме 7-го, так как 9-го мои хотят ехать на Капри. Увижу В. И. или в Риме или в Равелло,² и Вас, или в сентябре в Риме, или в Павии, возвращаясь сюда в октябре. Всего светлого, и К<авикьиоли> шлет сердечный привет Вам и В.И. Обнимаю Вас нежно О.

¹ Год установлен предположительно по содержанию: упоминание о не состоявшейся поездке Кавикьиоли к Иванову.

² Вяч. Иванов провел свои вакансии осенью 1933 г. не в Равелло, а в Альбано, местечке под Римом.

104

О. Синьорелли – О. Шор

20 августа <1933>¹
Capri, Hôtel Splendid

Дорогая, вот я уже несколько дней тут, но никак не собралась Вам написать. Где Вяч. Ив.? Получила “Frontespizio” с отрывком его докла-

да.² Что нового о Диме, о Лидии? И я и мои в Риме хлопотали о Лидии, но не знаю, вышло ли что-нибудь.³ Я буду на Капри до 3-го сентября, потом в Риме до 25-го, и после того в Санремо. Если не раньше, тогда увидимся. Целую Вас нежно. Ваша Ольга

¹ Год установлен по почтовому штемпелю.

² В августовском номере этого журнала была опубликована финальная часть (гл. VI и VII) санремовской лекции Вяч. Иванова под заглавием "Il mito di Edipo" ("Миф об Эдипе") (Il Frontespizio. Agosto 1933. P. 3-5).

³ Речь идет о хлопотах по поводу получения гражданства. 12 сентября 1933 г. Шор сообщает Ивановым, что получила письмо от Синьорелли с вложением двух писем от Родосского губернатора Лаго и еще одного "компетентного лица", которому Лаго писал по просьбе Синьорелли о проблемах, связанных с гражданством Лидии (РАИ, оп. 5, карт. 14, папка 3, л. 11).

105

О. Синьорелли – Вяч. Иванову

7 января <19>34

Рим

Дорогой друг,

от души благодарю за приветствие к Новому году. Желаю и Вам всего Светлого. Читали ли Вы краткий отзыв о "Переписке" в "Vita e Pensiero" в августе или в сентябре? Это писал мой друг францисканец F. M. Anselmo Tommasini.¹ Жму сердечно руку. Ольга Ресневич

¹ Речь идет о заметке монаха-францисканца, сотрудника Pontificio Ateneo Antoniano (Папский университет в Риме), Ансельмо М. Томмазини (Anselmo M. Tommasini, 1876-?): "De Thesaurio": Due concezioni della cultura // Vita e pensiero (Milano). 1933. № 8. P. 517-520. В фонде Шор (РАИ) среди писем Синьорелли имеется библиографическая карточка с точной ссылкой на эту рецензию. Отклик О. Шор на эту рецензию см. в следующем письме. В фонде Синьорелли сохранилось 12 писем А. Томмазини (ARI, VI. T. I. P. 72). Синьорелли способствовала знакомству Томмазини не только с Вяч. Ивановым, но и Е. Д. Шором (см. ее письмо к последнему от 3 апреля 1934 г. во втором томе наст. издания).

106

О. Шор – О. Синьорелли

10. 2. <19>34

<Павия>

Дорогая Ольга Ивановна,

простите, что лишь теперь благодарю Вас за присылку Вашей теплой, хорошей статьи о Белом:¹ все хотелось написать большое письмо,

до кот<орого> никак не могла дорваться; теперь решила не откладывать далее и послать Вам хоть коротенький привет. Знаете ли Вы, что Бор<ис> Ник<олаевич> умер от последствий солнечного удара;² процитированные (чудесно переведенные) Вами стихи получают еще особый, пророческий смысл.³ Собираетесь ли к нам? Мы очень ждем. Статья Вашего друга в “*Vita e Pensiero*” в общем хороша. Он так глубоко и тонко понял учение о Памяти, лишь слегка намеченное Вяч-ом Ив-ем в “Переписке”, что ему за это почти что можно отпустить грех абсолютного непонимания Гершензона и нескладность нескольких грубых фраз о нем.

Не знаю, удастся ли мне приехать на выставку Марии. Когда она открывается и сколько продлится?⁴ От души желаю ей триумфа.

Всем сердечные приветы и поцелуи (кому можно).

В. И. Вас благодарит и душевно приветствует.

Обнимаю нежно. Ваша Ольга.

¹ Речь идет о некрологе Синьорелли, см.: *Resnevic O. La morte di Andrea Bieli (1880-1934) // L'Italia Letteraria. 21 gennaio 1934. № 5. P. 7.*

² Эта версия смерти Андрея Белого была распространена в эмигрантских кругах: ср.: “Умер он, как известно, 8 января 1934 г., от последствий солнечного удара” (*Ходасевич В. Ф. Некрополь. Paris 1976. С. 99*). На самом деле Белый умер от склероза сосудов мозга и серии кровоизлияний. Солнечный удар, случившийся за полгода до смерти в Коктебеле, “только ускорил неизбежную развязку” (см. диагноз профессора А.И. Абрикосова: Андрей Белый: посмертная диагностика гениальности, или штрихи к портрету творческой личности / Публикация М. Л. Спивак // *Минувшее. 1998. Вып. 23. С. 450*; то же в кн.: *Спивак М. Л. “Мозг отправьте по адресу...”*: Владимир Ленин, Владимир Маяковский, Андрей Белый, Эдуард Багрицкий в коллекции Московского института мозга. М.: Астрель-Corpus, 2010).

³ В конце указанного некролога Синьорелли поместила собственный перевод стихотворения Андрея Белого “Друзьям” (1907), где упоминается смерть поэта от “солнечных стрел”.

⁴ Вероятно, речь идет о новом проекте сцены (под названием “*Pluriscenio M*”), над которым Мария работала в это время; сцена представляла собой многочисленные сценические площадки. В фонде Иванова имеется описание проекта: *Signorelli M., Rende C. Progetto per un nuovo teatro italiano, ideato e presentato da Maria Signorelli e Carlo Rende* (Проект нового итальянского театра, придуманного и представленного М. Синьорелли и К. Ренде). Roma: Arte della Stampa, 1934. Проект “*Pluriscenio M*” был экспонирован на выставке “*Le stanze del libro*”, которая проходила в Foro italico в Риме в 1934 г.

107

О. Синьорелли – О. Шор

5-го апреля <1934>

Сан-Ремо

Дорогая Ольга Александровна,
посылаю Вам эту прозу Веры.¹ Прочтите ее вместе с Вячеславом Ив., и будьте добры, послать ее потом Евсею Давидовичу в Рим. Не думаю, чтобы Вера ему дала бы ее, она в этом отношении очень скромна, и я тут не могу достать другого журнала.

Мне к Вам большая просьба: хотела бы получить от Вас “Столпы Православия”² и книгу Эрна о Gioberti.³ Теперь о последнем много говорят в Италии, и, если о ней никто другой не пишет, мне представляется возможность о ней поместить статью.⁴ И только в таком случае она мне нужна.

“Столпы Православия” Вы могли бы дать мне, когда я к Вам заеду – и тогда я отвезла бы обратно книгу Эрна. Будьте спокойны за ту и другую книгу: я же знаю, какие они редкость.

Заеду к Вам должно быть около 20-го апреля.

Жму сердечно руку Вячеславу Ив. и обнимаю Вас нежно

Ваша Ольга

¹ Речь идет об эссе дочери О. Синьорелли Веры “Salendo”, опубликованном в газете “L’Italia letteraria” (1 aprile 1934. № 18. Р. 6), вырезку из которой Синьорелли прислала Шор 5 апреля 1934 г.; она сохранилась среди писем Синьорелли к Вяч. Иванову (РАИ).

² Имеется в виду книга П. А. Флоренского “Столп и утверждение истины” (М. 1914).

³ Книга В. Ф. Эрна “Философия Джоберти” (М. 1916) имела в библиотеке Иванова. Эту книгу Синьорелли упоминает в письме к Шор № 18 от 31 августа 1929 г., как полученную от вдовы Эрна через Шор из Парижа. Возможно, это был экземпляр, принадлежащий Шор.

⁴ Статья Синьорелли о книге Эрна в печати не появилась.

108

О. Шор – О. Синьорелли

12. IV. 1934

<Павия>

Дорогая моя Ольга Ивановна,

очень обрадовало нас Ваше желание к нам приехать. Ждем с нетерпением. Галарати-Скотти¹ нет сейчас в Милане, но он, кажется, скоро вернется туда. Эрновский “Джоберти” к Вашим услугам; я его приготовила для Вас. Не поняла я только, здесь ли Вы его хотите посмотреть,

чтобы решить, нужен ли он Вам, или просите меня его теперь выслать. Я отправлю его Вам немедленно; только черкните словечко. “Столп и утверждение истины” В. И. постарается для Вас достать. В. И. просит передать Кавикьоли сердечный привет; он напишет ему большое письмо и все ждет его в Павию.

Верино описание Aracoeli² очень хорошо: глубоко почувствовано и изящно сказано. В. И-у оно так понравилось, что он оставил его у себя, и мне пришлось написать Е<всею> Д<авидович>у, чтобы он сам попросил его у Веры. Дима, приехавший вчера вечером, сообщил, что Мария у Вас и передал мне от нее изображение прекрасных птиц, Фламинговых братьев. Обнимите ее за меня и поблагодарите сердечно. Милого Спаини вспоминаем часто с глубокой нежностью и благодарностью. В душе остался как улыбка его тихий, светлый образ.

В. И. и Дима просят Вас и Марию душевно приветствовать. Всем другим поклонны и наилучшие пожелания. Ждем Вас и любим.

Обнимаю нежно Вас и Марию. Ваша Ольга

¹ О Галларати-Скотти см. в письмах Синьорелли к Шор № 98 от 12 июня 1933 г. и Иванова к Синьорелли № 99 от 21 июня 1933 г.

² Речь идет об описании римской базилики Santa Maria dell'Aracoeli на Piazza Venezia в эссе дочери Синьорелли “Salendo”.

109

О. Синьорелли – Вяч. Иванову

6 мая <1934>¹

S. Remo

Дорогой Вячеслав Иванович,

как всегда, очень осталась тронута Вашим теплым, сердечным гостеприимством² и, приехав в Турин, хотела сейчас же написать и поблагодарить вас обоих, но там, сверх всякого ожидания, нашла столько материала для моей работы, что, читая и записывая, осталась в Турине два дня, почти не выходя из гостиницы.³

Турин мне очень понравился: полюбила его, как люблю Геную и Руту, и все те другие места, что любил Ницше.

Теперь я уже несколько дней здесь и продолжала начатую в Турине работу, несмотря на присутствие Веры (в которую, как Вы говорите, я влюблена), которая приехала ко мне на неделю. От Веры я узнала, что Лаго в Риме, и завтра напишу ему о Лидии,⁴ и надо писать Лидии, чтобы она зашла к нему к концу этой недели.

Не получила я обещанного “Convegno”⁵ и той книги о русской мысли, или русской идее, которую не успела взять тогда, когда я уезжа-

ла, когда *taxi* опаздывал, и поезд опоздал, и я, приехав в Милан, еле успела к поезду в Турин, и не могла позвонить Gallarati Scotti!

Очень Вас прошу, если можно, пришлите мне “*Convegno*” и книгу о русской рел<игиозной> мысли, где переданы идеи Флоренского,⁶ и, если можно, книгу великого князя Александра⁷ для Испании.

Друзья Вас вспоминают, и вспоминаем Вас с большой нежностью. Ольга Александровна, должно быть, уже уехала, и мой привет вряд ли застанет ее. Прошу сообщить мне ее адрес.

Кавикиоли опять собирается к Вам и хотел бы знать, не помешал ли бы Вам, заезжая теперь. Он едет через Милан в эти дни: не раньше 10-го и не позже 20-го мая, и проедет опять через Милан, возвращаясь от 10–20-го июня. Он хотел бы знать, когда было бы удобнее для Вас, чтобы спокойно побеседовать. Он очень любит тихую монастырскую жизнь, и было бы очень хорошо, если бы он мог видеть Вас и побеседовать с Вами, в Вашем чудном Collegio.

Еще раз спасибо от всей души, и нежно жму Вашу руку.

Ваша Ольга Ресневич

¹ Датируется по содержанию.

² 20 апреля 1934 г., как и собиралась, по дороге в Турин из Сан-Ремо, через Милан Синьорелли заезжала в Павию к Ивановым.

³ В Турине Синьорелли напряженно работала над найденными ею материалами о Дузе и кино, о чем сообщала Е. Д. Шору в письме от 17 мая 1934 г.

⁴ Речь идет о продолжающихся хлопотах через Марио Лаго (“губернатора Родоса”) о получении Лидией итальянского подданства.

⁵ Имеется в виду специальный выпуск журнала “*Il Convegno*” (Milano 1933. №. 8–12), посвященный В. И. Иванову. Журнал был послан Синьорелли далеко не сразу: только 6 июня О. Шор осведомлялась о его получении (см. ниже).

⁶ О какой именно книге идет речь установить не удалось.

⁷ Вероятно, речь идет о “Книге воспоминаний” великого князя Александра Михайловича (Сандро, 1866–1933), только что вышедшей по-русски в “Библиотеке Иллюстрированной России” (Париж 1933). Синьорелли запрашивала у Вяч. Иванова для Испании, по всей видимости, или французский (*Grand Duc Alexandre de Russie Quand j'étais Grand Duc*. Paris: Hachette 1932), или немецкий ее перевод: *Alexander von Russland, Einst War ich ein Grossfürst*. Leipzig: P. List Verlag, 1932 (оригинал вышел по-английски).

Дорогая Ольга Ивановна,
по просьбе Вяч. Ив. отвечаю Вам незамедлительно; потому пишу лишь несколько слов на лету.

В. И. хочет с Кавикьоли иметь настоящее душевное свидание; потому просит его приехать лучше в июне. Сейчас он растерзан как Дионис. Его рвут со всех сторон различные обязательства делового, научного и авторского характера; все дни заняты, даже праздники. В июне он будет свободен. Кав<икьиоли> он ждет с большой радостью.

Книгу Вам вышлю завтра. Ее, вынудив для Вас, стал читать сам В. И. и только теперь кончил.¹

Пожалуйста, родная, сообщите мне адрес Елены Юстиниановны:² она в письме его забыла указать.

Я уезжаю в начале будущей недели. В воскресенье увижу Галл<арати>-Скотти:³ скажу, что Вы его хотели и не смогли повидать. Рада, что Вы работаете.

Всем друзьям сердечные приветы. Верочку и Вас нежно обнимаю. Ваша Ольга

¹ См. о присылке книги в письме Синьорелли к Иванову № 109 от 6 мая 1934 г.

² Е. Ю. Григорович.

³ Герцог Tommaso Gallarati Scotti летом 1934 г. неоднократно приезжал к Ивановым в Павию. См. упоминание о повторном его визите в письме Иванова Шор от 28 мая 1934 г. (ARI, III. P. 433).

111

О. Шор – О. Синьорелли

6. VI 1934

<Cagliari (Sardegna)>

Дорогая Ольга Ивановна,

не знаю, застанет ли Вас эта открытка еще в S. Remo. Пишу на всякий случай. Convegno¹ Вы наверное уже давно получили. Эти три экземпляра Вам лично и в Ваше распоряжение, но с просьбой подарить кому Вам угодно из личных или литературных друзей – и только. Очень хотелось бы Вас повидать и обо многом переговорить. Когда будете в Риме? Я – числа 21 или 22 июня, но лишь проездом. Сообщите мне, пожалуйста, адрес Елены Юстиниановны.² Всем друзьям сердечные приветы. Целую нежно. Ваша Ольга

¹ Имеется в виду специальный выпуск "Il Convegno", посвященный В. И. Иванову.

² См. ту же просьбу в письме № 110 от 9 мая 1934 г., что указывает на длительные задержки ответных писем Синьорелли.



Слева направо: С. И. Амаглобели, Мария Синьорелли, А. Я. Таиров и Ольга Синьорелли после международной конференции о театре. Рим. Июль 1934 г.

112

О. Синьорелли – Вяч. Иванову

23 июня 1934

S. Remo, Hôtel Miramare

Дорогой Вячеслав Иванович,

Вы меня простите, что я Вам до сих пор не ответила: не поблагодарила за два номера “*Convegno*”, которые получила уже недели две тому назад, и за присланную мне книгу о восточном христианстве. Благодарю теперь за все вместе. Надеюсь, что могу держать еще книгу о восточном христианстве: она мне очень полезна и нужна.

Мне кажется, что и “*Convegno*” вышел очень удачным. Жалко, что не все переводы хороши, но это мелочь.¹ Прекрасна статья Ганчикова.² Ольга Александровна тоже хорошо справилась, раскрывая Ваши дела!³ Это ведь всегда очень трудно. Но вышло хорошо, деликатно: я эту статью отчасти знала.⁴

Я работаю много и останусь в Санремо, может быть до конца августа. Очень бы хотелось повидаться с Вами и с Ол. Ал. Как долго Вы еще в Павии?

О Лидии напишу Gino Scarpa⁵ и графу Staffetti⁶ в Министерство иностранных дел.

Спаини сказал, что если кое-какие из тех его книг, которые у Вас, Вам не нужны, чтобы Вы их выбрали и дали бы Кавикиоли, когда он к Вам заедет на следующей неделе.

Адрес Григорович: Villa “Mio Rifugio”,⁷ но она все собирается уехать.

Кланяйтесь Лидии и Ольге Александровне, по которой очень тоскую, и сердечно, очень сердечно жму Вашу руку.

Ваша Ольга Ресневич

¹ В “*Convegno*” на с. 365-383 были опубликованы 17 поэтических произведений Иванова; из них первые шесть – авторский перевод (“*L’ospite*”, “*Il paradiso terrestre*”, “*Palinodia*”, “*Regina viarum*”, “*La cupola*”, “*La primavera al camposanto*”); следующие семь – поэтическая версия Ринальдо Кюфферле (“*La via d’Emmaus*”, “*Due tronchi da una folgore incendiati...*”, “*La Menade*”, “*La vigna di Dioniso*”, “*Satis est*”, “*Cappelle votive*”, “*Il corno alpino*”); стихотворение “*La prima porpora*” (“Первый пурпур”) – перевод Р. Кюфферле; стихотворение “*Le fiaccole (Ditirambo)*” (“Факелы (Дифирамб)”) поэтически переложил Энрико Дамиани, и два стихотворения “*Dagli inni ad Eros*” и “*La poesia*” перевела Р. Нальди-Олькеницкая. Можно предположить, что менее всего Синьорелли нравились авторские рифмованные переводы, звучащие для привыкшего к верлибру итальянского уха необычайно архаично. См. замечания О. Синьорелли о “петраркизмах” в авторских переводах стихов, включенных в текст “Переписки из двух углов” (письмо ее к Шор № 70 от 31 января 1932 г.).

² Имеется в виду статья Л. Ганчикова "A realioribus ad realia" (II Convegno. 1933. №. 8-12. P. 352-362).

³ Имеется в виду краткая биография Иванова ("Cenni Biografici"), подготовленная О. Шор за подписью "O. Deschartes" (Там же. P. 384-408).

⁴ Как свидетельствует Лидия Иванова, статья явилась переработкой обширной биографической части первоначального варианта предисловия Шор к "Переписке": биографическая часть в окончательном варианте предисловия заняла 7 маленьких страниц (Иванова Л. Воспоминания. С. 229-230).

⁵ Джино Скарпа (Gino Scarpa, 1886, Montegiorgio-?), дипломат, в 1934 г. служил в Министерстве иностранных дел в Риме в роли консула второго класса, затем состоял в дипломатической миссии в Коломбо и Калькутте, в 1936 г. был назначен генеральным консулом в Одессу (см. в списке служащих в МИДе: R. Ministero degli Affari Esteri. Stati di servizio del personale. Roma 1937. P. 408).

⁶ Граф Пьер Карло Стаффетти (Carlo Staffetti, 1900, Massa-?), дипломат назначенный в Москву в 1928 г., затем в 1930 г. работал в Одессе и в Крыму, впоследствии – во Франции, в Рагузе и Пекине. В 1934 г. он был консулом в Министерстве иностранных дел в Риме (Там же. P. 436). К Стаффетти Синьорелли обращалась также, запрашивая визу для Е. Д. Шора; сведения о его литературной деятельности см. в примеч. 2 к письму Синьорелли к Е. Д. Шору от 18 сентября 1933 г. во втором томе наст. издания.

⁷ Дословный перевод: "Мое убежище" (*um.*).

113

О. Синьорелли – О. Шор

28.VII.<19>34

S. Remo, Hôtel Miramare

Дорогая Ольга Александровна,

от души благодарна Вам, Вячеславу Ивановичу и Лидии за ваши поздравления в день моего Ангела.¹

Ваш привет меня очень тронул и приятно поразил.

Как Вы, может быть, знаете, Вера в Лондоне и едет дальше в Cambridge. Вернется к концу августа. Мария едет с отцом на Родос, Елена у меня и останется тут до конца августа.

Пишите мне о вас всех, о ваших планах, о том, где вы будете летом? Очень, очень хотелось бы с вами повидаться.

Отложила и хотела послать Вам статью Папини о Толстом.² Но не посылаю. Статья поверхностна и неприятна, и тем более неприятна, что когда произошло бегство Толстого, Папини написал очень прочувствованную статью: может быть лучшее, что написано о Толстом в Италии.³ Но мне вспомнилось Гетовское: "Wo du nicht lieben kannst, gehe vorüber"⁴ и бросила эту статью.

В понедельник пошлю Лидии лекарство, которое ей в прошлом году помогло.⁵

Пишите мне о вас всех. Сегодня пойду с Еленой к Спаини. Я в эти дни познакомилась ближе с его женою, и мне очень жалко ее.⁶ Она сказала, что по дороге в Милан хотела повидать Вяч. Ив., но побоялась такого большого человека. Я ее ободрила.

Обнимаю вас всех троих сердечно. Ваша Ольга

¹ Имеется в виду сохранившаяся в архиве Синьорелли открытка с датой на почтовом штемпеле: 23.07.34: "Нежно поздравляем с именинами Ольги Мудрой. Вячеслав Иванов, Фламинго, Лидия" (FSFC).

² Вероятно, речь идет о статье: *Papini G. Vita senza miracoli di Leone Tolstoi // Corriere della Sera. 31 maggio 1934. P. 3.*

³ Имеется в виду статья: *Papini G. Preghiera per Leone Tolstoi (prima della morte) // La Voce. 24 novembre 1910. P. 344.*

⁴ Если не можешь полюбить, пройди мимо (*нем.*). Эта крылатое выражение приписывается Гете неосновательно.

⁵ В письме от 13 сентября 1934 г. Лидия благодарит Синьорелли "за присылку пилюль" (FSFC).

⁶ Кто была жена Спаини установить не удалось. В послевоенном письме от 10 августа 1954 г., сообщая Синьорелли новый адрес Спаини, Шор характеризует его спутницу таким образом: "Объявился Спаини, и я спешу сообщить Вам его новый адрес. Их выгнали из миланской квартиры, и они (т. е. он и его "Магдалина") живут в деревне. Деревня находится близ Милана (2-3 трамвайных остановки). Его адрес: *Marco Spaini – Rozzano per Cassino (Milano)*. 'Маркиза' больна, он, конечно, в отчаянии и, конечно, без денег, но продолжает утверждать, что все это необходимый опыт, что крест надо нести до конца, и он не отказывается его нести. Человек все же замечательный" (FSFC).

114

О. Шор – О. Синьорелли

10. XI. <19>34, Павия

Дорогая Ольга Ивановна,

теперь Вы уже, наверное, в С. Ремо, куда с благодарностью направляю свой долг Вам.¹ Надеюсь, что Вам хорошо. Буду благодарна, если черкнете словечко о себе и своей работе.

Как себя чувствует наш славный Спаини? Удастся ли ему справиться со всеми практическими трудностями, кот<орые> на него свалились? У нас пока ничего нового и определенного нет. В. И. провел тут 2 дня после Швейцарии, где имел громадный успех.² Теперь он с Лидией в Риме. Жду весточки Вашей, нежно обнимаю. Ваша Ольга

P.S. Мой адрес: c/o Nobil Donna Anita Calvi. Via Boezio 6. Pavia³

Можно, конечно, по-прежнему писать на Albergo Gambarana.

Еще целую. La-même

¹ Вложен чек на 125 лир.

² 30 октября 1934 г. Иванов прочел в Цюрихе лекцию “Über die geistigen Grundtendenzen der Zeit” (немецкий вариант итальянского эссе “Размышления об установках современного духа”), о чем сообщил Шор в письме от 31 октября 1934 г. (см.: ARI, III. P. 444-445); через несколько дней он повторил ее в Люцерне.

³ Осенью Шор жила у контессы А. Кальви в ее пустующем доме в Павии.

115

О. Синьорелли – О. Шор

19 ноября <19>34

Дорогая моя,

простите, что только теперь отвечаю на Ваше милое письмо от 10 ноября. Спасибо за чек (125 лир).

Была очень занята после приезда: отослала издателю том современных русских писателей¹ и вернулась к работе о Дузе.

Пишу Вам это письмо по дороге в Турин: оставила за мною цветущие поля гвоздик, проехала осенний пейзаж, подымаясь на горы, и после длинного туннеля, вот – ослепительная зима: Лимонэ!²

Тут снег высотою в метр.

Завтра открывается выставка Марии,³ и хотелось посмотреть. Возвращаюсь в Сан Ремо в среду.

20 ноября. Начала это письмо в поезде, но он стал потом так сильно трястся <так!>, что пришлось перестать. Кончаю его уже в Турине.

Я очень счастлива, что Вы поселились у Вашей contess'ы: по крайней мере, за Вами будут немножко следить и заботиться. А то обыкновенно это Ваша миссия! И Вы были такая усталая в Риме, что я об этом и думать не могу: сердце сжимается при одном воспоминании.

Надеюсь, есть у Вас хорошие вести о Евсее Давидовиче: я больше ничего не знаю. С милым Спаини, который теперь завален заботами, чтобы привести в порядок большой беспорядок, часто вспоминаем Евсея Давидовича. Спаини очень жалеет, что его не видел. Хотел поехать в Рим, но не смог, хотел пригласить Евс<ея> Дав<идовича>, послать ему и билет: не посмел!

Кавикиоли теперь в своем захолустье и кончает свою книгу.⁴

Я очень рада, что Вяч. Ив. имел успех. Дай Бог, чтобы что-нибудь-то уладилось, и чтобы мог устроиться.⁵

Надеюсь, что увижу и Вас в Риме, когда поеду туда на Рождество.

Обнимаю и целую Вас крепко Ваша Ольга

¹ О какой антологии идет речь установить не удалось.

² Лимоне – горнолыжный курорт в альпийских горах Пьемонте, на расстоянии 100 км. от Турина. Ольга Синьорелли из Сан-Ремо направлялась в Турин на открытие выставки Марии.

³ Выставка “fantocci” Марии Синьорелли состоялась в Турине во время “XXXV Esposizione della Società degli amici dell’arte di Torino (Palazzo Lascaris)” <XXXV Выставка Общества друзей искусства Турина (дворец Ласкарис)>. На ней Мария получила серебряную медаль. Римская газета “Il Messaggero” опубликовала фотографию ее деревянных кукол (24 novembre 1934. С. 3). Репродукцию “Girls” см. на сайте: http://www.collezionemariasignorelli.it/i_fantocci_di_signorelli_foto.htm.

⁴ Имеется в виду город Мирандола (в провинции Модена), где родился и работал Кавикьоли. Речь может идти о подготовке сборника рассказов “Avventura del pagliaccio” (“Приключение шута”), который вышел в 1935 г.

⁵ В это время Иванов оказался без работы и ожидал ответа от Н. П. Оттокара о получении места профессора во Флорентийском университете, в котором ему было в конце концов отказано. См. об этом подробнее в письмах Н. П. Оттокара к Вяч. Иванову, опубликованных С. Гардзонио (Вестник истории литературы и искусства. М. 2006. № 3. С. 518-522).

116

О. Шор – О. Синьорелли

9 июля 1935

<Рим>

Дорогая Ольга Ивановна,

справку о Толстом могу дать сейчас же:¹ он родился в Ясной Поляне 28 авг. (9 сент.) 1828 г. и умер в Астапове 7 (20) ноября 1910 г.

Что касается гимна Бернулли,² то постараюсь его найти. Мне чудилось, что я его видела в “Ист<ории> матем<атики>”, кажется, но его там нет, ошибка памяти. Поищу в какой-нибудь истории ренессанса или в сочинениях самого Бернулли. Если и лишь только найду его, незамедлительно Вам пришлю. Постараюсь!

Когда вернетесь, дорогая? Ждем Вас с нетерпением. Здесь все, слава Богу. Мария принесла книгу Пастонки со своими иллюстрациями.³ Рисунки прекрасны; мы все были в восторге, счастливы, что Мария так блестяще выступила на новом поприще, раскрыв новую сторону своего таланта. Пьеса Пастонки превосходно написана. В-у И-у она чрезвычайно нравится; он сам хочет писать Пастонки. Лидия получила подданство, и ей хотелось бы поблагодарить Лаго. Куда можно ему писать? Дима сдал экзаменов за два года; надеется в будущем году уже кончить. Едет на 2 месяца в Швейцарию обучать какого-то юношу французскому языку;⁴ потом приедет в Рим.

Евсей Дав<идович> меня много раз о вас спрашивал, жалуется, что Вы ему ни разу не написали.

К Вам большая просьба: спросите, пожалуйста, у Кавикьоли не знает ли он чего-нибудь о судьбе “Дамаска”.⁵ Евс<сей> Дав<идович> несколько раз запрашивал Гванда, но тот не отвечает. В каком положении дело с печатанием книги? Сделан ли уже перевод? выйдет ли она к осени? Была бы Вам очень благодарна за ответ на эти вопросы. Как поживает милый Спаини? Что пишет, чем волнуется Кавикьоли? А главное: как себя чувствуете Вы сами? Над чем работаете? Вяч. Ив. и Лидия сердечно приветствуют. Поклоны всем друзьям.

Обнимаю Вас нежно.

Ваша Ольга

¹ Письма Синьорелли с этими вопросами в фонде Шор не обнаружено.

² О чем точно идет речь не ясно: многие представители знаменитой семьи математиков Бернулли (Bernoulli) занимались проблемами музыкальной акустики.

³ Речь идет об иллюстрациях Марии Синьорелли (костюмы “Маура”, “Нова”, “Симма”, “Пьетро Брза” и “Аэли”), использованных для постановки трагедии Пастонки “Симма” в миланском Teatro Lirico в 1936 г. Высокую оценку и пьесы и рисунков Марии см. в письме Иванова к Пастонки от 7 августа 1935 г. (ARI, VIII. P. 134; рисунки Марии опубликованы: Там же, иллюстрации № 28-32). В издании трагедии, имеющемся в библиотеке Иванова, иллюстрации отсутствуют (*Pastonchi. F. Simma. Milano: Mondadori, 1935*); судя по авторскому инскрипту книга была подарена Иванову 22 августа 1935 г. О провале постановки пьесы см. в письме Синьорелли Е. Д. Шору от 9 февраля 1936 г. во втором томе наст. издания.

⁴ Дмитрия пригласили репетитором в семью мэра маленького городка в Верхнем Провансе; см. его воспоминания об этом в кн.: *Обер Р., Гфеллер У. Беседы с Дмитрием Вячеславовичем Ивановым*. СПб. 1999. С. 89-90.

⁵ Имеется в виду готовящийся в издательстве Гванда итальянский перевод книги *Schor J. Deutschland auf dem Wege nach Damaskus. Luzern: Vita nova Verlag, 1934*, который вышел через год, см.: *Schor Ives. La Germania sulla via di Damasco / Traduzione italiana di Liliana Scalero. Modena: Guanda, 1936*.

117

О. Синьорелли – О. Шор

8.VIII <19>35

S. Remo

Дорогая Ольга Александровна,

я еще тут и еду на Капри 10-го авг<уста>, но прямо из Генуи.

Получила Вашу милую открытку. Написала Пастонки о желании Вяч. Ив. написать ему о его книге, и это его очень обрадовало. Он писал, что Вяч. Ив. non facile giudice.¹ Пусть Вяч. Ив. ему напишет. Это его очень обрадует. Адрес Francesco Pastonchi: Cantù (Como). Я бы хотела тоже, чтобы Вяч. Ив. искал Padre Tommasini (Padre Anselmo M.

Tommasini) в монастыре S. Antonio, Via Merulana. Он написал рецензию о “Переписке” в Vita e Pensiero.² Пусть Вяч. Ив. ему пишет от моего имени. Может быть, что через это знакомство может прийти какая-нибудь материальная помощь для Вяч. Ив.³ Tommasini – чуткий и добрый человек.

Я на Капри в Hôtel Splendid. В конце августа, должно быть, буду в Риме. Обнимаю вас нежно всех Ольга

¹ Строгий судья (*ит.*)

² См. о Томмазини и об этой рецензии в письме Синьорелли к Шор № 105 от 7 января 1934 г. и отклик Шор на нее в письме № 106 от 10 февраля 1934 г.

³ В 1936 г. Иванов был приглашен в ватиканский Папский Восточный институт и в семинарию Russicum, но в этот первый год после возвращения в Рим из Павии не имел постоянного заработка, и Синьорелли пыталась найти возможность помочь семье.

118

О. Синьорелли – Ивановым¹

11 апреля <19>36

S. Remo

Дорогие мои,

Христос Воскресе, и всего, всего вам всем наилучшего.

Вспоминаю вас всех, и очень бы хотелось с вами повидаться. Вернусь в мае, во второй половине мая, и надеюсь застать вас всех.

Читала о докладе Муккермана.² Как жалко, что меня не было в Риме в то время. Я знаю его последнюю книгу,³ в прошлом году писала в его издательство, желая перевести его книгу, но мое письмо осталось без ответа.

Читала тут роман Augustus, Günthera Birkenfeld’a (Cotta’sche Buchhandlung nachfolger-Stuttg<art>)⁴ и думала о Лидии. По-моему она могла бы конкурировать⁵ в S. Remo. По живописи и по скульптуре прислали такие незначительные вещи и все какие-то неизвестные имена, что жалко за премий <так!> в 50.000 лир!

Обнимаю всю вашу кучу и жму ваши руки. Ваша Ольга

¹ На конверте в качестве адресата указан “Prof. Venceslao Ivanov”.

² Фридрих Мукерман (1883-1946), писатель, религиозный философ, иезуит; во время Мировой войны был капелланом немецкой армии; в 1918 г., выучив польский язык, стал ксендзом главного костела в Вильно и активно помогал бедным и голодающим. В 1919 – арестован большевиками; с приходом к власти нацистов ушел в подполье, в середине 1930-х гг. жил во Франции и Швейцарии, скрываясь от Гестапо. В 1935-1937 гг. одновременно с Вяч. Ивановым преподавал в Папском Восточном институте в Риме

(*Bërd P.* Русская идея (преамбула) // Символ. № 53-54. С. 93). Автор ряда книг, в том числе воспоминаний о своем заключении у большевиков. В журнале "Der Graal" напечатал отклик на немецкое издание "Русской идеи" (1930), о котором как о "серьезном" Иванов писал к Э. Метнеру 18 декабря 1930 г. (Вопросы литературы. 1994. № 3. С. 308. Публ. В. Сапова). По предположению М. Вахтеля (*Vaxтель М.* Вяч. Иванов и журнал "Hochland" // *Europa Orientalis*. 2002. № 2. Р. 67, прим. 13; ср. Р. 90, прим. 21), ему также принадлежит юбилейная по характеру статья об Иванове, анонимно изданная в журнале "Der Graal" (Mai 1936). В письме Синьорелли речь идет о докладе Мукермана о Владимире Соловьеве, который был прочитан 22 или 23 марта 1936 г. в Pontificio Istituto di Studi Orientali. Длинную рецензию на эту лекцию, под заглавием "Oriente e Occidente in Solowjew" (Восток и Запад в учении Соловьева) см. в газете: *L'osservatore romano*. 23-24 marzo 1936. Р. 2; здесь упоминалось также присутствие на докладе "почтенного Вяч. Иванова, который был другом и учеником Соловьева".

³ В библиотеке Иванова имелаась книга Мукермана "Goethe" (Bonn 1931); возможно эту книгу, вышедшую в Бонне в издательстве "Verlag der Buchgemeinde", собиралась переводить Синьорелли; ему принадлежала также вышедшая позже монография "Vladimir Soloviev" (1945).

⁴ "Август" Гюнтера Биркенфельда (издательство, книжный дом наследника Котта, Штутгарт) (*нем.*). Речь идет о романе: *Birkenfeld G.* Augustus. Roman seines Lebens. Stuttgart: Cotta, 1934. Ассоциация с Лидией, вероятно, возникла благодаря сходству названия романа с названием главного римского концертного зала (Augusteo), где исполнялись пьесы Лидии.

⁵ Т.е. участвовать в конкурсе.

119

О. Синьорелли – Вяч. Иванову

11 мая <19>36

S. Remo, Hôtel Miramare

Дорогой Вячеслав Иванович,

Позвольте поздравить Вас с премией Академии,¹ о которой узнала от Елены, которая была тут до неделю <так!> тому назад.

Несколько недель тому назад советовала Лидии работать для конкурса по музыке. Писала об этом Ольге Александровне, и надеюсь, что она получила это письмо.²

Тема конкурса грандиозна, и сама жизнь изо дня в день представляет все больше и больше вдохновения к такой теме!

Я не знаю, кто из молодых композиторов, кроме Лидии, мог бы ее исполнить. Я надеюсь, что Лидия над этим работает.

Я много думала о Лидии, сочувственно была с нею и с Вами, когда узнала о смерти Респиги.³ Я мало знала его, но эта смерть меня очень огорчила. Мне казалось, что он пал на пути, не достигнув того, чего должен был бы достигнуть, духовно.

Вернусь в Рим в июне, и тогда увидимся и о многом переговорим.

Как поживает Дима? Когда возвращается в Италию? Напишите мне его адрес.

Привет сердечнейший всем вам троим от вашего верного друга
Ольги Ресневич

¹ Весной 1936 г. Иванов получил от Королевской итальянской академии премию “за литературную критику и деятельность мыслителя и писателя” (см.: *Sulpasso B. Dalla corrispondenza di Vjačeslav Ivanov con gli slavisti italiani // Europa Orientalis. 2008. P. 294-295*).

² Писем Синьорелли к Шор за 1936 г. пока не обнаружено.

³ Отторино Респиги – композитор, педагог Лидии Ивановой, умер 18 апреля 1936 г.

120

О. Синьорелли – Вяч. Иванову

5 июля <1936>¹
Санремо

Дорогой Вячеслав Иванович,

знаю, что Вы и все Ваши меня забыли, хотя Штейнер мне писал, что часто вспоминали меня.² Но сведем счеты, когда вернусь, и вернусь я около 20 июля.

Вы мне не ответили на два мои письма, и не знаю, приняла ли Лидия мой совет работать для конкурса по музыке. Надо представить композицию, если не ошибаюсь, к концу августа.

Очень прошу Вас ответить на это письмо и сообщить мне адрес Димы. Напишите мне, там ли он, и как долго он там останется?

Очень возможно, что в конце следующей недели я еду на два дня в те края, и с большим удовольствием навестила бы Диму. Это я ему обещала.

Имею Ваши известия от Кавикиоли, который приехал дней пять тому назад, и очень тронут, как Вы его приняли.

До скорого свидания, мои неверные и все же дорогие друзья.

Обнимаю вас всех.

Ваша Ольга Ресневич

¹ Год установлен по почтовому штемпелю.

² В фонде Синьорелли сохранилось 19 писем литературного критика и издателя Герберта Штейнера (ARI, VI. Т. 1. Р. 70), знакомство с которым произошло при посредничестве О. Шор (см. ее письмо Синьорелли от 6 февраля 1933 г.).

121

О. Синьорелли – Вяч. Иванову

6 июля <1936>¹

S. Remo

Дорогой друг, вслед за моим вчерашним письмом посылаю Вам это, и очень прошу Вас посоветовать кое-что.

Zanfrognini,² философ, который ищет Бога, но он мне кажется типичным человеком прошлого века. Очень хорошо уже то, что он ищет дать духовное направление своим сыновьям. Их двое.

Я ему писала, что посоветуюсь с Вами, но видно, что он что-то торопится решить!

Я видела его два раза в моей жизни, и меня трогает, что он обращается ко мне по такому важному делу, и чувствую, конечно, и всю ответственность такого решения.

У Вас есть опыт в этих вопросах. Может быть послать их туда, где был Дима? Кажется, что в S. Gallo³ есть хороший collegio. Zanfrognini – человек состоятельный, но все-таки надо считаться с теперешними временами. И мальчиков двое! Очень, очень буду Вам благодарна за ответ.

Сердечно жму руку.

Ваша Ольга Ресневич

¹ Год установлен по почтовому штемпелю на конверте.

² К письму приложены два напечатанных на машинке письма Zanfrognini к Синьорелли от 5 и 27 июня 1936 г., содержащие изложенную в этом письме просьбу. В архиве Синьорелли хранится 3 письма Пьетро Дзанфроньини и 18 писем его жены – более позднего времени (ARI, VI. T. 1. P. 76). О нем см. в примеч. 6 к письму Шор № 51 от 5-7 февраля 1931 г.

³ San Gallo – итальянское название города Санкт-Галлен в восточной высокогорной части Швейцарии.

122

Вяч. Иванов – О. Синьорелли

7 июля <19>36

Via Monte Tarpeo 61

в этом доме жила Дуже¹

Дорогая Ольга Ивановна,

Вы знаете мою неспособность к исправной переписке, и потому не сердитесь на меня слишком, и не приписывайте мое молчание “неверности”. Благодарю Вас за дружеское участие и поздравление. Благодарю Вас также за Лидию и от ее имени. Да, она чувствует себя осироте-

лой по смерти Респиги, а писать для Сан Ремо (к чему я всегда ее убеждал) препятствует ей приготовление к конкурсу: через неделю она должна будет держать экзамены. Спешу ответить на оба Ваши сегодняшние письма. Постоянный адрес Димы: villa Obéron, traverse Malakoff, Aix-en-Provence département des Bouches du Rhône. Там живет Madame Eléonore Rosé с семьей, где он чувствует себя, как у родных. Письма, адресованные ему “par les bon soins de Madame Rosé”,² будут тотчас ему пересланы, и – прибавлю – я уверен в самом милом приеме, если бы Вы заглянули в villa Obéron. Но сам Дима вот уже второй месяц проводит учителем в Château St. Antonin, chez M. Maurin de Carnas par Aix-en-Provence – в 12 километрах от Экс. Ему можно писать и через M-me Rosé, и через M-r Maurin de Carnas. Вскоре, а именно после 15 июня, он думает ехать в Швейцарию (может быть, даже заедет по дороге к нам со своей карточкой журналиста), но его планы еще очень неопределенны. Разумеется, он был бы счастлив увидеться с Вами (спишитесь с ним), и по делу Zanfognini Вам было бы полезно с ним увидеться, полезнее, чем говорить со мною, потому что о школах не могу дать Вам никакого определенного совета. По нашему опыту могу сказать, что классический лицей при бенедиктинском аббатстве в Энгельберге прекрасное учреждение, где учат дельно и толково, без педантизма, принимая во внимание личные особенности учеников и не относясь к ним бюрократически, как это часто наблюдается в итальянских лицеях, воспитывают же в строго религиозном духе, но без фанатизма и духовного гнета. Отношение к воспитанникам у бенедиктинцев – отечески участливое. Впрочем, Дима был приходящим, он не жил в интернате, потому что условия жизни в интернате ему были в тот период еще продолжающегося лечения немного суровы. Климат горный (выше 1000 метров), глетчеры спускаются к самому Энгельбергу, большая красота высокой горной долины. Преподавание по-немецки. Кроме Энгельберга есть еще, говорят, хорошие collèges (с программой лицея), католические и не католические во Freiburg, где легко получить и дипломы: бакалавреат французский, годный, по-видимому (как и энгельберский) и для Италии. Но Дима, разумеется, описал бы все это точнее.³ Есть на свете очень хорошие школы, обычно в руках католических орденов, – признаваемые за прекрасные воспитательные заведения и не-католиками; но я о них ничего не знаю. Если упомянете обо мне в письмах к Zanfognini, передайте ему мое почтение и сердечный привет. С нетерпением жду нашего свидания. Обнимаю сердечно нашего друга Spaiñi.

Дружески преданный Вам

Вячеслав Иванов

Мукерман, кажется, еще в Риме. В свое время я говорил ему, что Вы хотели переводить что то из его сочинений (но что именно?).

Лидия и Фламинго Вас нежно целуют. С Фрейбургом Фламинго имеет косвенные отношения и, если это Вас интересует, может навести справки.

¹ Приписка Иванова. Об этом “сюрпризе” Ивановы узнали, уже въехав в дом на Via Monte Tarpeo, см.: *Иванова Л.* Воспоминания. С. 235.

² Добрыми попечением Мадам Розэ (фр.).

³ Подробно ответ на запрос об учебных заведениях изложен в письме Лидии Ивановой к Синьорелли от 14 августа 1936 г.: “Фламинго узнавала насчет мальчиков. Профессор советует устроить этих мальчиков в Domodossola в прекрасном collegio dei padri Rosminiani. Это прекрасная школа, с дивными условиями, и физическими, и моральными. Там прекрасная подготовка – у них не бывает случая провала на экзаменах. Фламинго лично встречала студентов, прошедших эту школу, и она на нее производила превосходное впечатление. Профессор тоже ее определенно советует, если ищут хорошего духа и хорошей католической формации. Если же дело в изучении языка, то мальчиков нетрудно устроить в Фрейбург, где лучший (хотя и самый трудный) лицей S-t Jean <...> Фламинго же думает, что если вопрос в языках, то полезней знать немецкий, и в этом случае тогда отдать их в Энгельберг. Если Энгельберг Вас интересует, то сейчас там Дима и может навести все справки” (FSFC).

123

О. Синьорелли – Вяч. Иванову

5-го января <1937>¹

Рим

Дорогой друг,

я была очень тронута, что Вы так жалели, что я не пришла вчера!

Так как Кавикиоли остается и завтра, то решили прийти к Вам завтра вечером, и Кавикиоли прочтет Вам кое-что из своего романа.² Если Вам завтра будет неудобно, то Вы нас прогоните скоро. Принесу Лидии приглашение на четверг от Марии.³

Сердечно жму руку. Ольга Ресневич

¹ Год установлен по почтовому штемпелю.

² Речь идет о романе “Il bambino senza madre” (“Ребенок без матери”), который был издан в 1943 г.

³ С 4 по 7 января 1937 г. шли три кукольных спектакля Марии в Sala dei Concerti Intimi на улице Boncompagni в Риме: “La boîte à joujoux” (Debussy), “Bastien et Bastienne” (Mozart) и “La legende dorée” (Yvette Guilbert).

124

О. Синьорелли – Вяч. Иванову

5 июля <19>38, Сан Ремо

Дорогие мои, вот я уже собираюсь к отъезду и шлю вам всем сердечный привет. Еду 11-го.¹ Очень прошу, сообщите мне адрес Димы. Послала Цуккони² хороший экземпляр книги.³ Надеюсь, что получила. Вышла 25-го рецензия в "Popolo di Roma".

Обнимаю вас всех сердечно. Ваша Ольга

¹ Синьорелли уезжала в Прованс.

² Анджела Дзуккони (Angela Zucconi, 1914-2000, газетный псевдоним – Paria), поэт, писатель, архивист, журналистка. Ей принадлежит очерк "Venceslao Ivanov a Roma" (L'avvenire d'Italia. 9 agosto 1935) и статья "Gli abitatori della Grande Isola: interpretazione di un grande artista" (L'avvenire d'Italia. 12 febbraio 1941), где пересказана интерпретация Вяч. Ивановым цикла "Великий остров" художника А. Я. Белобородова (сообщено А. Б. Шишкиным).

³ Речь идет о книге Синьорелли о Дузе: *Resnevic-Signorelli O. La Duse*, Roma: A. Signorelli, 1938.

125

О. Шор – О. Синьорелли

18 декабря 1939 г.

Рим

Дорогая моя Ольга Ивановна,

сердечное письмо Ваше меня глубоко тронуло.¹ Вы с таким тактом и с такою душевною нежностью передали желание нашего до святости великодушного Спаини, что Ваше дружеское участие могло быть только приятным В.-у И.-у, почему я ему показала Ваше письмо немедленно по его получении. Он был рад и тронут; просит Вас горячо благодарить.²

Хотела ответить Вам сразу. Но неожиданно к нам приехал сам Спаини, потом меня закружил вихрь погони за квартирами со всеми скучными сопутствующими мелочами, я со дня на день откладывала письмо к Вам.³ Надеюсь, Вы простите меня за это, дорогая: Вам ведь, как и мне, письма писать трудно. С нетерпением жду Вашего приезда и долгой хорошей беседы с Вами.

Не беспокойтесь за Былины.⁴ Они в целости и сохранности; будут возвращены Вам, как только Вы этого потребуете.

Очень я счастлива, что ближе сошлась с Вашей Верой. Она очаровательна; чем ее больше знаешь, тем больше любишь.

До свидания, дорогая; надеюсь, до скорого.
Сердечный привет от Вяч-а Ив-а и от Лидии.
Нежно обнимаю и целую Вас. Ваша Ольга

¹ Это письмо Синьорелли в фонде Шор не выявлено.

² В декабре 1939 г. Спаини послал Иванову деньги, умоляя принять эту дань “братской дружбы”, в связи с “тяжелым общим положением” (см. его письма к Иванову от 4 и 8 декабря 1939 г. (РАИ, f. 6, № 142).

³ В это время произошел переезд Ивановых в дом на Авентине; см. об этом: *Иванова Л.* Воспоминания. С. 254-255.

⁴ Тексты былин нужны были Вяч. Иванову для работы над “Повестью о Светомире Царевиче”. Возможно, речь идет об одном из наиболее авторитетных изданий – двухтомнике “Былины” под редакцией М. Н. Сперанского, вышедшем в изд-ве Сабашниковых (Т. 1. М. 1916 и Т. 2. М. 1919). См. предположение исследователя, что Иванов, состоящий в юности в дружеской переписке с М. Н. Сперанским, следил и в дальнейшем за его трудами (*Топорков А. Л.* Фольклорные источники в “Повести о Светомире царевиче” В. И. Иванова // *Europa Orientalis*. 2002. № 2. С. 235).

126

О. Синьорелли – Вяч. Иванову

4 апреля <1940>¹

Сан-Ремо, Albergo Miramare

Дорогие мои,

получаю “Animus e Anima” нашего милого Tommasini² и, вызывая в душе столько воспоминаний, это напоминает мне, что так давно собираюсь написать вам.

Не имея в кармане телефона, вы вряд ли расслышали мои пожелания и поздравления, которые я вам посылала в дни Пасхи... Обыкновенно очень ленивая на письма, я была еще ленивее в те холодные, ветреные дни, когда казалось, что вот, вот так и будем снесены с поверхности земли.

Видала очень редко и нашего друга,³ который очень занят в это время и очень огорчен, что Carabb'e запретили продавать их философские книги.

Милый von Heiseler⁴ (который кажется призван в апреле) просит сообщить Вяч. Ив., “eine gute Nachricht: sein ‘Tantalos’, in der Übersetzung meines Vaters wird jetzt endlich gedruckt, ich habe heute die ersten Korrekturen bekommen”.⁵ Я посылаю ему Ваш адрес, но, во всяком случае, будьте добры и напишите ему. Не надо его забывать. Из перевода его “Die gute Welt”⁶ опять, кажется, ничего не выходит! Издатель отклонил предложение Спаини. Они ищут “nicht gute Welten”.⁷ Но я на-

деюсь, что будет написана рецензия на эту его книгу. Так мне, по крайней мере, обещали. Адрес Heiseler'a – Vorderleiten-Brannenburg am / Inn Oberbauern.

И теперь обнимаю вас всех троих сердечно и желаю всего наилучшего. Ваша Ольга

Спаини дал мне ваш номер, но, мне кажется, что это тот, неверный, который я ему написала.⁸

¹ Год установлен по содержанию.

² Речь идет о работе: *Frate A. M. Tommasini. Animus e anima* // *Rivista di filosofia neoscolastica*. 1940. № 1. Milano 1941. В статье автор рассуждает о полярности понятий "Animus" и "Anima" "в учении некоторых проникательных и гениальных католических авторов", и на с. 92-96 анализирует немецкую статью Вяч. Иванова "Anima" (Corona. Mai 1935), дополняя изложение цитатами из немецкого перевода его же статьи "Terror antiquus" (Corona. 1935. Januar). Оттиск статьи Томмазини см. в итальянской части библиотеки Вяч. Иванова: <http://www.v-ivanov.it/literatura/biblioteca-vyach-ivanova/knigi-i-zhurnaly-na-italyanskom-yazyke>. Об авторе см. в примеч. 5 к письму О. Шор Синьорелли № 106 от 10 февраля 1934 г.

³ Вероятно, речь идет о Марко Спаини.

⁴ Немецкий писатель и поэт Бернт фон Гейзелер (Bernt von Heiseler, 1907-1969), сын Генри фон Гейзелера (1875-1928), переводчика русской литературы (в том числе Иванова) был одним из близких друзей Иванова, посещавших его римский дом в 1920-е гг. Речь в немецкой приписке идет о корректуре издания перевода трагедии Иванова "Тантал": *Tantalos (Tragödie, 1905). Deutsch übers. von Henry von Heiseler. Dessau: Karl Rauch Verlag, 1940*; этот перевод Иванов оценил как "удивительный по совершенству" (Мосты. 1963. № 10. С. 364). В архиве Синьорелли хранятся 63 письма (1939-1959) Бернта фон Гейзелера (ARI, VI. T. 1. P. 42).

⁵ "Хорошую новость: его 'Танталос' в переводе моего отца теперь наконец печатается, я получил сегодня первую корректуру" (нем.).

⁶ "Добрый мир" (нем.). Речь идет о сделанном германистом и критиком Альберто Спаини (Alberto Spaini, 1892-1975) переводе на итальянский язык романа Бернта фон Гейзелера "Die gute Welt" (München 1938; книга имела в библиотеке Вяч. Иванова). Перевод Спаини вышел через пять лет, см.: *von Heiseler B. Il mondo dei buoni* / Traduzione di Alberto Spaini. Milano: Allegranza, 1945.

⁷ "Недобрые миры" (нем.).

⁸ Приписка на верхнем поле первой страницы.

127

О. Синьорелли – Вяч. Иванову

11 сентября 1942¹
S. Remo

Carissimi,

spero che Spaini vi avrà portati i miei saluti. Spero di rivedere a Roma ancora Dima, poiché sarò a Roma verso il 18. Penso che il vostro nuovo vi-

cino Ungaretti vi avrà fatto una visita com'era il suo desiderio. Prego tanto Flammingo <rak!> di non dimenticare a procurare per me il volume delle Lettere della signora Tatiana. Tanti saluti a voi tutti da Vera e suo marito, e da me. Vostra Olga Resnevic Signorelli

Перевод

Дорогие мои,

надеюсь, что Спаини передал привет от меня. Надеюсь, застать еще Диму в Риме, так как я буду в Риме около 18-го. Наверно ваш новый сосед Унгаретти² Вас уже навещал: он очень желал с вами познакомиться. Очень прошу Фламинго не забыть мне доставить том писем от синьоры Татьяны.³ Привет вам всем от Веры и ее мужа, и от меня. Ваша Ольга Ресневич Синьорелли.

¹ Год установлен по почтовому штемпелю на открытке, адресованной "Prof. Venceslao Ivanov".

² Джузеппе Унгаретти (Giuseppe Ungaretti, 1888-1970) – поэт и писатель; в 1942 г. вернулся в Италию из Бразилии (где был с 1936 г.); был избран в итальянскую Академию и стал профессором современной литературы в Римском университете; 18 его писем (1918-1964) хранятся в архиве Синьорелли (ARI, VI. T. 1. P. 73).

³ Речь идет о дочери Толстого Т. Л. Сухотиной (1864-1950), которая жила на Авентине, рядом с Ивановыми и состояла с ними в дружбе. Имеется в виду книга: Толстовский Музей: Т. I. Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой (1957-1903). СПб. 1911, которую Синьорелли собиралась переводить (см.: *Tolstoj L. N. Carteggio confidenziale con Aleksandra Andreevna Tolstaja / A cura di Olga Resnevic Signorelli*, Torino: Einaudi, 1943). Сохранилось три письма (1941-1945) Сухотиной Толстой в фонде Синьорелли (ARI, VI. T. 1. P. 72). Мемуарный очерк Синьорелли о ней см.: Там же. Т. 2. P. 249-252.

128

Вяч. Иванов – О. Синьорелли

<Июнь 1944>, вторник¹

Дорогая Ольга Ивановна,

Я чрезвычайно тронут истинно дружеской памятью о нас с Вами нашего милого, милого Кавикьоли и восхищен необычайностью всего происшествия, которое, в самом деле, переносит нас во времена Манцони.² Во всем этом много поэзии, и – в довершении всего – Ваша записка к Фламинго, повествующая о почти невероятном приключении, вылилась у Вас, сама собою, очаровательно, – с классическим изяществом. Grazie!

Ваш Вяч<еслав> Иванов

¹ Датируется по стихотворению из "Римского дневника" Иванова "Аль и впрямь вернулись лета...", от 22 июня 1944 г. (*Иванов Вячеслав. Собр. соч. Т. III. С. 615*), посвященного Кавикьоли. Стихотворение, как и настоящее письмо, явилось откликом на

присылку сигарет. Синьорелли сопровождала ее следующим письмом к Шор: “Дорогая, эти сигареты посылает Кавикьоли из Мирандолы. Сегодня мне их принес мужчина (одну пачку для меня, вторую для Вяч. Иванова), его жена их принесла пешком из Мирандолы (10 дней ходьбы). Такая трогательная мысль о нас со стороны нашего Кавикьоли меня глубоко тронула, тем более, что он все время меня бранил за то, что курю <...> Как будто мы вернулись назад на целый век...” (текст письма по-итальянски, FSFC).

² Алессандро Мандзони (Alessandro Manzoni, 1785-1873) – писатель-романтик, аристократ, автор знаменитого исторического романа “Обрученные” (1827).

129

О. Синьорелли – О. Шор

1 июля <19>44

Дорогая, мне нужна Ваша помощь.

Очень прошу, напишите мне вкратце – и очень спешно – Ваше впечатление о “La Giara”,¹ “Coppelia”² и “Petrushka”.³ Достаточно несколько слов о хореографии, постановке, исполнении. Можете писать на любом языке, сообщая Ваше впечатление, как Вы могли бы это делать в письме, если бы я была вне Рима.

Мне это очень спешно нужно для некоторых хлопот о судьбе балета.⁴

Простите, что я Вас затрудняю, но буду Вам очень, очень благодарна.

Если могу Вам в чем-нибудь помочь за эту потерю времени, скажите мне.

Пошла бы к Вам, но сегодня должна много ходить по разным делам, и чувствую себя еще очень усталой.

Очень, очень хочется повидаться.

Привет всем. Сердечно благодарю Вас и обнимаю нежно Ольга

¹ Балет на музыку Альфредо Казелла по новелле Пиранделло “La Giara” (Кувшин), впервые поставленный в Театре на Елисейских Полях в Париже в 1924 г., шел в римском Театре оперы с 10 до 29 апреля 1944 г. (dir. De Fabritiis, cor. Milloss).

² Балет “Coppelia” на сюжет Э. Гофмана и музыку Л. Делиба (1870) шел в римском Театре оперы 10 марта 1944 г. (dir. Stinco, cor. Milloss). Репетиции шли до 22 апреля.

³ Балет И. Стравинского “Петрушка” (1911), написанный для “Русских сезонов” Дягилева, шел в римском Театре оперы 30 декабря 1943 г. (dir. De Fabritiis, cor. Milloss). Сценография – Николая Бенуа. Репетиции шли 2 и 6 января 1944 г.

⁴ Вероятно эти сведения нужны были для написания статей о балете, которые, однако, были опубликованы только через два года. См.: *Resnevic Signorelli O. Il balletto in Italia // La fiera letteraria*. 5 settembre 1946. P. 7; *Resnevic Signorelli O. Il balletto in Italia durante la Guerra // Mondo latino*. 1946. № 1. P. 58-59.

130

О. Синьорелли – Ивановым¹

5 nov<embre> 1946

<S. Marino>, Albergo Titano

Сердечный привет вам всем и от меня и от Милоша.² Живется здесь, как за границей. Работа подвигается медленно, я отдыхаю в полном смысле слова, и вернусь не раньше 15-го ноября. Я себе воображала все иначе, и этот новый опыт для меня очень интересен. Вся труппа – большая семья интересных людей. Обнимаю всех сердечно. Ольга Ресневич-Синьорелли

¹ На открытке с видом Сан-Марино, адресованной “Famiglia Ivanov”.

² Аурел Милош (Aurel Milloss, 1906-1988) – танцор и хореограф Римской оперы, ближайший друг О. Синьорелли; сохранилось 265 его писем к ней (1945-1973) (ARI, VI. T. 1. P. 52). О Милоше и его отношениях с Синьорелли см: Veroli P. Teatro e spettacolo nella vita di Olga Signorelli // ARI, VI. T. 2. P. 122-135.

131

Вяч. Иванов – О. Синьорелли

9 марта 1948, Рим

Дорогая Ольга Ивановна,

Верный друг, Вы всегда союзница благоприятных мне созвездий. Я не дивлюсь Вашему участию в милом заговоре нескольких друзей – поймать на радость мне солнечный луч в лице этого пленительного античного Сатириска из виноградников Диониса, – но глубоко тронут Вашим присутствием в числе великодушных и щедрых моих сочувственников и от всего сердца Вам благодарен.¹

Ваш Вячеслав Иванов

А через несколько дней я открыл, что это не Сатииск, а один из юных спутников и отражений Диониса, отрок *Àmpelos*² (т.е. “виноград” и “виноградник”). Он не только увенчан виноградом, но и сам олицетворение винограда. Он, как и все другие, “герои ипостаси” Диониса, тождествен с ним (сам Дионис – виноград) и потому разделяет его страстную (мученическую) участь, и именно он умерщвлен быком (бык – сам Дионис!). В Дионисовой религии жрец и жертва – одно: и жрец, и жертва сам Дионис. ВИ

¹ Вяч. Иванов благодарит за оригинальный античный бюст, подаренный ему от имени друзей Синьорелли, Т. Сухотиной, К. Лозина-Лозинского А. Белобородова, Л. Ганчикова, Э. Ло Гатто, и др. К письму приложена вырезка посвященной Иванову статьи: *De*

Sanctis G. Religione e poesia: Il cigno di Mosca // Il Messaggero (Roma). 11 gennaio 1948 (FSFC).

² Àmpelos (*греч.*, виноград) – Ампел, сын сатира и нимфы, спутник и возлюбленный Диониса с исмарийских гор. Иванов пересказывает миф, изложенный в X-XI песнях поэмы Нонна “Деяния Диониса”, по которому Ампел погиб от дикого быка, на которого Селена наслала слепня, и превратился в виноградную лозу.



Ольга Синьорелли и Димитрий Иванов. Конец 1960-х гг.

Письма и записки без даты

О. Синьорелли – Вяч. Иванову¹

4 августа <1930-е гг.>

Ore 17.30

Дорогой В. И., была у Вас с Спаини: звонили долго, но никто не открыл. Уезжаю в субботу утром на Капри.

Жму руку Ольга Синьорелли

Saluti e ossequii² M. Spaini

¹ На обороте гравюры с видом арки Траяна.

² Приветствия и почитания (*ut.*). Фраза приписана Спаини.

Вяч. Иванов – О. Синьорелли

Понедельник

Дорогая Ольга Ивановна,

Из-за болезни Лидии, которая сегодня целый день в постели, приходится изменить план. Буду у Вас после 5 ч. и мы пойдем с Вами к Сибилле,¹ не правда ли? В другой день Вы придете с ней к нам.

Дружески Ваш

Вяч. Иванов

¹ Сибилла Алерамо (Sibilla Aleramo, наст. имя Rina Faccio, 1876-1960) – писательница, друг Синьорелли с 1910-х гг.; в фонде Синьорелли сохранилось 78 ее писем за 1911-1956 гг. (ARI, VI. Т. 1. Р. 17), а в архиве Алерамо (Фонд Грамши, Рим) хранится 91 письмо Синьорелли. Опись архива Алерамо см.: *Zancan M., Pipitone C.* (a cura di) *L'Archivio Sibilla Aleramo. Guida alla consultazione.* Roma: Fondazione Istituto Gramsci, 2006. О дружбе Синьорелли и их совместной филантропической деятельности в деревнях окрестностей Рима см. в заметке “От редакции” и в воспоминаниях Синьорелли (ARI, VI. Т. 2. Р. 198-201). Знакомство Иванова с Алерамо произошло (как вспоминает Д. В. Иванов) “в художественном салоне нашего старого Римского друга Ольги Ивановны Резневич-Синьорелли” в 1925 г. (ARI, I. Р. 545). В фонде Синьорелли сохранилось письмо Иванова к Сибилле от 5 апреля 1945 г., написанное по-итальянски и содержащее анализ ее книги “*Si alla Terra*” (“Да Земле”, 1934; подарена автором Иванову весной 1945 г.), см. его публикацию по копии в РАИ (ARI, I. Р. 544-545).